

A dark, atmospheric image of a person in a suit, possibly a detective or investigator, standing in a dimly lit environment. The person is wearing a dark suit, a white shirt, and a dark tie. The image is heavily splattered with red, suggesting blood or a crime scene. The overall tone is mysterious and ominous.

НЕУКРОТИМЫЙ

Не слушай свое сердце.
Твое сердце глупое.

БЕЛЬ АВРОРА

Имея за плечами то детство, которое мне выпало, вы могли бы подумать, что я вырасту более испорченной, чем я есть на самом деле. Как только мне исполнилось шестнадцать, я ушла из той дыры, которая звалась моим домом и решила жить самостоятельно. Самое разумное решение в моей жизни. Сейчас, когда мне двадцать шесть, я образована и имею работу, в которой я чертовски преуспела. Мои друзья стали мне семьей. Как и я, они знают, каково это расти нелюбимой. Но справедливо изречение «Мир открыт для тех, кто знает, куда он идет». Это про меня. Я знаю, куда я иду, и я когда-нибудь достигну своей цели. По моим собственным правилам и в удобном мне темпе. Но также есть он. Я чувствую его взгляд. Я вижу его притаившимся в тени. Он наблюдает за мной. Он будоражит меня. Это не нормально... Но вполне реально. Уверена, вам интересно, как это — влюбиться в своего сталкера. Мне тоже. Это не история. Это моя жизнь

Белль Аврора
Неукротимый

20 лет назад...

Я слышу их снова.

Мои соседи дерутся. Маленький мальчик кричит, чтобы он остановился.

Я опускаюсь на колени у окна. Крепко зажмурившись, я закрываю уши руками и пою сама себе.

Мне это не нравится.

Потом все прекращается.

Я прислушиваюсь, затем открываю свои уши.

Повернувшись, я слегка приподнимаюсь, выглядываю за край окна и вижу, как он быстро идет мимо моего дома. Он спотыкается, падает и пропадает из моего поля зрения.

Ему больно.

Мое сердце колотится.

У меня будут большие неприятности. Папочка очень рассердится.

Опустившись на мгновение на колени, я быстро встаю и крадусь к двери.

Я прислушиваюсь.

Работает телевизор, и я слышу, как он храпит.

Надеюсь, проскачу.

Спускаясь на цыпочках вниз по лестнице, я проскальзываю на кухню. Беру стул от небольшого обеденного стола, встаю на него и тянусь к верхней полке.

Я беру то, что мне нужно, ставлю стул на место и направляюсь к задней двери.

Моя рука тянется к ручке, крепко ее сжимает... и я замираю на месте.

У меня может быть куча проблем из-за этого.

Мое сердце выпрыгивает из груди.

Поворачиваю ручку, она немного скрипит и мной овладевает страх. Остановившись, я поворачиваю ее так медленно, что требуется целая вечность, чтобы повернуть ее до конца.

В конце концов, я чувствую, что замок открылся, и распахиваю дверь. Сняв тапочки, я ставлю их между дверью и рамой так, чтобы дверь не закрылась.

Босиком и одетая только в белую ночную рубашку, я осторожно пробираюсь через задний двор. Мягкая трава под ногами кажется очень холодной. Слышатся звуки тихого плача и тяжелых вздохов, и я двигаюсь в ту сторону.

Нахожу его в самом конце нашего двора, под деревом. Я отмечаю про себя, что он закрывает лицо руками.

Его тело дрожит.

Даже укутанный темнотой, он не хочет, чтобы кто-то увидел его слезы.

Он старается быть сильным.

У меня болит сердце.

Медленно подходя ближе, я наступаю на ветку. Она с треском ломается, и он резко скидывает голову и смотрит на меня.

Вскочив, как «Джек из коробки», он кричит:

— Оставь меня в покое.

Не делая больше попыток приблизиться, я кладу то, что принесла на землю и шепчу:
— Тебе больно.

Он внимательно смотрит на меня, осматривая предметы, которые я принесла и мое лицо, как будто ищет какой-то намек, что все это просто шутка.

Он хмурится и тихо произносит:

— Мне всегда больно.

Даже в темноте я вижу ненависть в его глазах. Она ярко сияет, словно день.

Я вижу, как его щека становится темнее. Сделав шаг вперед и широко раскрыв глаза, я говорю:

— У тебя идет кровь.

Дотронувшись до своей щеки, он трогает рану кончиками пальцев, убирает их, затем смотрит на свою кровь. Он медленно растирает ее между большим и средним пальцами. Ласкает кровь, как будто извиняется.

— Я-я могу помочь тебе, — заикаюсь я.

— Никто не может мне помочь, — подняв на меня свои холодные глаза, выплевывает он.

Он не может говорить со мной в таком тоне.

Уперев руку в бедро, я сердито смотрю на него.

— У меня будут большие неприятности, — шепчу я, — мой папочка будет сильно рассержен. — И... и я пришла, чтобы помочь тебе.

Внезапно испугавшись, я продолжаю говорить более приглушенным голосом:

— Пожалуйста, позволь мне помочь тебе.

Мне нужно вернуться обратно в дом, прежде чем мой отец узнает, что я не в кровати.

На моем лице, должно быть, отражается весь мой страх, потому что он немного расслабляется и спрашивает:

— С какой это стати ты мне помогаешь?

Я не уверена.

— Тебе больно, — я пожимаю плечами.

— Всем вокруг все равно, больно мне или нет.

Мое сердце начинает бешено стучать.

— Мне не все равно, — шепчу я.

Какое-то время мы стоим, уставившись друг на друга.

Наконец, он походит ближе и спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Алекса. Алекса Баллентайн.

Он кивает, но ничего не отвечает.

— А тебя как зовут?

Он пинает камень.

— Не важно. Ты забудешь мое имя сразу же, как я уйду.

У меня все внутренности завязываются в тугую узел. Мне необходимо узнать его имя.

— Нет, не забуду, — делая шаг вперед, обещаю я.

Подняв голову, он проводит рукой по своим грязным каштановым волосам, чтобы убрать их с лица. Он смотрит на меня чуть дольше секунды, затем произносит:

— Антонио Фалько.

Я хочу ответить, что мне приятно с ним познакомиться, но это будет неправдой.

— Сколько тебе лет? — переступая с ноги на ногу, спрашиваю я.

Он опирается о ствол дерева:

— Восемь.

Мне кажется, ему больше.

— А тебе сколько? — спрашивает он.

— Шесть.

Пауза.

— Скоро будет семь, — лгу я.

Его брови ползут вверх:

— Ты выглядишь старше.

Вау. Я просто то же самое подумала о нем.

— Почему твой папа причиняет тебе боль? — не подумав, выпаливаю я.

Его лицо каменеет.

— Он мой отчим.

Услышав шум в доме, я поворачиваюсь, и мои глаза округляются от страха.

— Пожалуйста, позволь мне помочь тебе, — повернувшись обратно к Антонио, шепчу я.

— Хорошо, — бормочет он, опустив глаза.

Радость и облегчение заполняют все мое существо.

Он делает шаг вперед, выходя на свет, и я ахаю. У него в щеке дыра.

Я нервно сглатываю, стараясь подавить подкатившую к горлу тошноту.

Взяв салфетку и антисептик, я предупреждаю его:

— Это шгука очень жжет.

Но когда я прикасаюсь к его ране, он даже не вздрагивает. Он, не мигая, смотрит мне прямо в глаза.

Беру пластырь, открываю его и прилепляю на верхнюю часть скулы. Это не слишком-то помогает. Рана слишком большая. Но он, тем не менее, бормочет: — Спасибо.

Очередной шорох в доме заставляет меня вздрогнуть.

— Мне нужно идти. Еще увидимся, Антонио, — быстро шепчу я, глядя в его карие глаза.

Он смотрит вниз, на землю:

— Нет. Не увидимся.

И мы не увиделись.

Больше никогда.

Сидней. Австралия, 2014

Стук в дверь не прекращается.

Погружаясь глубже в матрас, я натягиваю на себя одеяло и сонно вздыхаю.

Тук, тук, тук.

— Алекса, поднимай свою задницу! Ты забыла, какой сегодня день?

Кажется, это Дрю.

Открываю глаза и издаю стон.

— Дерьмо, — я выпрыгиваю из кровати, как будто меня катапультируют. — Дерьмо!

Добежав по коридору до входной двери, я отпираю защелку и распахиваю дверь. На пороге стоит Дрю, он выглядит немного раздраженным. Он обводит взглядом все мое тело, раскрыв рот.

Нахмурившись, я слежу за его взглядом и вскрикиваю:

— Черт!

Я не люблю спать в чем-то громоздком. Майка с тонкими лямками и трусики — вот, в чем я обычно сплю. Убежав обратно в комнату, я слышу сдавленный смех Дрю.

— Смейся-смейся, Дрю, — кричу я ему. — Ты еще заплатишь за это.

Дрю — мой коллега по работе, и я забыла, я, черт возьми, забыла, что нам сегодня рано утром нужно быть в суде.

Я переехала в Австралию из США, когда мне было восемнадцать. Моя приемная мама заботилась обо мне с моего шестнадцатилетнего возраста, и, когда ее здоровье начало ухудшаться, она захотела переехать поближе к своей семье. Так как она родилась в Австралии, то именно туда она и направились, и я уже почти было смирилась с мыслью, что потеряю ее навсегда.

Только этого не произошло.

После нескольких дней моего пребывания в депрессии из-за ее предстоящего отъезда, она заявила:

— Упаковывай свои вещи в коробки, чтобы я могла отправить их до нашего отъезда. Оставь только чемодан с одеждой. Я постараюсь не отсылать наши вещи раньше, чем нужно, но все же я хочу, чтобы они были уже там, когда мы приедем.

У меня в голове что-то щелкнуло.

Чего-чего?

Мама погрузилась, увидев обалдевшее выражение на моем лице:

— Ты не хочешь ехать со мной?

Несколько мгновений удивленно поморгав, я радостно взвизгнула и кинулась ей на шею.

— Да! Да! Я хочу, мама!

Таким образом, я положила конец нашему небольшому недопониманию.

Раздевшись, я брызгаю на себя дезодорантом добрых тридцать секунд, прежде чем отбросить флакон в сторону, и принимаюсь рыться в шкафу в поисках чего-нибудь приличного из одежды. Я выбираю белую рубашку с длинным рукавом, которую заправляю в черные брюки и дополняю свой туалет тонким черным ремешком.

Определенно, элегантно для здания суда.

Скользнув в туфли на низком каблуке, я тру заспанные глаза, распускаю волосы, встряхиваю их и смотрю на себя в зеркало.

Неплохо. Могло бы быть гораздо хуже.

Поджав губы, я одобрительно киваю.

Сойдет и так. У меня больше нет времени.

Когда я выхожу из комнаты, Дрю поворачивается ко мне и окидывает меня оценивающим взглядом. Его голубые глаза округляются.

— Ты что, правда... — он неопределенно тычет в мою сторону, — успела собраться менее чем за пять минут?

— Угу, — бросаю я и бегу на кухню, чтобы взять свою сумочку.

— Мне нужно серьезно поговорить с моей девушкой, — пробормотал он, качая головой. — Очень даже серьезно. Кому нужно два часа, чтобы собраться в кино?

Это, правда, слишком много времени.

Наконец-то взяв свою сумочку и папку, я возвращаюсь к нему.

— Не говори ей ничего, что потом будет иметь нежелательные последствия. Она собирается так долго, потому что хочет выглядеть хорошенькой для тебя.

Направляясь к моей входной двери, он посмеивается:

— Мне она нравится и без всякого этого дерьма на лице.

Остановившись, я кладу руку на бедро и наклоняю голову:

— Ты говорил ей это?

Дрю негодующе поджимает губы.

Так я и думала. Нет, он не говорил.

Выгибая брови и указывая не него пальцем, я ему советую:

— Обязательно скажи ей об этом.

Мы выходим из моего подъезда и направляемся к его машине.

— Ты знаешь, что тебе нужно будет сказать? — спрашивает Дрю по дороге к зданию суда.

— Это несложно, — кивнув, отвечаю я. — Талия в состоянии позаботиться о себе лучше, чем ее родители. И, кроме того, ей уже семнадцать. Если она хочет быть независимой, у нее для этого есть отличная возможность. Мы не говорим здесь о тринадцатилетней. Мы говорим о семнадцатилетней девушке, которая ушла из дома в пятнадцать, нашла работу и жилье. Своими. Силами. Она ответственная и... — повернувшись к Дрю, я добавляю с улыбкой, — она такая хорошая девочка. Такая милая и очаровательная. Я думаю, этого достаточно, чтобы выиграть это дело.

Дрю снова сосредотачивается на дороге, улыбаясь.

— Я тоже думаю, что это дело у нас в кармане.

Торжествующая улыбка расплывается по моему лицу.

Глава 2

У меня эйфория.

Как только мы выходим из здания суда, больше нет надобности казаться беспристрастной, поэтому я подбегаю к Талии и громко шепчу:

— Поздравляю, дорогая!

Она тихо смеется и позволяет себя обнять. Я крепко прижимаю ее к себе, продолжая улыбаться.

Я люблю свою работу.

— Спасибо вам, — бормочет она. — Нет, правда, большое спасибо.

— Не за что, — произношу я, отстраняясь, и заправляю ей волосы за ухо.

Выпуская ее из своих объятий, я даю ей последние наставления:

— Теперь ты свободна и можешь делать все, что тебе вздумается. Но это совсем не повод начать таскаться по барам и напиваться, договорились?

Талия закатывает глаза:

— Хорошо, мамочка.

Я хихикаю, мне нравится ее грубоватый австралийский акцент.

Улыбаясь, я кладу руку ей на плечо и легонько сжимаю его.

— Ты в курсе, что можешь звонить мне в любое время. Даже если это что-то не очень важное, — говорю я ей, пожимая плечами. — Любой пустяк, вроде совета насчет отношений с мальчиком, или даже какой стиральный порошок использовать для определенного типа пятен.

Она смеется, и моя улыбка становится нежнее.

— Любая беда, дорогая. Тебе больше не нужна моя помощь, но ты навсегда останешься одной из моих подопечных.

Ее улыбка гаснет, а в глазах начинают блестеть от слез.

— Спасибо, мисс Баллентайн, — шепчет она.

— О, нет. Теперь ты взрослая. Ты можешь звать меня Лекси, — говорю я на полном серьезе, качая головой.

Она трет глаза, чтоб не дать слезам вырваться наружу:

— Спасибо, Лекси.

— Всегда пожалуйста, — отвечаю я, направляясь к машине Дрю.

Дрю терпеливо ждет на водительском сидении, во что-то играя на своем телефоне. Подходя к машине, я чувствую, что он наблюдает за мной.

Дрожь пробегает по моему телу. Мои волосы встают дыбом.

Резко остановившись, я стараюсь действовать осторожно. Я открываю свою сумочку и делаю вид, будто ищу там что-то важное.

Мое сердце бешено колотится.

Где он?

Я стараюсь незаметно осмотреться. Смотрю через улицу, в направлении к одному из многочисленных кафе. Глаза ощупывают каждый дюйм, ища знакомую черную толстовку с капюшоном. И как только я собираюсь завязать с этим делом, я замечаю его.

Он наблюдает за мной из-под капюшона своей толстовки, откинувшись назад на скамейке.

Я знаю, что должна заявить об этом в соответствующие органы.

Он повсюду. Именно повсюду. Похоже, что он знает, куда я пойду, прежде чем это узнаю я.

Он поднимает голову и смотрит прямо мне в глаза.

Он никогда не делает никаких движений в мою сторону. Он не предпринимает никаких попыток, чтобы познакомиться со мной.

Он просто... существует. Никогда не беспокоит меня.

По правде сказать, когда я вижу его, это что-то будоражит во мне.

Он поселился в моем подсознании. Звезда моих снов. Это смешно, я знаю.

У него пронизывающие глаза. Они полны огня. Я не знаю, что со всем этим делать.

— Лекс, готова ехать? — кричит Дрю.

Я трясую головой, понимая, что простояла здесь почти пять минут, просто уставившись на странного парня на противоположной стороне улицы.

— Да, поехали обратно в офис, — отвечаю я. Мое лицо горит.

Мой взгляд снова возвращается к нему.

Только еще разок взгляну.

Но он ушел. Как обычно.

Преследуемая привидением.

Я мысленно насмехаюсь над собой.

Как обычно.

Вернувшись на свое рабочее место, я прощаюсь с Дрю, выслушивая его четырехсотое по счету поздравление с победой в борьбе за свободу Талии.

Не переставая улыбаться весь путь до своего кабинета, я захожу внутрь и вижу, что кто-то сидит в моем кресле.

Точнее, раскачивается на нем, закинув ноги на мой рабочий стол, как какой-то бизнесмен-миллионер.

— Майкл, убери ноги со стола. Сейчас же!

Мой тон строгой мамочки никак на него не действует, потому как произношу я все это с громкой улыбкой на лице.

Но Майкл совсем другой. Он хороший мальчик.

Его ноги соскальзывают со стола, и он ухмыляется:

— Есть какие-нибудь новости для меня?

Дерьмо.

Мое лицо мрачнеет. И видя это, его лицо становится таким же.

Майклу почти семнадцать. Он из приемной семьи, в этом-то и вся проблема. Его мать вышла из тюрьмы менее чем полгода назад, и он снова хочет жить с ней.

Но она...

— Она не хочет, чтобы я вернулся, — он рассматривает свои ноги.

Я кладу свою сумку на стол и со вздохом падаю в кресло для посетителей:

— Ох, милый. Дело совсем не в этом. Все намного сложнее, чем просто желание вернуть тебя, и она, кстати, этого хочет.

Майкл снова смотрит на меня.

— Вы должны быть на моей стороне.

Наклонившись вперед, я смотрю ему прямо в глаза.

— Я и так на твоей стороне. Всегда. Никогда не сомневайся в этом.

Он выглядит пристыженным, но все еще немного раздраженным, затем он тихо спрашивает:

— Почему?

— Очень много волокиты и всяких процедур, связанных с выходом из тюрьмы, — откинувшись в кресле, объясняю я. — Предоставленное бывшим заключенным жилье, как правило, оставляет желать лучшего, оно до того примитивное, что ты даже представить себе не можешь. Затем поиск работы. Устроившись на которую, требуется серьезное к ней отношение. В случае с твоей мамой, она должна посещать курс терапии каждую неделю, и в течение какого-то времени ей ежемесячно будут проводить тест на наркотики. И честно говоря, милый... — он поднимает взгляд на меня, — она думает, что ты заслуживаешь лучшего. Я тоже так считаю. Ее главная забота состояла в том, чтобы вернуть тебя на несколько месяцев, потом тебе исполнится восемнадцать, и тогда ты сам сможешь распоряжаться собой. Ты будешь умным мальчиком и все сделаешь правильно, ведь правда?

Выражение лица Майкла смягчается:

— Да, мне просто нужны деньги.

Я слегка улыбаюсь:

— Хорошо, тогда мы найдем тебе работу.

Он кивает, затем спрашивает:

— Как прошло у Талии?

Маленький засранец.

Он знает, что я не могу распространяться об этом.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — говорю я с непроницаемым выражением лица.

Он ухмыляется:

— Все вы знаете. Ее судебная фигня была сегодня. И вы ее социальный работник.

Я неопределенно пожимаю плечами:

— Если ты хочешь узнать что-то о Талии, я советую тебе спросить об этом у нее самой.

Майкл мечтательно прикрывает глаза:

— Она красотка. Я постоянно вижу ее в школе, но у меня никогда не было возможности подойти и заговорить с ней. А я хотел бы.

Это так мило. Мое непроницаемое выражение лица начинает смягчаться.

— Ну, ты должен приложить все усилия и заговорить с ней. Пригласи ее в кино или куда-нибудь.

Он с вызовом смотрит на меня:

— Я приглашу девушку на свидание только тогда, когда смогу себе это позволить. В данный момент я не могу. Так что, свидание — не вариант.

Боже, помоги нам. У нас тут властный, маленький собственник в процессе взросления.

Я смягчаюсь:

— Ты хороший парень, Мики. Мы найдем тебе работу. И как можно скорее.

Вдруг он встает, хватая свою школьную сумку и направляется к двери:

— Пока, мисс Баллентайн.

— Пока, милый, — говорю я, поворачиваясь к двери.

Как только Майкл выходит, заходит Чарли. Чарли — мой босс и потрясающий парень.

Он — маори¹ из Новой Зеландии. Так что он такой высокий, толстый мужчина с оливковой кожей, но его голос настолько приятный и высокий, что кажется, будто разговариваешь с ягненком в шкуре льва.

— Лекс, есть время поговорить?

Я приглашаю его войти:

— Конечно. Чем могу тебе помочь?

Я встаю и сажусь на свое место за столом, а он садится на стул напротив меня и передает мне информационный листок вместе с бумагами, которые необходимо заполнить. Кивая, я уже знаю, что это.

Ежегодный тест на наркотики.

Это обязательно в моей работе. Социальная служба в Австралии не допускает употребления наркотиков, даже самого минимума. Что замечательно. Я не употребляю наркотики в любом случае.

Чарли наклоняется вперед и тихо говорит:

— В этом году нам прислали уведомление немного раньше, чем обычно. Поступили сведения, что кто-то из наших ребят принимает наркотики.

При мысли, что кто-то, с кем я работаю, принимает наркотики, мою кожу головы начинает покалывать, а волосы на шее шевелятся.

— О! — выдыхаю я, широко распахнув глаза.

Чарли понимающе кивает, замечая мою реакцию:

— Вот-вот. Мы подумываем устраивать эти проверки два раза в год, вместо одного. На всякий случай, чтобы держать людей в напряжении.

Я киваю, полностью соглашаясь:

— Поскольку люди имеют склонность расслабляться, это будет отличной идеей. Особенно, если один из наших и правда принимает наркоту.

Мысль, что за одного из моих подопечных берется социальный работник, который сидит на наркоте, приводит меня в бешенство.

Многие из этих детей видели слишком много неправильного в этом мире, и в большинстве случаев, это было связано с наркотиками. Я хочу защитить их. Я хочу, чтобы у них было детство, которого не было у меня. Я хочу быть рядом, чтобы помочь им, когда они оступятся.

Но мне надо быть осторожной.

И я буду осторожной.

Настолько, насколько это возможно для человека, у которого есть сталкер.

Глава 3

По дороге домой я слушаю радио и подпеваю.

Зная, что у меня ничего нет в холодильнике, и я имею в виду абсолютно ничего, чтобы приготовить поесть, я останавливаюсь в авто-кафе и покупаю бургер и чипсы.

Подъехав к своему дому, я паркуюсь на своем обычном месте и хмурю брови. Оба фонаря, освещающие стоянку, не работают. Обычно, если один сломан, то обязательно работает другой. Какое-то время я сижу в машине.

Вчера вечером они оба работали.

Незаметно блокируя двери в машине, я осматриваюсь вокруг. Все, кажется, в порядке.

Тогда почему мое сердце так бешено стучит?

Ты пугаешь сама себя.

Тяжело выдохнув, я невесело смеюсь и провожу руками по лицу. Я, действительно, просто пугаю сама себя. Не исправны фонари, и я уже умираю от страха. Качая головой, я вздыхаю и снимаю блокировку с дверей. Прежде чем выйти из машины, я тянусь через кресло, чтобы забрать свою еду.

— Дерьмо.

Я роняю свой напиток, и он разливается по всему креслу.

Рыча, я шарю в кармашке на спинке ближнего кресла, где всегда держу полотенца для тренажерного зала.

Найдя его, я бросаю потное полотенце на кресло и пытаюсь впитать им столько влаги, сколько возможно.

При выходе из машины, мой рот вдруг накрывает чья-то рука, а другая обвивается вокруг моей талии. Крепко.

Я слышу сопение у своего уха.

— Пискнешь, и я трахну тебя, не предохраняясь. У меня СПИД, сука. Ты хочешь заразиться СПИД-ом?

Делая все возможное, чтобы сохранить спокойствие, я быстро мотаю головой, а он смеется прямо у меня над ухом.

От него плохо пахнет. Невыносимо. Какой-то гнилью.

— Ты пойдешь со мной, — говорит он. — И не будешь дергаться. Ты будешь хорошей девочкой, не так ли?

Закрыв глаза, я киваю. Но, пока он тащит меня вдоль здания, я начинаю плакать. Слезы текут по моему лицу, в то время как все тело трясется и дрожит от страха. Я ничего не могу с собой поделать. Я помню, что сказала, что не буду сопротивляться, но все же упираюсь и царапаю ему руки. Я не хочу, чтобы он утащил меня куда-то в темноту, где мне никто не сможет помочь.

Это большой мужчина. Мужик, с которым мне одной никогда не справиться. Осознав это, я плачу еще сильнее.

Меня передергивает от отвращения, когда его теплый влажный язык очень медленно облизывает одну сторону моего лица:

— О, утихомирься. Тебе понравится. Я обещаю.

Мне не понравится твое дерьмо, ты, извращенный мудака!

— Закрой глаза, — требует он.

Я не слушаюсь. Не повинуюсь. Мои глаза остаются открытыми.

Тогда он приставляет лезвие к моему боку. Широкое. Я чувствую, как кончик прокалывает мне кожу, и я начинаю хныкать в его грязную руку.

— Закрой свои гребаные глаза, сука.

Я дрожу, закрываю глаза и чувствую, как свободной рукой он пытается стащить с меня штаны. Ему мешает ремень, поэтому он рывкает:

— Расстегни ремень и штаны. Сейчас же!

Мои трясущиеся руки работают очень медленно, выигрывая время. Но мне удастся тянуть его только до тех пор, пока он грубо не хватает меня за волосы. Я вскрикиваю от боли. Лезвие на секунду исчезает, прежде чем он обхватывает рукой мою шею. Крепко сжимая в руке нож, он проводит им по моей шее и останавливает острие у меня под ухом. Каким-то образом своими дрожащими, непослушными руками, я умудряюсь расстегнуть ремень и пуговицы. Он разворачивает меня, прижимая щекой к холодным кирпичам стены. Теперь лезвие направлено в сторону моего горла. Дергая мои брюки вниз, он прижимается ко мне сзади, и я инстинктивно сжимаю ноги. Его пальцы продвигаются к моему самому интимному месту между ног, и, достигнув его, он трет мой холмик через трусики, что заставляет меня плакать еще громче. Я чувствую его эрекцию на своей ягодице, и от этого испытываю такое отвращение, что мое тело начинает содрогаться.

Мне противно. Это противно.

Крепче сжимая руку вокруг моей шеи, он шипит:

— Закрой свой рот и не издавай никаких долбанных звуков.

Его отвратительный запах окутывает меня. Крикнув в последний раз так сильно, как могу, я замолкаю.

Он убирает руку с моего самого интимного места, затем лезет под блузку и сжимает мою грудь.

Мое сердце рыдает с каждым его омерзительным прикосновением. Он лапает мое тело, везде и как ему хочется, как будто я игрушка, а не человек. Проведя рукой вниз по моим ребрам, он останавливает ее на моем бедре на секунду, прежде чем произносит:

— О, черт, а ты горячая штучка.

Затем он запускает руку сзади мне в трусики, и сильно сжимает меня за ягодицы. Я всем телом вздрагиваю после каждого сильного и приглушенного всхлипа.

Меня никогда не насиловали. Но я работала с людьми, которых насиловали. И теперь я знаю, что каждый раз, когда говорила «я понимаю» одному из своих подопечных, на самом деле не имела об этом ни малейшего представления.

Даже и близко не понимала.

Я почти физически ощущаю, как мое сердце разбивается вдребезги.

Внезапно меня грубо дергают назад. С глухим ударом я приземляюсь на жесткий бетон и в смятении наблюдаю за разворачивающейся передо мной картиной.

Напавший на меня амбал врезается мордой в кирпичную стену здания благодаря действиям другого высокого мужчины.

Черная толстовка.

Это он.

Он держит моего насильника за шею, рывком пригибает его голову вниз, в то же время поднимая согнутую в колене ногу.

Щелчок, удар.

Он делает это снова и снова. Все внутри у меня сжимается от степени жестокости развернувшейся передо мной сцены. В конце концов я слышу глухой стук об землю и понимаю, что мой насильник потерял несколько зубов.

О, боже.

Человек в толстовке с капюшоном продолжает свое молчаливое избиение. Он бросает напавшего на меня мужика на землю и пинает его по ребрам, как будто перед ним просто футбольный мяч. Он делает это еще несколько раз, прежде чем его взгляд задерживается на мне.

Тяжело дыша, он останавливается и направляется ко мне.

Парализованная от страха, сквозь пелену слез я наблюдаю, как он приближается. Он почти достигает моих ног, когда я шепчу:

— Пожалуйста, остановись. Не подходи ближе.

Мои локти ноют, кожа на них, конечно же, содрана. Я пытаюсь отползти назад и плачу от боли.

Именно тогда он делает то, о чем я давно мечтала.

Он снимает капюшон.

— Я не собираюсь причинять тебе боль.

О, боже. Этот голос. Он звучит так же, как и в моих снах.

Спокойный, с небольшой хрипотцой. Потом до меня кое-что доходит:

— Ты американец.

— Так же, как и ты, — отвечает он, не задумываясь.

В его голосе слышится скука. Глядя на него снизу-вверх, я все еще не могу в темноте рассмотреть его лицо, но тут раздается звук расстегивающейся молнии, и я начинаю громко хныкать.

— Пожалуйста, не делай мне больно, — задыхаясь, я сквозь слезы, прошу его. — Умоляю.

Не говоря ни слова, он подходит ко мне. Дрожа, я зажмуриваюсь и, умоляя, шепчу:

— Пожалуйста. Пожалуйста. Не надо.

Он просовывает свои сильные руки мне под мышки и помогает подняться на ноги. Набрасывает что-то теплое мне плечи, и тогда я понимаю, что молния, звук которой я слышала, была на его куртке, а не на брюках.

Почувствовав невероятное облегчение, я тянусь вперед, к нему.

Прижимая мое лицо к своей груди, он обнимает меня, в то время как я громко всхлипываю. Он придвигается вперед и наклоняется. Обратно надевает на меня мои брюки, пытаюсь удержать их на месте, но, безусловно, молния сломана.

Оставляя насильника позади, я втайне надеюсь, что он мертв. Но судя по дрожащим, задыхающимся звукам, которые он издает, мои ожидания не оправдываются.

Парень придерживает меня, пока ведет к моему подъезду. Он не торопит меня, и чрезвычайно терпелив, пока я передвигаю свои трясущиеся ноги по ступенькам на второй этаж.

Когда мы доходим до моей квартиры, он открывает дверь. И только когда мы оказываемся внутри, до меня доходит, что он знает, где я живу.

Так почему ты не чувствуешь себя в опасности?

Потому что я в безопасности. Я просто знаю это. Я уверена в этом.

Он закрывает за нами дверь, включает свет и ведет меня по небольшому коридору в мою спальню. Вот тогда-то я и вижу его кожу.

Разукрашенная. Как одно большое произведение искусства.

Перестав плакать, я спрашиваю его дрожащим голосом:

— Ты был здесь раньше?

Но он мне не отвечает.

Доведя меня до кровати, он усаживает меня, затем идет в ванную. Не проходит и тридцати секунд, как я слышу, что он включил душ и снова вернулся в мою спальню.

Он даже не смотрит на меня, пока роется в моих выдвижных ящиках, вытаскивая оттуда одежду для меня.

Поэтому, пока у меня есть возможность, я рассматриваю его.

Если бы я увидела этого парня на улице, таким, как он сейчас одет, я бы опустила голову и пошла в другую сторону. И молила бы Бога, чтобы он этого всего не заметил, потому что злить подобных типов, однозначно, не самая удачная идея.

Хотя он очень красив. Только не в традиционном представлении.

Он высокий, чуть больше шести футов, у него мускулистое накачанное тело и оливковая кожа. Его темно-каштановые волосы начисто выбриты по бокам головы, но длинные на макушке. Он одет в темно-синие джинсы, которые обтягивают его длинные и крепкие ноги, белая футболка подчеркивает его широкую грудь и плечи, внешний вид дополняют белые кроссовки и толстый, черный, кожаный ремень. Но мое внимание привлекает то, что скрывается под его футболкой.

Его руки и шею покрывают татуировки. На правой скуле у него вытатуировано число «13».

Тыльная сторона его рук просто загляденье. Не могу подобрать другого слова, чтобы это описать. На левой руке красуется замысловатая роза, черного оттенка с дымчато-серым контуром; на правой руке череп серого оттенка с окаймляющим его дымом. Он выглядит так реалистично, что у меня мурашки пробегают по коже.

О, боже.

— Тебе больно.

Костяшки его пальцев опухли и кровоточат.

Остановившись, он кидает на меня взгляд из-под прикрытых глаз. Они сощурены далеко не для придания ему сексуальности, а просто скушающе и отчасти задумчиво. Постоянно.

Ему это идет.

Он красивый, и, если бы не татуировки, выглядел бы совсем, как модель одежды. У него волевой подбородок, полная нижняя губа, высокие скулы и светло-карие глаза.

— Не беспокойся об этом, — бормочет он. — Иди в душ.

Не знаю, почему я подчиняюсь парню, которому нравится наблюдать за мной из-под капюшона, но я это делаю. Как только я встаю, волосы на затылке начинает покалывать, и я спрашиваю его удаляющуюся спину:

— Ты будешь все еще здесь, когда я вернусь?

Медленно повернувшись, он с любопытством смотрит на меня из-под капюшона. Мы смотрим друг на друга добрых тридцать секунд, прежде чем он спрашивает своим хриплым голосом:

— Ты хочешь, чтобы я был здесь?

Не доверяя своему голосу, я киваю, избегая его взгляда.

И чувствую облегчение, когда он кивает в ответ, поворачивается и командует:

— В душ.

Сняв свой халат с задней стороны двери спальни, я плетусь в свою маленькую ванную и раздеваюсь, не глядя в зеркало. Если я взгляну в зеркало на себя в таком состоянии, в котором сейчас нахожусь, то уверена, что отражение приведет меня в ужас. На самом деле, я задаюсь вопросом, почему я не напугана больше, чем следовало бы в подобной ситуации.

Нечаянно я бросаю беглый взгляд на свое отражение и со смешком кашляю.

Зеркало так запотело, что я не могу ничего толком в нем разглядеть. Ну, и, слава богу.

Быстро сбросив остатки одежды, я становлюсь под обжигающе горячие струи и пытаюсь выдержать под кипятком так долго, пока кожу не начинает жечь.

С закрытыми глазами я тянусь к крану, поворачиваю его, пока струи не становятся прохладнее и обдумываю то, что со мной только что произошло.

Я и правда только что подверглась нападению большого страшного мужика, от которого меня спас сталкер?.. Да. Кажется, так и было.

После небольшого усилия по щеке стекает слеза. За ней другая.

Затем из глаз прорывается поток, как будто его призвали первые две слезы.

Держась рукой за стенку душа, чтобы не упасть, я вся содрогаюсь в бесшумных рыданиях.

Я не хочу, чтобы он меня услышал.

Глубоко вздыхая, я беру себя в руки и трачу свои последние силы, чтобы вымыть волосы. Я намыливаюсь, ополаскиваюсь и выхожу из душа.

Надев на себя халат, я расчесываю волосы, затем выхожу из ванной и слышу звуки какой-то возни на кухне. Войдя в свою комнату, я снимаю халат и надеваю одежду, которую он мне выбрал.

И только тогда, когда я уже оделась, понимаю, что он выбрал мою любимую пижаму. Совпадение?

Почему-то я думаю, что нет.

Пройдя по коридору в своих пижамных Элмо-штанах, белом топе и с мокрыми волосами, я медленно вхожу в гостиную и осторожно окидываю ее взглядом. Оттуда, где стою, я вижу, что он находится возле двери холодильника, спиной ко мне.

Зная, что он не найдет там ничего съестного, я съеживаюсь. Из того немногого, что мне известно о нем, мне ясно, что он всегда наблюдает за мной на улице, одетый в одну и ту же одежду. Мой мозг социального работника автоматически предполагает, что он бездомный.

У меня в груди что-то сжимается. Он, должно быть, голоден.

Я откашливаюсь, и он поворачивается ко мне:

— Проголодалась?

Я нахмуриваюсь в замешательстве. Разве не я должна это спрашивать?

— Э, нет. Я не думаю, что смогу есть, даже если захочу.

Он задумчиво кивает.

— Ты в порядке? — спрашивает он, осматривая мое тело.

— Да, — опустив подбородок, тихо отвечаю я. — И мне было бы в сто раз хуже, если бы тебя там не оказалось, так что...

У меня колотится сердце, и я вдруг начинаю нервничать и дергаться.

— Сп-спасибо тебе. З-за то, что ты сделал, — заикаюсь я.

Его ледяные глаза впиваются в мои.

— Не обманывай себя, — произносит он с издевкой.

Шагнув ко мне, он прикрывает свои карие глаза, которые видят меня почти насквозь:

— Монстры не всегда прячутся в тени.

Вытянув руку, он медленно проводит кончиком пальца вдоль моего подбородка. Наклоняется вперед, и его дыхание согревает меня, когда он тихо произносит всего на расстоянии волоска от моих губ:

— Иногда они скрываются у всех на виду.

Его глаза его по-прежнему закрыты, а у меня по коже пробегают мурашки, и поднимаются волоски сзади на шее. Мои соски напрягаются, когда большим пальцем он проводит вниз по моей щеке, так нежно.

— Немного поцарапалась, — говорит он приглушенным голосом.

Я с трудом сглатываю и отстраняюсь от него.

Он как магнит, притягивает мой плюс к своему минусу. Это уже перебор на сегодня. Открываю глаза и обнаруживаю, что он все еще смотрит на меня. Я почти шепотом спрашиваю:

— Как тебя зовут?

Он медленно ухмыляется:

— Не важно. Ты забудешь мое имя, сразу же, как я уйду.

— Нет, не забуду, — обещаю я, делая небольшой шаг в его сторону.

Теперь его очередь делать шаг назад.

Он продолжает смотреть на меня. Эти глаза. Кажется, будто они все-все видят. Вдыхая, он отвечает на выдохе:

— Я Твитч.

Твитч?

Твитч? ... В самом деле?

— Я имею в виду, твое настоящее имя? — спешу я внести ясность, чувствуя себя немного смелее.

— Это мое настоящее имя.

— Нет, имя, данное тебе при рождении, — отвечаю я, качая головой.

Он выглядит раздраженным.

— Именно это имя и было мне дано.

Теперь раздражаюсь я:

— Твоими родителями?

— Нет, и что, от этого оно не может быть моим именем? — отвечает он. — Это вся информация, которую я могу тебе предложить, нравится она тебе или нет.

Хммм. Интересно.

Я осматриваю комнату, смотрю куда угодно, лишь бы избежать его глаз, и спрашиваю:

— Почему ты... — сталк —... наблюдаешь за мной?

Не получив ответа, я поднимаю на него свой взгляд, и снова застаю его разглядывающим меня.

Это странно. Он не похож на хищника. И однозначно, не ведет себя, как один из них. Так в чем же дело? Во мне мигом вспыхивает раздражение.

— В чем твоя проблема? — спрашиваю я, положив руку на бедро.

Эти слова достигают цели, вызывая в нем хоть какую-то реакцию. Он ухмыляется,

поняв, что раздражает меня.

— Это называется «наблюдение за людьми».

Растерявшись, я с сарказмом произношу:

— «Наблюдение за людьми» — это когда ты наблюдаешь за разными людьми. Разные люди в разных ситуациях. Ты не наблюдаешь за людьми. Ты ста...

Внезапно он приближается и впивается глазами мне в лицо. Он так близко, что я чувствую его запах.

— Я кто? — спрашивает он, вынуждая меня сказать это уродливое слово.

Делаю глубокий вдох. Я хочу, но не могу. От него так хорошо пахнет. Лосьоном после бритья и мускусом... так по-мужски.

— Я просто хотела узнать, почему ты наблюдаешь за мной? — тихо шепчу я.

— По-моему, тебе чертовски повезло, что я это делаю, ты так не думаешь? — не ответив на прямой вопрос, язвительно замечает он.

Воцаряется неловкая, предательская тишина.

Взгляд его глаз немного смягчается.

— Ты дрожишь, — указывая на мой диван, он продолжает: — Садись.

Подняв руки, я вижу, что и правда, дрожу.

Этот парень, Твитч, он как-то непонятно воздействует на меня.

Подойдя к дивану, я сажусь и накрываю себя одеялом. Я не верю своим глазам, когда он следует за мной и садится с другого края. Мое удивление сменяется изумлением, когда он опускает руку в карман, достает оттуда M&M's и закидывает несколько конфеток в рот.

Он медленно жует, наблюдая за мной, пока я наблюдаю за его работающими челюстями. Подавшись вперед, он протягивает горстку конфеток и движением подбородка указывает мне на нее.

Так как я не делаю абсолютно никакой попытки, чтобы взять конфетки, а просто продолжаю смотреть на него, он забирает их обратно.

— Как хочешь.

— Я должна заявить в полицию, — бормочу я, сама не зная, зачем.

Его глаза блестят, и он медленно качает головой.

— Нет. Не стоит. Об этом уже позаботились.

Что?

— Что значит «позаботились»? — нахмурившись, спрашиваю я.

Его глаза долго блуждают по моему лицу, прежде чем он произносит:

— Попросил друга прийти и разобраться с этой проблемой.

Кровь застывает у меня в жилах.

Я с трудом сглатываю и затем шепчу:

— Он... он что, умер?

— А тебе есть до него дело? — парирует он, выглядя раздраженным.

— Нет, — искренне признаюсь я. — Когда ты поднял меня с земли, я желала, чтобы он был мёртв.

Твитч кивает головой и его глаза смягчаются. Кажется, ему нравится мой ответ.

— Много будешь знать, плохо будешь спать, Алекса.

Мои глаза округляются, и я начинаю дрожать:

— Ты знаешь, как меня зовут!

Утверждение.

Закинув еще одну горсть конфеток себе в рот, он посасывает их и смотрит на меня из-под нахмуренных бровей. Я знаю, о чём он думает. Я думаю о том же.

Какого хрена ты не паникуешь?

Затем я вспоминаю.

Поднявшись, я направляюсь на кухню, открываю верхний шкафчик и достаю аптечку. Вернувшись с ней обратно на диван, я тянусь к его руке, но он ее отдергивает. Его взгляд темнеет:

— Не нужно этого делать.

— Пожалуйста, позволь мне помочь тебе.

Его глаза сверкают, он трясет головой, как будто хочет избавиться от своих мыслей.

— Хорошо, — закрыв глаза, шепчет он.

Чувство победы и удовлетворения вихрем проносятся по всему моему телу. Я ликую.

По роду своей деятельности я встречаю множество разных типов людей. Я знаю, все люди разные, но что касается Твитча, я уверена, что он социопат.

Я открываю бутылочку с обеззараживающей жидкостью, при этом стараюсь унять дрожь в своей руке, и смачиваю ею ватку. Дотягиваюсь до его руки, а он внимательно наблюдает, как я беру его ладонь в свою и тяну к себе, потом кладу ее на свое колено.

— Эта вонючая штука жжет, — предупреждаю я, прежде чем приложить ватку к его ране.

Он даже не вздрагивает и вообще никак не реагирует на неприятную процедуру, его зрачки только лишь немного расширяются, когда я обрабатываю его ободранные костяшки пальцев. Мне не нравится мысль, что ему больно по моей вине, поэтому я наклоняюсь и слегка дую на его рану.

Он сильно сжимает мое колено, и я поднимаю на него глаза. Челюсть плотно стиснута, глаза прикрыты, он выглядит рассерженным.

— Думаю, что теперь тебе лучше, — тихо говорю я.

Выражение его лица смягчается от моего приглушенного голоса, и он говорит тоном, не терпящим возражений:

— Идти спать. Утром будешь чувствовать себя, как будто по тебе каток проехался. Прими «Ибупрофен».

Я даже не успеваю ничего ответить, прежде чем он встает, и крепко, но в то же самое время, бережно обнимает за плечо и тянет на себя. Обнимая рукой мою талию, он ведет меня в мою комнату, откидывает одеяло на кровати и помогает мне в неё лечь.

Я расслабляюсь. Неуместность его присутствия вызывает некоторое беспокойство, но все же я чувствую себя защищённой. И в безопасности. В данный момент я ничего не боюсь.

Я опускаю голову на подушку, и он накрывает меня одеялом, перед тем, как развернуться и уйти.

В голове начинает шуметь, а сердце бешено стучит.

Что, если ты больше никогда не увидишь его?

В тот самый момент, как я собираюсь окликнуть его, он останавливается у двери и поворачивается. Выгляда немного растерянным, он всматривается в мое лицо. Я сажусь на кровати, моя грудь вздымается. Он пристально меня рассматривает, как будто видит впервые и затем спрашивает:

— Тебе нужна моя помощь, чтобы уснуть?

— Да, — отвечаю я, не раздумывая.

Он моргает. Его брови нахмурены. Затем он уходит.

Чувствуя себя брошенной, я ничего не могу поделать с чувством горького разочарования, что наполняет меня. Я смиряюсь с тем, что всё, что со мной происходит, предназначено мне судьбой и этого не изменить.

Со всеми своими проблемами я всегда справлялась сама. И сейчас мне тоже никто не нужен.

Тебе никто не нужен. Просто было бы замечательно иметь хоть кого-то рядом. Пусть даже ненадолго.

Выбросив все мысли из головы, я закрываю глаза и опускаю голову на подушку. Сознание обволакивает угнетающая темнота. Всё, что я ощущаю в данный момент — это сковывающий страх. Я не чувствую свое собственное тело. Всё вокруг кажется таким тусклым и неполноценным.

Зажмурив глаза так сильно, что мне становится больно, я слышу то отвратительное учащённое дыхание и я закусываю губу, чтобы остановить готовый вырваться стон. Накрыв уши ладонями, я тяжело дышу, вдыхая тот тошнотворный запах.

Мне сдавливают переносицу. Я чувствую боль.

Ненавижу его за то, что он оставил меня.

Еще больше ненавижу себя за то, что желаю, чтобы он остался.

Из уголков глаз катятся слезы, увлажняя мою подушку. Я сильнеежимаю свои уши, безнадежно пытаюсь стереть сегодняшний вечер из своих мыслей.

Подобные вещи не происходят с такими людьми, как я. Возможно, в моей прежней жизни, но не теперь.

Не уверена, что я должна чувствовать после всего этого, но я ощущаю злость. И грусть. И боль. Все одновременно.

Мне следовало бы давно уже привыкнуть к этому. Утешать саму себя, я имею ввиду. Я мысленно возвращаюсь обратно в свое детство, и сворачиваюсь калачиком на кровати в позе эмбриона, слегка раскачиваясь. Мне хочется чем-нибудь заглушить свои мысли. Поднимаюсь и подхожу к своему CD-плееру, нажимаю на кнопку воспроизведения, потом падаю обратно на кровать и снова сворачиваюсь калачиком.

Я слушаю Гая Себастьяна, который поет о боевых шрамах, которые никогда не исчезнут. Держа глаза открытыми, из-за страха увидеть все то, что мне не хотелось бы, если закрою их, я смотрю в пустоту своей комнаты, слезы текут из моих глаз.

Скрип двери заставляет меня прислушаться. Затем следует приглушенный звук шагов. Мое тело покрывается мурашками. Кто-то опускается на кровать. Сердце от страха готово выпрыгнуть из груди.

Потом... ничего.

Широко раскрыв глаза, я жду атаки. Нападения. Чего-нибудь.

Повернувшись, в тусклом освещении комнаты я вижу его капюшон. И все мое напряжение испаряется.

Он не ушёл.

Радость затопляет мой измученный разум.

Свернувшись калачиком, наблюдаю за ним и затем шепчу:

— Ты не ушел.

Но он ничего не отвечает мне. Лёжа поверх покрывала, он натягивает капюшон ниже на своё лицо, затем кладёт руки за голову.

— Спи, Лекси, — выдохнув, говорит он.

Чувствуя себя в безопасности и защищённой, я закрываю глаза и позволяю сну завладеть мной, чтобы оказаться в более привлекательном месте, чем сегодняшний день.

Завтра.

Я просыпаюсь, и мои глаза резко распахиваются.

Я чувствую разочарование.

Твитч ушел.

Я подавляю желание соорудить недовольную гримасу. Вместо этого я улыбаюсь.

Его нет здесь сейчас.

Но он остался.

Я делаю все возможное, чтобы замазать царапины и синяки, что я получила прошлым вечером, но Чарли всматривается в мое лицо на секунду дольше, чем следует, и я паникую. Я тут же неестественно смеюсь и объясняю, что у меня была неприятная встреча с кирпичной стеной.

Чарли прищуривается, но потом улыбается и качает головой, как бы говоря: "ну ты даешь!".

Я умудряюсь с головой погрузиться в работу и даже не замечаю, как настанет время обеда. Не желая оставаться в офисе наедине со своими нерадостными мыслями, я решаю, что лучше всего будет провести этот ясный и солнечный день в парке. Мне не очень-то хочется есть. Мой желудок все еще болезненно сжимается, когда я думаю о том, что чуть не произошло прошлым вечером. Захожу в местное кафе, я покупаю кекс и апельсиновый сок, затем направляюсь в парк на противоположной стороне улицы. Сбрасываю свои туфли и сажусь прямо на мягкую траву, вытягивая ноги перед собой. Поднимаю лицо, подставляю его под теплые лучи солнца и блаженно вздыхаю. Я снова чувствую себя расслабленной.

А потом что-то возвращает меня с небес на землю.

Мое тело напрягается от знакомого ощущения. Ощущения того, что за мной наблюдают.

Я хмурюсь. Под палящими солнечными лучами невозможно покрыться гусиной кожей, но у меня это получается. Внезапно, чувство удовлетворения накрывает меня с головой. Приоткрыв один глаз, я поворачиваюсь и гляжу на противоположную сторону улицы, как будто у меня автоматическое самонаведение на него.

Вот он.

Фигура в капюшоне, руки в карманах, удаляется от меня.

Приятное тепло растекается по всему моему телу.

Он здесь. Наблюдает за мной. Защищает меня.

Мне так подсказывает моя интуиция. Я знаю, мне следовало бы реагировать на все это совсем по-другому. Я должна бы заволноваться. Или даже испугаться. Но я не боюсь. В нем есть что-то, что успокаивает меня. И где-то в глубине души я знаю, что мне нечего бояться. Твитч защитит меня.

Как и раньше.

Входная дверь моей квартиры открывается, и я слышу знакомые голоса.

— Алекса, детка, мы здесь! — кричит Николь Палмер, настоящая австралийка, моя безбашенная лучшая подруга.

— Где ты? — спрашивает она.

— В душе, буду через минуту, — кричу я в ответ.

— Не торопись, дорогая. Мы просто откроем немного шипучки и развалимся на диване.

Это Дэвид Ален — мой лучший друг. Он высокий, рослый и красивый, абсолютно милый, и это так печально для большей части женского населения Сиднея, так как он стопроцентный гомосексуалист.

Исключительно гей.

Каждый год, он заставляет нас наряжаться и посещать гей-лесби фестиваль «Марди Гра». И каждый год я закатываю из-за этого сцены. Костюмы просто чертовски откровенные! Но каждый год, посещая этот фестиваль, я отрываюсь. Того факта, что мне надо туда пойти исключительно чтобы поддержать своего друга, уже достаточно для того, чтоб вытащить меня на подобное мероприятие.

Дверь ванной открывается и Никки тихо говорит:

— Эй, крошка, я тут подумала, что надо сообщить тебе, что Дэйв и Фил расстались вчера вечером.

С руками в волосах, втирающими шампунь, я открываю рот от удивления.

Не может быть!

Дэвид и Фил встречались уже почти год. Дэйв заметил Фила в тренажерном зале, где последний работал персональным тренером, и заставил меня записаться к нему на занятия, чтобы выудить о нем информацию. И, конечно же, я согласилась ради своего друга. Иногда он бывает таким трогательно-эмоциональным, что ему очень трудно отказать, смотря на его милое личико. После трех занятий с Филом, и моего тела, кричащего от боли, я решилась пригласить его на свидание. Не то, чтобы я хотела пригласить его. О, нет. Видите ли, я знала, что он был геем с первого нашего занятия. Он вовсе не скрывал этого факта, когда проходил по залу и окидывал оценивающими взглядами задницы всех парней, которые там занимались.

Удивительно, но Фил принял мое приглашение на свидание-ланч. В течение того часа мы узнали друг друга получше, и я пришла к выводу, что Фил достоин встречаться с моим другом. И сказала ему об этом прямо. Он рассмеялся на мою дерзость и весьма высокомерно спросил:

— Дорогая, а с чего ты решила, что твой друг достаточно хорош для меня?

После этих слов я заулыбалась, как безумная, захлопала в ладоши и закричала прямо посреди кафе:

— Ты идеален!

Фил и Дэйв встретились за ужином на следующий день. И Фил... ну... он, в общем, так и остался у Дэйва. Он был, словно щенок, которого приютили.

Они были супер-милой парочкой. Оба милые и по-своему эмоциональные, они подпитывали друг друга, цвели и пахли и я, честно говоря, всегда верила, что их отношения — это надолго.

Я застываю с руками в моих намыленных волосах, и тихо произношу со стоном:

— О, нет. Бедный крошка Дэйв! Что произошло?

Я слышу знакомый скрип оттого, что Никки села на мою корзину для белья. Разговоры в ванной не были чем-то непривычным для меня и Никки. Мы жили вместе, пока учились, и скромность вскоре осталась частью прошлого. Он вздыхает:

— Они поругались. Очень серьезно. Не так, как обычно, знаешь ли. Это был грандиозный скандал. Короче говоря, Фил обвинил Дэйва в измене.

Открыв рот от удивления во второй раз, я едва не выкрикиваю: «охренеть!»

Голос Никки звучит не совсем уверенно:

— Ну, нет. Не совсем так, — сказала Никки. — Но Дэйв воспринял это именно так.

Н-да! Дэйв бывает таким вспылчивым иногда. Никки вздохнула:

— Он сказал Филу собирать свое барахло и убираться. Фил так и сделал. А Дэйв сидел с стороне и наблюдал. Теперь Дэйву очень плохо.

Её короткое и милое разъяснение событий расставляет все по своим местам. Дэйв иногда ведет себя, как примадонна. Я высказываю свои догадки:

— Дэйв хотел бы все вернуть, но не предпринимает никаких попыток, так? Его драгоценная мужская гордость была задета, но теперь он сожалеет о содеянном, превратившись в плаксивую, эмоционально подавленную королеву драмы в мужском обличии, которая, вероятно, будет в стельку пьяна к тому времени, когда я выйду из душа, да?

В голосе Никки слышится веселье, когда она отвечает:

— Бинго-бонго, детка. Не в бровь, а в глаз. Ты отлично умеешь читать между строк! — в ее голосе слышится неприкрытое восхищение.

Я закашлялась сквозь смех:

— Никки, ты знаешь, чем я зарабатываю на жизнь? Ежедневно выслушиваю тонны лжи! Эти детки... они хитрые, как черти. Они знают, что ты хочешь от них услышать и прилагают все усилия, чтобы направить мое охренительное чутье собаки-ищейки на ложный след. Еще и так, чтобы они могли избежать контроля и принудительной учебы в школе и смогли просто продолжить праздно шататься по улицам. Поверь, я бы очень хотела, чтобы мне не нужно было уметь читать между строк.

Но у меня нет другого выбора.

Скрип корзины для белья, подсказал мне, что Никки встала.

— Я знаю, крошка. У тебя это отлично выходит. И эти дети сейчас может быть даже и не подозревают, но им крупно повезло, что у них есть ты. И я горжусь тобой.

Мое сердце переполняется от нахлынувших чувств, и я улыбаюсь. Я просто обожаю эту девчонку.

— Ну все, давай, шевели своей задницей, а то в гостиной наш собственный беспризорник ждет, чтобы о нем позаботились.

Она оставляет меня в покое, чтобы я могла спокойно прополоскать волосы. Мои мысли плавно возвращаются к событиям прошлой ночи. Прежде, чем допустить это, я начинаю петь, чтобы отвлечь себя. Ну, и чтобы мои друзья не догадались, что я чувствую себя подавленной.

В паршивом настроении, я чувствую себя настоящей дешевкой за два доллара, и меня все еще потряхивает от нападения прошлой ночью.

Мое уникальное исполнение «Ginuwine's Pony» как раз годится для подобного момента. Когда я говорю: «уникальное», имею в виду, что не могу не фальшивить, даже если бы от этого зависела вся моя жизнь. Но мне нравится петь. Так что к черту все, что не делает нас счастливыми. Я собираюсь усердно петь мою фальшивую песенку.

Надеваю халат и заворачиваю волосы в полотенце-тюрбан, пересекаю коридор и захожу в гостиную-кухню. Нахожу там Дэйва, который развалился на диване и уставился в пустоту, в то время, как Никки ведет с ним беседу из кухни, не получая в ответ ни слова. Он не брился, по крайней мере, дня два, глаза красные и воспаленные — доказательство того, как

сильно на него повлиял разрыв. Он делает большой глоток игристого вина из бокала, что держит в своей руке.

Бедный малыш.

Не говоря ни слова, я подхожу к нему, беру вино из его руки, ставлю его на кофейный столик и залезаю к нему колени. Сидя таким образом, я обнимаю его, и притягиваю его голову в изгиб моей шеи.

Никто не понимает Дэйва так, как я. Я знаю это потому, что он сам сказал мне об этом. Я также знала это потому, что он всегда мне все рассказывал. Он делился со мной вещами, о которых никто не знал. Я его «жилетка», в которую он может поплакаться. А он мой психотерапевт.

У нас странные, но полностью взаимовыгодные отношения.

Я люблю его, как брата. Я хотела бы, чтобы он был моим братом. Таким, какого мне дал Бог, и которого я оставила в своей прошлой жизни. Он был хорошим братом. Таким братом, которым сестра могла бы гордиться.

Помнится, будучи ребенком, я всегда была для него на первом месте. Он всегда отдавал мне большую половину поделенной пополам шоколадки. Он никогда не позволял кому-либо дразнить меня. Он рассказывал мне самые хорошие и самые страшные истории. Он всегда находил для меня время. И я скучаю по нему.

Я знаю, Дэйв нуждается в заботе. Он нуждается в заботе так же, как и я. Мы были очень привязаны друг к другу. Но мы бы никогда и никому не признались в этом. Наша твёрдая скорлупа защищала наш нежный внутренний мир.

Дэйв всхлипывает. Я чувствую влагу на своей шее. Я позволяю ему молча излить свою печаль. Через несколько минут, когда слезы прекратились, я шепчу ему на ухо:

— Хочешь какао а-ля Лекси?

Дэйв кивает мне в шею. Я чувствую его улыбку на своей ключице и тоже расплываюсь в улыбке. Он расстроен, но не сломлен. Мы приведем его в норму.

Какао а-ля Лекси — это необычный способ приготовления какао с добавлением крепких напитков. Это мой фирменный напиток. И я знаю, что Дэйв его просто обожает.

Много шоколада. Много корицы. Много алкоголя.

Встаю, иду к Никки на кухню и вытаскиваю кастрюлю, чтобы нагреть молоко. Пищит кухонный таймер и она, улыбаясь, открывает дверцу духовки. В нос ударяет сильный запах. Поворачиваясь к ней, я удивленно открываю рот и затем шепчу с выпученными глазами:

— Пирожные с двойным шоколадом и арахисовым маслом?

Смеясь через нос, она помещает поднос с шоколадными пирожными на кухонную стойку и ехидно говорит:

— Ну, да! Думаю, обстоятельства обязывают, не так ли?

Давайте кое-что проясним.

В истории человечества нет такого события, которое не отмечалось бы пирожными с двойным шоколадом и арахисовым маслом. Крещение, бар-мицва, свадьба, похороны, Рамадан, приход четырех всадников апокалипсиса, встречи анонимных алкоголиков, воскрешение Иисуса, саммит большой восьмерки, семейные посиделки... эти пирожные, брауни, будут уместны для любого из вышеперечисленных событий. И на мне лежит ответственность придумывать различные поводы для встреч, чтобы наслаждаться этим божественным лакомством, так как Никки — крепкий орешек. Настоящая подлая стерва, я имею в виду! Она может быть очень отзывчивой, но только не тогда, когда дело касается

пирожных с двойным шоколадом и арахисовым маслом.

Она не делает эти брауни без особого повода.

Наблюдая за тем, как я смотрю на ее пирожные — словно лиса на цыпленка, в безопасности его курятника, она прокашливается. Когда я поднимаю на нее взгляд, она жестом показывает на кастрюлю в моей руке.

Точно! Какао а-ля Лекси! Сейчас сделаю.

Может быть, сегодня вечером мне не будет так уж паршиво, как я предполагала. Так я думала, пока Никки не хмурит свои брови и не подходит ко мне, пристально глядя на мое лицо. Нежно дотронувшись до моей щеки, а потом до моей губы, она тихо произносит:

— Детка?

Чёрт, дерьмо, проклятье!

Моё лицо вспыхивает, и она отступает, всматриваясь в него. Повернув голову, чтобы проверить, чем занят Дэйв, она тянет меня в угол кухни и шепчет:

— Рассказывай.

Так начинается Праздник Перешептываний 2014.

— Ничего не случилось. Клянусь. Не раздувай из мухи слона. Я не хочу, чтобы Дэйв переживал.

— Если хочешь, чтобы я заткнулась, — гневно шепчет она, — то советую тебе рассказать мне, что произошло. Тогда я постараюсь уговорить, и таким образом, мне не придется пугать нашего милого-но-грустного Дэвида.

— Шшшш! Он услышит тебя! — хлопнув ее по плечу, шепчу я.

Не обращая внимания на мое представление, она продолжает пристально смотреть на меня, постукивая ногой. И я уступаю:

— Ладно, только пообещай, что не будешь беситься.

Но как только я это говорю, она, конечно же, выходит из себя. Вытаращив глаза, она отступает назад и громким шепотом говорит:

— Кто это сделал с тобой? Это Джордж? Это Джордж, не так ли? Я говорила тебе, что не хочу, чтобы ты жила рядом с этим неуравновешенным чуваком.

Джордж — мой биполярный сосед, который никогда бы не тронул меня. Парень от меня без ума! Будучи социальным работником, при нашей первой с ним беседе, я распознала эту его особенность практически моментально. Я уверена, что он не привык к тому вниманию, что я ему оказала.

И даже обняла его.

Я рассказала Джорджу, что я работаю с большим количеством людей, которые страдают от психических заболеваний, и что если он почувствует надвигающийся приступ паники, то я смогу помочь ему с ним справиться. Все, что ему понадобится для этого сделать, это просто позвонить мне. Что он и делал. И я всегда приходила на его зов, чтобы помочь ему, успокоить его словами и облегчить то сложное состояние, в котором он находился. Он никогда, я повторяю — никогда не был агрессивен по отношению ко мне. Так что Ники меня немного разозлила своими словами.

— Ты не права, Никки! — я сердито смотрю на нее. — И несправедлива, крошка.

— В чем не права? — раздраженно спрашивает она.

— В своих поверхностных суждениях, — окинув ее взглядом, заявляю я.

Ее брови ползут вверх, и она шепчет:

— Ни хрена себе! Значит, я поверхностная? — отступая от меня на шаг, она хмурит

брови. Я, безусловно, задела ее, и теперь чувствую себя настоящим куском дерьма.

— Крошка, я объясню все позже, обещаю. Но сейчас я сделаю какао, а ты разложишь пирожные, и мы вернемся к Дэйву, чтобы придумать способ, как помирить их с Филом.

Указывая на свое лицо, я говорю ей:

— Это... сейчас не так уж важно.

Она пристально вглядывается в мое лицо, и я добавляю:

— Разве я так уж паршиво выгляжу?

— Ну, нет. — угрюмо отвечает она, закатив глаза.

— Вот именно, Никки, — кивая, соглашаюсь я. — Всему свое время.

Она кратко кивает мне. Я следую какому-то внутреннему импульсу и тихо добавляю:

— Поскольку то, что я собираюсь рассказать тебе... это далеко не приятный рассказ.

Ее лицо на секунду омрачается тревогой, но быстро снова становится непроницаемым.

Хлопнув в ладоши, она открывает холодильник, передает мне молоко и командует:

— Ладно! Какао а-ля Лекси. Принимайся за работу, женщина!

Это одна из причин, почему я люблю Никки. Она знает меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я расскажу ей все, когда буду готова. И у нас друг от друга нет секретов.

Тогда почему я обдумываю как бы поубедительнее ей соврать, чтобы объяснить царапины на моем лице?

Отбросив эту мысль в сторону, я сосредотачиваюсь на приготовлении моего знаменитого напитка и разливаю дымящееся какао в кружки. Поставив какао и пирожные на поднос, я иду в гостиную и ставлю его на журнальный столик.

Даже не взглянув на меня, Дэйв протягивает руку и берет кружку. Автоматически, он подносит кружку к губам и делает глоток. Два, три, четыре глотка спустя, робот снова становится человеком.

— Черт, детка. Никто не делает такой какао, как ты.

Нежно улыбаясь, он смотрит на меня и через мгновение на его лице появляется удивление:

— Детка! Что произошло с твоим лицом?

Пожимаю плечами и лгу, как профи:

— Споткнулась на последней ступеньке, — уверенно говорю я, как будто заранее все отрепетировала. — И мое лицо впечаталось в кирпичную стену.

Дэйв от удивления раскрыл рот:

— Не настолько весело, насколько звучит, — подняв глаза к потолку, добавляю я, чтоб разрядить обстановку.

Дэйв хихикает:

— Черт, Лекс. Только с тобой могло произойти подобное. Ты — королева недотеп.

Растягивая в улыбке свою разбитую губу, я бросаю взгляд на Никки. Она сощуривает глаза и мной завладевает беспокойство.

Прочистив горло, я беру свою кружку и объявляю:

— Ладно! Ну, я думаю, что первое, что мы сегодня сделаем — это найдем способ, как Дэйв скажет Филу, что хочет, чтобы он вернулся.

Дэйв улыбается мне так тепло, так искренне, что я вдруг осознаю, что у меня тоже есть люди, с которыми я могу поговорить обо всех своих проблемах. Я прокручиваю эту мысль в голове снова и снова.

Люди, с которыми я могу поговорить. Поговорить.

Поговори с ними.

Не говори с ними.

Они никогда не поймут.

Я не хочу, чтобы они понимали.

Твитч мой. Только мой. И в данный момент я предпочитаю оставить все, как есть.

В эту ночь я не могу сомкнуть глаз.

Они остаются открытыми от тревоги.

Затем я успокаиваюсь, с сонной улыбкой на губах.

Его рука покоится на моем бедре, но он сохраняет расстояние между нами. Его тело не касается моего. Закрывая глаза, я слушаю его ровное дыхание. Он спит.

Прежде, чем я заснула, моей последней мыслью было: «он вернулся».

На следующее утро, проснувшись, я не обнаружила Твитча рядом. Опять. Но не это меня беспокоит. Я вспоминаю всё реже и реже тот ужасный вечер, и думаю все больше и больше о моём герое.

Моём герое, соблюдающем дистанцию.

Я ловлю себя на том, что целеустремлённо направляюсь в парк для ланча, в надежде снова увидеть его. И я вижу его сегодня. По позвоночнику проходит знакомая дрожь, я поднимаю голову, и вот он.

Сегодняшний день не похож на другие дни. И не похож ни на один из других дней, потому что сегодня его капюшон опущен.

Улыбнувшись и подняв руку для приветствия, я в ту же секунду хочу треснуть себя по лбу. Смутившись, быстро опускаю руку и наблюдаю, как он поворачивается и уходит.

Я заметила улыбку, которую он пытался подавить.

Кусая губу, чтоб сдержать свою собственную предательскую улыбку, я поднимаю лицо к солнцу, подставляя кожу под его ласковые лучи.

Пробуждаясь от сна, я возвращаюсь в мир сознания. Прижимаюсь к чему-то теплему. Я глубоко вдыхаю. Его запах.

Я люблю его запах.

Уткнувшись носом ему в шею, я чувствую, как он зашевелится, а потом замирает. Я выравниваю дыхание и кладу свою руку на его грудь, обтянутую футболкой. Он так и остается безучастным. Притворившись, что все еще сплю, я закидываю свою ногу на его, и чувствую, как его тело сотрясается от бесшумного смеха.

Я хочу, чтобы он обнял меня. Я хочу, чтобы он крепко прижал меня к себе. Я втайне желаю, чтобы он начал действовать.

Но он этого не делает.

— Засыпай, — шепчет он тихонько.

Не в силах больше скрывать улыбку, я шепчу ему в шею:

— Сладких снов, Твитч.

Мои глаза закрываются, и я проигрываю битву между сном и бодрствованием, пытаюсь запомнить то ощущение, которое дарит мне его тело рядом со мной.

Прошло три дня, и каждый день на этой неделе походил на другой. Я не против, потому что в предсказуемости есть постоянство. Я стала чувствовать себя в большей безопасности и меньше нервничать. Мои дни проходили по одному расписанию, нечто вроде этого:

1. Проснулась в одиночестве.
2. Чувствую, Твитч наблюдает за мной на ланче. Иногда ловлю его. Иногда нет.
3. Иду домой, и немного паникую на парковке.
4. Ложусь спать одна. Просыпаюсь посреди ночи, прижимаясь к Твитчу.

И вот я здесь. Прижимаюсь к Твитчу.

Хотя сегодня ночью все немного по-другому. Сегодня он отважился лечь под одеяло и снял футболку.

Головой лежу на его обнаженной груди, рукой обнимаю него, как будто обнимаю плюшевого мишку, ногой также обнимаю его. Чувствуя, что я проснулась, он осторожно проводит рукой по моей спине. Потом начинает водить пальцами по моему плечу.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает он.

С минуту я раздумываю над ответом. В порядке ли я?

Если принять во внимание, что в моем самом интимном месте покалывает, а соски так напряжены, что могут пробить стекло, то я бы сказала — «да».

Прижимаясь щекой к его груди, я вдыхаю его запах.

— Да, — на выдохе говорю я.

Его пальцы все еще на моем плече. Он ослабляет хватку и сонно произносит:

— Спи.

С секунду я крепко прижимаю его к себе, а затем расслабляюсь и выдыхаю.

Твитч много не говорит. Ему нет надобности. Вы знаете это выражение, что поступки убедительнее слов? Так вот его поступки говорят за него. И мне нравится то, о чем они говорят.

Интересно, позволит ли он мне удержать его.

Сегодняшний день официально становится днем перемотки.

Вы знаете, бывают дни, которые так утомляют и выматывают; дни, когда всё раздражает, и никто не может сказать тебе правильных слов? Мой сегодняшний день был одним из этих дней.

Почему именно день перемотки?

Потому, что вы хотели бы нажать на перемотку и начать его по-другому.

Всё это началось вчера вечером. Я потратила немного больше времени, чем обычно, готовясь ко сну. Я побрила и увлажнила ноги и одела простую, но короткую ночную рубашку, вместо моих пижамных Элмо-штанов. Я освежила себя дезодорантом и духами, удостоверившись, что мои волосы выглядели опрятными. Как только я сочла, что теперь меня не стыдно целовать, я посмотрела на себя в зеркало в последний раз и нырнула под одеяло, удостоверившись, что оставила открытой достаточно обнаженной кожи, чтобы выглядеть соблазнительно для кое-кого определенного, к кому я стала испытывать очень сильное влечение.

Точнее, влечение появилось сразу же, как только он опустил свой капюшон, но за последние несколько дней оно возросло в четыре раза.

И я решила принять кое-какие меры в этом отношении.

Я леглась спать, воображая, что этой ночью мы, наконец, соединимся. Эмоционально и физически. И я с нетерпением ждала этого момента.

Было только одно небольшое упущение в моём плане.

Твитч так и не пришёл.

Утром я проснулась одна. Я подняла голову и увидела, что противоположная сторона моей кровати была нетронутой.

Я почувствовала укол боли. Испытывать боль в данном случае было глупо.

У меня щемило в груди, и где-то в глубине души я понимала, что наше совместное время закончилось.

Вот так я дожила до сегодняшнего дня. Я уверена, что мои губы выглядят постоянно надутыми, а брови постоянно нахмурены. Я, должно быть, выгляжу, как десятилетняя девочка, которой сказали, что конфет больше не будет.

Это раздражает, потому что я хочу конфетку. Я бы сделала что угодно, чтобы получить конфетку. Я хочу, чтобы моя конфетка заставила меня выкрикивать его имя, когда наши тела сольются воедино.

Я хочу эту гребаную конфету. Я хочу зафиксировать и упорядочить по алфавиту все красивые татуировки, которые видела на его теле и те, которых еще не видела. Я чувствую, что между нами существует некая связь, которую не могу объяснить. Он заставляет меня чувствовать себя в безопасности от всего. От всех. В глубине души я знаю, что он никому не позволит причинить мне боль.

Он просто не позволит.

И вот теперь конфетки нет. Как раз в то самое время, когда у меня появилась повышенная потребность в сладком. Как обычно.

Со вздохом откинувшись на спинку моего офисного кресла, я надеюсь, что время смилуеться надо мной и у меня это быстро пройдет.

В противном случае, я, возможно, просто сойду с ума.

Почувствовав покалывание в затылке, я просыпаюсь.

Подняв голову с подушки, сажусь и смотрю на удаляющуюся от меня огромную тень.

Мое сердце сжимается.

— Твитч?

Остановившись на половине пути, он поворачивается и медленно идет обратно к двери моей спальни. Мои глаза свыклись с темнотой, и я наблюдаю, как он смотрит на меня.

— Ты не приходил, — шепчу я.

Полностью проснувшись, осознаю, как жалко, должно быть, я звучу: почти умоляю моего сталкера-защитника, чтобы он до конца своей жизни со мной спал.

Он пристально всматривается в моё лицо в тусклом свете.

— Тебе нужна моя помощь, чтобы уснуть? — неожиданно спрашивает он.

Чёрт.

То, как он это произносит, говорит о том, что если я скажу «да», то спать мы точно не будем.

— Да, — мой голос звучит натянуто.

Мои соски напрягаются под его зорким взглядом, и он почти решается сделать шаг

вперед, но в последний момент удерживает себя на месте. Порывшись в кармане, он достает конфетки и забрасывает их в рот. Посасывая их, он мягко, но в то же время, решительно говорит:

— Я трахаюсь только одним способом.

Его слова настолько неожиданны, что мои губы приоткрываются и я начинаю тяжело дышать.

Он делает шаг вперёд, его глаза неотрывно смотрят в мои.

— Грязно, — наблюдая за моей реакцией, он добавляет: — И этот вид грязного секса... — он глубоко вздыхает и на выдохе продолжает: —...который не смывается.

Пожелай ему доброй ночи и забудь, что это вообще когда-то происходило.

— По-покажи м-мне, — заикаясь, лепечу я.

Ты потеряла свой чёртов рассудок.

Его карие глаза щурятся, а брови сходятся на переносице. Он явно не ожидал такого ответа.

— Я не совсем уверен, что ты понимаешь, о чем говоришь.

Я с трудом сглатываю, а он опирается бедром на мой туалетный столик и принимается объяснять:

— Ты решишься на это, а потом изменишь свое решение, но я не остановлюсь. Я останавливаюсь, когда трахаюсь, только в самый ответственный момент. Последнее, чего я хочу — это женщина, кричащая, что ее насилуют.

Закрыв глаза, я надеюсь, что моя дрожь не заметна. Через силу открыв их снова, я тихо произношу:

— Я хочу этого.

Выпрямившись, он принимает равнодушное выражение лица:

— Умоляй.

О, Господи, что? Серьёзно? Попроси его уйти!

— Пожалуйста, — говорю я так тихо, что ветер снаружи слышно больше, чем мой голос.

Мне так стыдно перед самой собой за свое желание. Та разновидность секса, что он предпочитает, помечена этикеткой с предупреждением. Это должно бы заставить меня бежать в противоположном направлении.

Он медленно засовывает руки в карманы, качая головой.

— Нет, Алекса. Этого недостаточно.

Затем он поворачивается и выходит из моей комнаты.

Сидя на кровати, моё лицо заливается ярчайшей розовой краской.

Меня что, серьезно только что отшил мой сталкер? Что за хрень?

Мое тело, отказывающееся принять «нет» за ответ, соскакивает с кровати и бежит по коридору, настигая Твитча у двери. В тот момент, как он открывает дверь, я захлопываю ее.

Я, должно быть, выгляжу решительно, потому что его брови ползут вверх. Как только он перестает пялиться на выражение моего лица, я выплевываю:

— Ты не можешь так поступить, Твитч. Так себя ведут только мудаки! Ты даже не дал мне шанса...

— Я дал тебе шанс, — перебивает он меня. — Когда сказал «умоляй».

— Это что, проверка такая? — у меня отвисает челюсть.

Взгляд его глаз немного смягчается:

— Нет. Не проверка. Просто это то, что мне нравится. И если тебе это не по вкусу, то значит, тебе это не нравится. Если ты не отдашь всю себя в полное мое распоряжение, тогда... — он пожимает плечами, — ничего не выйдет.

Я не уверена, как быть дальше. Рискую ли я потерять себя? Всего на одну ночь?

Он опять поворачивает дверную ручку, но я бедром снова закрываю дверь.

— Я согласна на все, что ты хочешь. Я согласна.

— Покажи мне, как сильно ты этого хочешь.

Мои щёки запылали.

Облизав губы, я наклоняюсь и подаюсь вперед, но он хватает меня рукой за подбородок, надежно удерживая на месте. Его брови нахмурены, но мягкий тембр голоса внушает спокойствие вместо тревоги:

— Ты не поцелуешь меня, пока я тебе не разрешу.

Мои брови хмурятся так же, как и его.

Тогда как я могу показать ему, что я хо...

Мои глаза широко раскрываются, и я с трудом сглатываю. Он это замечает, когда до меня доходит весь смысл, и его губы кривятся в усмешке.

Закрыв глаза, я держусь за дверь и медленно опускаюсь на колени. Оказавшись перед ним на коленях, я поднимаю руки и кладу свои дрожащие пальцы на пряжку его ремня. Я не знаю, почему это делаю, но зачем-то поднимаю на него взгляд, безмолвно спрашивая разрешения. Его глаза смягчаются, и он кладет руку мне на голову, нежно поглаживая мои волосы.

Одобрение.

Чувствуя себя немного смелее, я удерживаю свой взгляд на нём, пока вожусь с его ремнём, и, когда с ним, наконец, покончено, я расстегиваю пуговицу и опускаю молнию на его джинсах. Приоткрыв джинсы, я какое-то время глажу его через ткань боксёров. Он порывисто вздыхает. Это придает мне еще больше уверенности.

Я залезаю рукой в его боксеры и освобождаю его. У меня вырывается вздох удивления.

Пресвятая Матерь Божья!

Округлившимися глазами я смотрю на Твитча. Его глаза впиваются в мои:

— Заставь меня захотеть этого.

Держа его полустоячий член своей слегка дрожащей рукой, я не знаю, что с ним делать. Я никогда раньше не была с мужчиной, у которого был пирсинг на члене.

Вертикальный стержень, с одним серебряным шариком, расположенным на чувствительной нижней стороне, а другой, как раз там, где начинается головка, на самой вершине его ствола.

Он толстый. Он длинный. Он гладкий. Он впечатляющий.

Я видела достаточно пенисов, чтобы знать, что этот намного больше, чем среднестатистический. Я считаю, что у большого парня должен быть большой член... так ведь?

Усилив хватку, я поднимаю другую руку, чтобы она присоединилась к первой и принимаюсь гладить его. Он встает почти полностью. Я не отвожу своего взгляда от его глаз, когда наклоняюсь вперед, приоткрываю губы и нежно целую кончик его члена. Он дергается в моих руках. Закрыв глаза, я медленно, но уверенно поглаживаю его вверх-вниз, осыпая его головку поцелуями.

Пришло время заканчивать игры.

Открыв рот шире, я вытягиваю язык и облизываю его от основания до головки, упиваясь его гладкостью и теплом. У него приятный вкус. Чистый и слегка мускусный, такой и должен быть мужчина. Достигнув головки, я обхватываю ее ртом и сосу. Глаза все еще закрыты, я скольжу своим ртом по его стволу. Шарики его пирсинга дарят странные и незнакомые ощущения, но в то же время, они мне кажутся идеальными.

Гладкая твердость его члена и тепло его пирсинга на моем языке заставляют меня потерять голову.

Больше не думая о том, что делаю, я тихо вздыхаю и начинаю ритмично двигать головой вверх-вниз. Он ставит ноги шире. Убирая одну мою руку со своего члена, он берет ее, засовывает в боксеры и кладет мою ладонь на свою мошонку, заставляя сжать ее.

Мне требуется всего секунда, чтобы понять, чего он от меня хочет.

Сжав его яички в своей ладони, я осторожно массирую их, в то время, как медленно сосу и глажу его член другой рукой.

Я не припомню такого момента за всю свою жизнь, когда мне было бы более комфортно делать минет. Что-то во мне отчаянно жаждет одобрения Твитча.

Когда его рука в очередной раз гладит меня по волосам, я расслабляюсь еще больше, заглотив его так глубоко, как только было возможно без риска поперхнуться. Рука на моей голове запутывается в моих волосах и тянет. Мои глаза закрываются от боли, и я резко вздыхаю, когда он отрывает меня от своего члена. Морщась от боли, я смотрю вверх на него. Его глаза прикрыты.

— Достаточно, — говорит он приглушенным голосом.

Его хватка в моих волосах ослабевает. Хватая меня за руку, он поднимает меня на ноги и мягко приказывает:

— Раздевайся.

Без лишних слов и не раздумывая, я хватаюсь за край моего топа и снимаю его через голову. Моя грудь свободна и прохладный воздух заставляет кожу покрыться мурашками. Мои соски напряжены. Твитч это замечает. Его ноздри раздуваются, а глаза вспыхивают, перед тем, как он протягивает руку и начинает крутить мой сосок между своим большим и указательным пальцами. Мой рот открывается в беззвучном стоне, и я подаюсь к нему всем телом. Он сжимает мой сосок слишком сильно. Мое дыхание напоминает хрип.

— Я сказал, раздевайся, Алекса, — ласково напоминает мне он.

Боже. Этот парень так возбуждает меня и вызывает столько желания, что у меня такое ощущение, будто я пьяная.

Просунув большие пальцы рук за пояс пижамных штанов и трусиков, я медленно опускаю их вниз по бедрам, а потом позволяю им свободно соскользнуть на пол.

Вот она я. Обнажённая. Перед мужчиной, который преследует меня, сколько я себя помню.

Что, черт возьми, со мной не так?

Прежде, чем я обдумываю свой вопрос в уме, Твитч протягивает ко мне руку. Его рука обнимает меня за талию, и он притягивает меня к себе, прижимая к своему телу.

Я не маленького роста. Даже наоборот, довольно-таки высокая для женщины. Но Твитч... он заставляет меня почувствовать себя маленькой, когда я оказываюсь рядом с ним.

Его рука сжимается сильнее на моей талии.

— Ты уверена, что хочешь этого? — его прикрытые глаза вглядываются в мое лицо. — Тебе нужно открыть этот милый ротик и произнести слова, малышка. Это будет твой

последний шанс сказать «нет».

Мысль о том, что Твитч уйдет и оставит меня сейчас, заставляет меня запаниковать. Ни за что.

Прижимаясь своей обнаженной грудью к его футболке, я смотрю ему в глаза и шепчу:
— Я хочу тебя.

Что-то, что я только что сказала, задело его. Его губы кривятся в усмешке, а глаза становятся жестокими.

— Давно пора.

Чего?

Мой разум кричит мне, чтобы я вдумалась в то, что он только что сказал, но, когда его руки, поглаживая кожу, соскальзывают с моей талии и спускаются на мой зад, все мои мысли вылетают из головы. Откинув голову назад, я издаю тихий стон, в то время как он грубо сжимает мои ягодицы.

Все еще держа руки на моей попе, он притягивает меня обратно к своему телу.

— Посмотри на меня, — требует он.

Так я и делаю. Его карие глаза суровы.

— Кого ты хочешь? Произнеси это вслух.

Всего на секунду я теряюсь с ответом. Я понимаю это, потому как он сильно шлепает меня по заднице. Жалящая боль встряхивает меня так сильно, что все мое тело напрягается. Я становлюсь пунцовой.

Какого чёрта? Это больно!

Мои глаза превращаются в две щелочки и только я открываю рот, чтобы высказать ему все, что я думаю, как одна его рука сжимает мою задницу так сильно, что меня снова пронзает боль, в то время, как другая запутывается в моих волосах и зажимает их в кулаке так, что это заставляет меня взвизгнуть.

Приблизив свое нахмуренное лицо к моему так близко, что мы оказываемся почти носом к носу, я наконец замечаю.

Вызов.

Он ждет, хватит ли у меня смелости что-то сказать. Хоть что-нибудь. Одним своим взглядом он заставляет меня это понять.

Мой мозг аплодирует моей глупости, явно не впечатленный.

Вот то, о чем он предупреждал меня до этого. Вот условия, на которые я согласилась.

Удерживая его взгляд чуть дольше секунды, я опускаю глаза вниз и смотрю на его горло, признавая поражение. То, что он делает далее, приводит меня в замешательство.

Наклонившись вперед, он прижимается губами к моей макушке, а потом нежно целует мои волосы и шепчет:

— Я знал, что ты совершенна. Я, черт возьми, знал это.

Моя нагота вдруг заставляет меня почувствовать себя уязвимой. Я поднимаю руки и останавливаю их между нашими телами, стараясь прикрыть ими грудь. Твитч целует меня в голову еще раз.

— Ты замерзла?

Я качаю головой, предпочитая быть честной. Он, в конце концов, социопат. Я хотела бы завоевать его доверие. Он снова спрашивает хриплым приглушенным голосом:

— Ты чувствуешь себя неловко?

Я тут же закивала головой. Сжав мои ягодицы еще раз, он прикасается губами к

раковине моего уха.

— Хорошо. Привыкай. Я собираюсь делать с тобой очень нехорошие вещи.

И таким вот образом, все тепло и безопасность, которые я чувствовала до этого, вылетели в окно.

В моей голове бьется всего один вопрос: «во что я себя втянула?»

Лицо Алексы становится испуганным.

Ей следует быть напуганной. Если бы я не знал эту женщину так хорошо, я бы отшлепал ее по попе за то, что она впустила незнакомца в свой дом.

В этом и есть весь смысл. Я не незнакомец. И хотя она этого еще не поняла, но она чувствует то же, что и я, когда мы вместе.

Возвращение домой.

Какая жалость, потому что даже если я знаю ее, это не означает, что я буду мягок с ней. Совсем наоборот.

Мне нужно наказать её.

Тебе нужна она. Только она. И ничего больше.

Не обращая внимания на голос разума, я смотрю на свою жертву. Это из-за нее я стал таким. Это всё её вина.

И она заплатит за это.

Мне давно следовало понять, что к чему. Мне часто в жизни приходилось иметь дело с плохими людьми. Я знакома с этим взглядом, что появился на лице Твитча. И хотя я не представляю, к чему все это приведет, мне известно только одно...

Для меня это закончится плохо.

Но, как оказывается, я жажду быть наказанной потому, что не собираюсь останавливать то, что здесь происходит. Мой разум не в состоянии сконцентрироваться ни на одной мысли.

Если я попрошу его сейчас остановиться, остановится ли он?

Желание попробовать что-то новенькое, слишком сильно, чтобы я могла остановиться.

— Остановись, Твитч. Пожалуйста, хватит.

Его рука на моей заднице замирает. Лицо искажается от ярости, глаза сужаются.

— Клянусь тебе, Лекси... — он замолкает, и я понимаю, что совершила огромную ошибку. Я буду за это наказана.

Его губы кривятся, и всё, о чём я могла в тот момент думать, это о том, что я влипла.

— О, Лекси, — говорит он. — Что ты делаешь, детка? Ты думаешь, я шутил, когда говорил, что не остановлюсь? Ты испытываешь меня, малышка?

Честность. Будь честной.

Иногда, мне хотелось бы иметь специальную кнопку обратной перемотки для моего рта. Я пытаюсь исправить то, что натворила:

— Прости. Мне просто нужно было знать наверняка.

Он гладит мою спину рукой вверх и вниз, и я начинаю расслабляться. Я не могу раскусить этого парня. Он то холодный, то горячий. Он совершенно непредсказуем. И это выбивает меня из колеи.

Все еще полностью одетый, с торчащим членом, он продолжает водить рукой по моей спине и объясняет:

— Я же предупреждал тебя, что это не проверка, Алекса, — наклонившись вперед, он

шепчет мне на ушко: — Все, что тебе нужно делать — это быть хорошей... то есть, подчиниться.

Это звучит достаточно просто. Теоретически. Верно? Нет. Не верно. Ни капельки.

После того, как я вырвалась из такого дома, где провела свое детство, теперь держусь за свою свободу обеими руками. Потому что зачастую, это все, что у меня есть в наличии. И так спокойнее жить, зная, что у тебя есть выбор. Так что, несмотря на то, что я понимаю Твитча и его потребность доминировать, я не уверена, что смогу так легко ему подчиниться. Хотя мне надо подчиниться человеку, которому я доверяю...

Ты доверяешь ему. Ты не знаешь почему... но доверяешь.

Внезапно на меня обрушивается волна стыда. Не могу поверить, что я во все это ввязалась. Притихнув, я избегаю его глаз.

— Не делай мне больно, Твитч, — умоляю я, — пожалуйста, не причиняй мне боль.

Рука, которая гладила спину, останавливается, лишив меня таким образом, того небольшого чувства комфорта, что я испытывала.

— Раздень меня, детка, — требует он охрипшим голосом.

Мое сердце выпрыгивает из груди.

Это, правда, со мной происходит. Я, правда, собираюсь позволить ему делать со мной разные вещи. Плохие вещи.

Я сжигаю все мосты, взявшись за край его футболки и аккуратно сняв ее с него через голову. Она падает на пол с глухим звуком, и я опускаю большие пальцы моих рук за край пояса его джинсов. Подняв глаза, я в упор смотрю на него.

Он никак не реагирует. Его лицо — непроницаемая маска.

Медленно тяну его джинсы вниз, они застревают вокруг лодыжек. Черт. Я забыла про обувь. Надеюсь, что не облажалась в тридцать восьмой раз за этот вечер, я смотрю вверх на него широко открытыми глазами. Он молча дает мне понять, что все в порядке, когда одаривает легкой улыбкой. Опустившись на колени у его ног, я развязываю шнурки и снимаю его обувь и носки, прежде чем полностью освобождаю его от джинсов.

Итак.

Это было неловко.

По крайней мере, для меня.

Он протягивает мне руку, я берусь за нее, и он помогает мне встать. Затем он делает то, чего я совсем не ожидала. Он тянет меня вперед, берет меня за руки и оборачивает их вокруг своей талии. Своими руками он обнимает мое тело. И так мы стоим, голые, тесно прижавшись друг к другу. Я хочу услышать его сердцебиение. Мне необходимо удостовериться, что оно у него есть. Сердце, в смысле. Повернув голову в сторону, я прислоняюсь лбом к его груди, закрываю глаза и глубоко вздыхаю, сжимая его за талию.

Как только я подумала, что мне, оказывается, не о чем было волноваться, его руки с силой сжимают меня. Очень сильно. Чересчур сильно. Я зажата и чувствую, что меня словно поймали в капкан, поэтому напрягаюсь.

— Не сопротивляйся, — мягко говорит он. — Я могу и себе, и тебе доставить удовольствие.

Я молча соглашаюсь, но у моего тела другие планы. Я начинаю извиваться в его руках, и он ухмыляется.

— Или сопротивляйся. Без разницы. Я не хочу причинять тебе боль, но я это сделаю, если понадобится, Алекса. Это твой выбор.

Я продолжаю вырываться и шиплю через стиснутые зубы:

— Нет выбора. У меня нет выбора. Я не могу даже пошевелиться, чтобы сделать гребаный выбор! — совершенно очевидно, что я в панике.

Чересчур сильно стиснув меня в своих объятиях, он приказывает:

— Посмотри на меня.

А я не хочу, я возмущена. И раздражена. Я не желаю, чтобы у меня отбирали право выбора.

Я не хочу быть слабой.

Без лишних слов, Твитч опускает одну из своих рук, и прежде, чем я осознаю это...

Шлеп!

Мой зад пульсирует. В этот раз он шлепнул меня намного сильнее, чем в прошлый! Мой рот раскрылся прежде, чем я смогла осмыслить то, что я делаю:

— Что, чёрт возьми, с тобой не так? Прекрати!

Ещё шлепок!

Из-за саднящей боли, у меня создается такое ощущение, будто мои ягодицы в огне. Но я продолжаю:

— Я больше не хочу в этом участвовать! Остановись, Твитч. С меня достаточно. Я не хочу быть твоей маленькой слабой шлюшкой! Мы закончили!

То, что я только что сказала, заставляет его нахмуриться. Он отпускает меня и когда его руки опускаются вдоль его тела, я чувствую огромную потерю, которую не могу объяснить.

Отступив от меня на шаг, он смотрит вниз на меня секунду, прежде чем медленно, но решительно произносит:

— Я не тащу слабых женщин в постель. Никогда.

Воздух в комнате застыл. И это пугает.

— Ни разу.

Я хочу, чтобы он объяснил, что он имеет в виду, но все, что могу сделать, это обнять себя руками, прикрывая грудь. Найдя немного мужества, которое, должно быть, хранила где-то глубоко в себе, я открываю рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но ничего из него не выходит. Рот широко открыт, я захлопываю его и смиряюсь с тем, что ничего не могу произнести.

В моей груди болит.

Разглядывая Твитча, его высокое, крепкое тело, мне хочется плакать.

Какой стыд, чёрт возьми.

Проходит несколько минут, а мы все еще стоим друг напротив друга. Когда я, наконец, отваживаюсь посмотреть на него, один уголок его губ медленно ползет вверх, и он одаривает меня одной из самых красивых кривых улыбок, которые я когда-либо видела. Сделав шаг вперед, он обнимает меня вокруг талии.

— Видишь? Ты не слабая.

Я смотрю вверх на него, и он продолжает:

— Слабая женщина уже бы извинилась. И я знаю, что ты хочешь этого, так же, как и я, но ты все равно не извинилась за выражение своего мнения. Слабая женщина извинилась бы, даже если бы она не сожалела о сказанном. Как я сказал, я не сплю со слабыми женщинами. Теперь ты понимаешь, насколько сильной должна быть женщина, чтобы согласиться на то, что я прошу?

Хмм. Я никогда не смотрела на этот вопрос с такой стороны.

— От сильной женщины требуется отпустить свои страхи, — продолжает он. — И выйти из своей зоны комфорта, погружаясь в нечто, что пугает ее и делает неуверенной. Я понимаю, ты независимая женщина и выбор идет рука об руку с гордостью, но не пойми меня неправильно. Сильная женщина также может быть покорной в постели. Это не делает ее слабой. Это делает ее сильнее, чем многие. Отдать свое тело в чьи-либо руки... вот для этого требуется мужество.

Его руки опускаются на мою обнаженную задницу и сжимают ее. Он наклоняется и шепчет:

— Я знаю, что пугаю тебя, но обещаю, если ты доверишься мне сейчас, я тоже могу гарантировать, что ты никогда больше не захочешь другого секса. Будь сильной для меня, Лекси, — он прикусывает мне ушко, и я покрываюсь мурашками, — Соглашайся.

И вот так я снова вхожу в игру. И возбуждена, как никогда раньше.

Наклонившись к полу, он что-то подбирает.

— Обхвати меня ногами, — говорит он.

Не проходит и секунды, как он поднимает меня. Я ногами обхватываю его талию, а руками обнимаю за шею. Он неторопливо несет меня в мою комнату. Как только мы доходим до двери, он ставит меня на пол и мой взгляд притягивает та вещь, которую он держит в руке.

Его ремень.

Его толстый, черный кожаный ремень.

Мой мозг кричит: «О, чёрт, нет!»

Но сердце шикает на мой разум. Твитч не причинит мне вреда. Только не после того, через что я прошла прошлым вечером. Он не станет.

Не станет ли?

Чёрт подери. До меня только что дошло.

Я осознала, что совершенно не знаю этого парня. Ни капельки. По существу, я впустила незнакомца к себе домой и умоляла его заняться со мной сексом. Конечно, он спас меня, но серьезно...

Что, во имя Господа Бога, со мной не так?

Ты нуждаешься в нём. Тебе нужно узнать, кто он. Почему он такой. И почему он наблюдает за тобой. Признай это, девочка. Ты хочешь его... так же сильно, как он хочет тебя.

Вот черт. Я тупая задница. Я поговорю с собой об этом позже. А в данный момент я увлечена другим. То, чем я увлечена, имеет вид сексуального, высокого, татуированного парня, поглаживающего себя и наблюдающего за мной из-под прикрытых глаз.

С трудом сглотнув, я поднимаю лицо чтобы встретиться с ним взглядом. Его полуприкрытые глаза шарят по всему моему телу, медленным и напряженным взглядом, прежде чем закончить свой путь на моем лице.

Наши глаза встретились. Знакомый блеск появляется в этих тёплых карих глазах.

Я знаю, чего он хочет. И он это получит.

Пятясь задом к своей постели, я останавливаюсь, когда упираюсь задней частью своих коленей в деревянную раму кровати. Сев, я отодвигаюсь на середину кровати, смотря на Твитча все это время. Лежа в самом центре, я раскидываю руки в стороны.

Закрыв глаза, я тихо, но твёрдо шепчу:

— Ты победил. Я сдаюсь.

Ремень вокруг моей шеи заставляет меня чувствовать себя, как животное на поводке. Он затянут не слишком туго и, конечно, не перекрывает воздух, но иметь на шее нечто вроде ошейника, как будто я домашний питомец... мне это неприятно. Это унижительно.

Твитч тяжело дышит мне в ухо, и моя киска сжимается, а затем течет.

Кто знал, что всего лишь дыхание может быть таким эротичным? Он отлично справляется с тем, чтобы отвлекать меня от моих тяжелых мыслей.

Как только я произношу слова, которые, знаю, ему хотелось услышать, до меня доносится звук его шагов, пересекающих комнату, и моё сердце учащенно бьется.

Я хотела этого. Я могла обманывать его. Я могла обманывать всех. Но я не могла обманывать саму себя.

Мне всегда хотелось заняться сексом с незнакомцем. Это одна из моих тайных фантазий. И я как раз собираюсь выяснить, насколько это круто.

Сохраняя глаза закрытыми, я чувствую, как его руки берут меня за бедра и переворачивают на живот. Лицо упирается в одеяло, он тянет меня за бедра вверх, поднимая мою попу, и я почти кончаю в тот же самый момент. Что-то в этом сильном мужчине, который знает, чего он хочет, и делает все, чтобы получить это — возбуждает во мне почти животные инстинкты. С все еще закрытыми глазами, я жду его прикосновений. Но прежде, чем я смогла понять, что происходит, что-то вдруг оборачивается вокруг моей шеи.

Вся моя жизнь проносится у меня перед глазами. И какой же не радостной была эта жизнь.

У меня нет никаких достижений. Нет отношений. Никого, кто начал бы разыскивать меня в ближайшее время. Короче, мне становится жаль саму себя.

Я сбежала от своей семьи, чтобы избавиться от ядовитой жизни, и вот она я, занимаюсь небезопасным сексом с опасным мужчиной. Мужчиной, который может причинить мне такую боль, какую мне никогда не хотелось бы испытывать.

Мысленно вернувшись к тому, что происходит в данный момент в моей спальне, я открываю рот и слабо пишу. Но мой писк останавливает твёрдая рука, накрывшая мне рот.

Твитч произносит слова, как будто отдавая приказание:

— Нет. Не смей.

И я успокаиваюсь. Я словно загипнотизирована.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, — мягко говорит мне он, — мне просто так нравится. Я не буду его затягивать. Я не причиню тебе боль, Лекси. Во всяком случае, не сильно.

У меня из горла вырывается всхлип. Я не хочу испытывать боль! Ни в каком количестве. ... Или хочу?

Твитч прижимается к моей спине, и его член размещается у меня между ягодицами. Мои слезы возбуждают его. Это пугает меня все больше и больше. Ремень вокруг моей шеи слегка натягивается, пока он осторожно закрепляет его, оставив достаточно свободного пространства, чтобы можно было просунуть палец. Слезы ручьем бегут по моим щекам. Он начинает покачиваться из стороны в сторону, моментально заставляя меня забыть о моем страхе. Мои рыдания прекращаются, а на их место приходит учащенное дыхание.

И вот мы здесь.

Поместив руку под мое тело, он подтягивает меня выше, и теснее прижимается ко мне.

От его тела исходит тепло, его запах окутывает меня, и все, о чем я могу думать — это о том, как сильно я хочу его.

В этом мужчине есть что-то животное. Что-то, частью чего мне хочется быть. Что-то, в чём хочется принять участие. У него сильная натура.

Опустив голову ко мне поближе, он прижимается своей щекой к моей и требует:

— Лекси, мне нужно, чтобы ты сказала, кому принадлежит это тело сегодня ночью.

Моя голова кружится от возбуждения.

— Тебе, Твитч. Оно твоё, — тут же отвечаю я.

Его низкий рык одобрения заставляет моё сердце трепетать.

Он решил поиграть со мной.

— Ты уверена? Я не думаю, что сегодня ночью ты полностью принадлежишь мне. Я чувствую, что ты сдерживаешься. Есть ещё какая-то часть тебя, которую ты пытаешься удержать. И мне это не нравится.

Тревога встряхивает мои внутренности. Я не думаю, что я сдерживаюсь. Нет. Я уверена, что я не сдерживаюсь. Но я недостаточно быстро отвечаю, поэтому он повторяет свой вопрос:

— Это тело сегодня ночью принадлежит мне?

— Да, — отвечаю я, даже не раздумывая.

— Моё и я могу делать с ним всё, что захочу?

— Да, — отвечаю я уже тише.

Он тяжело дышит мне в ухо, и я ещё никогда не была такой влажной. Есть ли что-то более сексуальное, чем звуки, которые издаёт мужчина во время секса?

Двигаясь своим телом в медленном ритме, прижавшись к моему, я ощущаю его член, скользящий вверх и вниз между моими ягодицами и это, заставляет меня почувствовать головокружение. В тот момент, когда я задаюсь вопросом, собирается ли он, наконец, меня трахнуть, он шепчет мне на ухо:

— Черт побери, ты мокрая. Когда в последний раз у тебя был секс?

Мои щёки вспыхивают, и я шепчу:

— Около восьми месяцев назад.

Прикусив мое ухо, он скользит рукой вниз по моему животу к моему бугорку, и накрывает его.

— После сегодняшней ночи, ты не будешь больше никого хотеть, кроме меня.

Это именно то, чего я боюсь.

Его рука покидает мое самое интимное место и накрывает мою грудь.

— Не двигайся, — сжав ее, приказывает он. — Я хочу посмотреть на тебя.

Затем он отстраняется и отодвигается от меня.

И вот она я: лицом вниз, задом кверху, потерявшая всю свою скромность. Я чувствую себя, как лошадь, выставленная на продажу, и кусая губы, молю Господа, чтобы ему нравилось то, что он видит.

Проходит мгновение. Затем ещё одно. Моё сердце бьётся так громко, и я думаю, что он слышит его ритм.

Он не произносит ни слова, и я начинаю чувствовать унижение.

Ему не нравится то, что он видит. Но я все еще не двигаюсь. Делаю то, что мне сказали. Как выставочный пони. Мое сердце останавливается.

Но затем оно снова принимается стучать, когда его руки мягко опускаются мне на

спину. Он опускает их ниже к моим бедрам, затем еще ниже к моему открытому зад.

— Безупречна, — шепчет он, раздвигая мне ягодицы.

И тепло растекается по всему моему телу, от кожи головы до пальцев ног.

Спасибо, Господи.

Когда его большие пальцы движутся к центру моей попки, я напрягаюсь.

О, пожалуйста, Боже. Нет. Только не туда.

Кончик его большого пальца нежно скользит по моему бутону, и я не могу больше себя сдерживать. Крепко хватаюсь за простыни, все мое тело натянуто, и я хочу закричать, чтобы он остановился. Но нет, я не делаю этого.

Его рука останавливается. Абсолютная тишина. Неловкая.

Потом Твитч, который всегда все замечает, говорит:

— Ты не хочешь этого? — большой палец его руки медленно движется вниз, и это мгновение кажется мне целой вечностью: — Я думал, что мы заключили сделку. Что это тело сегодня ночью принадлежит мне.

Я не знаю, что на это ответить. Остановив свой большой палец именно там, где я боюсь больше всего, он заявляет:

— Это тело моё, и я буду делать с ним всё, что захочу. И если ты будешь послушной, я позволю тебе кончить. Но если ты не будешь слушаться, я оставлю тебя ни с чем. Я тебя предупредил и теперь знаю, что ты будешь хорошей девочкой, потому что ты определённо не хочешь разочаровать меня. Да, Лекси?

Мысль о том, что я могу разочаровать Твитча, заставляет всё внутри меня перевернуться...

— Да, Твитч.

Его большой палец сильнее трет возбужденную плоть. Склонившись надо мной, он плюет прямо на мой задний проход, и я напрягаюсь, когда теплая влага медленно стекает вниз по ложбинке между моих раздвинутых ягодиц. Мой разум кричит на меня, когда Твитч проталкивает кончик большого пальца в мой задний проход на полдюйма. Он не пытается вводить его глубже. И я догадываюсь, что он делает. Я поняла это.

Так Твитч утверждает свою власть. Так Твитч показывает мне, кто здесь босс.

И даже несмотря на то, что мысль о его члене внутри моего заднего прохода заставляет меня съежиться, мне все равно нравится та власть, которую он устанавливает. Он возбуждает меня так, что я почти забываю, где находится его палец. Он продолжает медленно, мучительно штурмовать меня, и я чувствую, что становлюсь еще более влажной. Мысль о его члене, проникающем в меня сзади, вызывает у меня отвращение, но его доминирование возбуждает так сильно, что я почти хочу этого. Вот как я представляла это в моей голове.

Непристойно и решительно, и адски вульгарно.

Не так часто удастся воплотить свои фантазии в жизнь. Хотя эта фантазия... Она пугает меня до смерти. Мне даже начинает казаться, что я скоро проснусь, и пойму, что это был всего лишь сон.

Сосредоточившись полностью на своем дыхании, я даже и не замечаю движения Твитча, пока он не прикасается кончиком своего члена моего правильного входа. Тепло, исходящее от него, заставляет меня с шумом выдохнуть.

О, я так этого хочу!

Он убирает свой большой палец из моего заднего прохода, и я с облегчением вздыхаю.

— Хорошая девочка, — наклоняясь ко мне, шепчет он.

Направляя свой член руками, он водит головкой вверх и вниз по моим половым губам, вбирая в себя мое возбуждение. Он не говорит ни единого слова, перед тем, как ввести в меня свой член. Я чувствую шарики его пирсинга, и это дарит мне неповторимые ощущения, которые я никогда раньше не испытывала. Я на подсознательном уровне знаю, что у него на члене есть пирсинг, но это не вызывает во мне отвращения или неприятия.

Он продвигается в меня глубже, и я ловлю ртом воздух. Ощущать его толщину — позволяет мне чувствовать себя заполненной так, как никогда прежде. Я чувствую, как будто потерянная часть меня наконец вернулась на место.

Опасная мысль. Мысль, которую на самом деле мне вовсе не хотелось обдумывать.

Мои глаза закрыты, и я издаю тихий стон, когда его рука снова обхватывает мою талию и он мягко тянет меня назад, а сам делает движение вперёд. Какое странное ощущение! Шарики его пирсинга задевают нечто, что находится глубоко внутри меня и всё мое тело вздрагивает. Пальцы ног сжимаются, я комкаю простыни и издаю громкий стон. Я взвизгиваю, когда Твитч щиплет меня за попу и отвечает на мой немой вопрос:

— Это твоя точка G, детка.

Я думаю, что только неэгоистичный мужчина делает пирсинг на своем члене только для того, чтобы доставлять женщинам удовольствие.

Он глубоко входит в меня и ждёт, пока я привыкну к его толщине, и затем тихо приказывает:

— Убери руки за спину, Лекси.

После приятных ощущений от прикосновения к моей точке G, я, глазом не моргнув, выполняю его просьбу. Я размещаю свои руки сзади на пояснице, и он удерживает их своей огромной ладонью. Он чересчур сильно входит в меня, и укол боли растекается где-то глубоко внутри меня. Он замирает, немного выходит, а потом начинает раскачиваться во мне.

О. Мой. Бог.

Мой рот раскрыт, дыхание становится ещё глубже, и я закатываю глаза.

Он хорош. Действительно хорош.

Наклоняясь немного влево, с каждым своим толчком, он попадает в одну и ту же точку внутри меня снова и снова. И внезапно мое тело вспыхивает, моя киска начинает сжиматься, и я начинаю двигаться ему навстречу.

Затем он выходит.

Какого гребаного черта, Твитч?

На моем лице написано недоумение и повернувшись, я вижу Твитча сидящего на пятках, его губы плотно сжаты в разочаровании.

— Что за черт? Почему ты остановился? — гневно спрашиваю я.

Он подается вперёд, так близко, что его нос почти коснулся моего; его глаза впиваются в мои.

— Не ты руководишь здесь, — объясняет он. — Ты не кончишь без моего позволения. Я отвечаю за твой оргазм, не ты. Ты поняла меня, детка?

Я на самом деле не понимаю, но хочу, чтобы эта глупая беседа закончилась, и чтобы он снова начинил меня, как индейку на День Благодарения. Я киваю, и он спрашивает:

— Тогда почему ты задвигалась навстречу мне и попыталась все взять под контроль?

Чувствуя себя, как ребёнок, которого отчитали, я корчу недовольную гримасу.

— Я этого даже не заметила. Это всё ново для меня, Твитч. Я привыкла принимать

участие. Прости.

Своим боковым зрением я вижу, как его руки опускаются на бедра. Он глубоко вдыхает и отвечает на выдохе:

— Ты реально портишь мой положительный настрой.

Я ничего не могу поделать с собой. И начинаю хохотать.

Это самый странный сексуальный опыт, который когда-либо был в моей жизни. Все еще посмеиваясь, я смотрю на Твитча. Похоже, что ему совсем не весело.

Закатив глаза, я подражаю ему и сажусь на пятки.

— О, да ладно. Неужели ты не находишь это хоть немножечко забавным? Я в кровати с незнакомцем, который не позволит мне принять участие в сексе... — играя кончиком ремня, добавляю я. — У меня ремень вокруг шеи и парень, с которым я трахаюсь, говорит мне, что я порчу его положительный настрой! Но нет, он не просто какой-то там парень! Он — парень, который ежедневно наблюдает за мной! Парень, который спас меня от изнасилования!

— Вся эта ситуация... она охрененно смешная! — восклицаю я, хихикая.

Когда лицо Твитча не подает признаков того, что он находит мою историю забавной, мое хихиканье умирает медленной смертью. Я сижу на пятках и наблюдаю за ним утомленным взглядом.

Затем происходит нечто удивительное.

Его губы расплываются в самой ослепительной улыбке, которую я когда-либо видела. Эта улыбка заразна. Я тоже улыбаюсь ему.

— Это не совсем то, что я планировал на сегодняшний вечер, — смущенно признается он и чешет подбородок.

— Я тоже, — внезапно занервничав, признаюсь я.

Когда его лицо становится жёстким и расчётливым, я решаюсь рискнуть своей гордостью. Что, на удивление, оказывается очень непростым. Повернувшись назад, я ложусь на живот, выставив попу и положив руки на поясницу.

— Сегодня ночью моё тело принадлежит тебе, и ты можешь делать с ним всё, что пожелаешь. Покажи мне, как нужно подчиняться. Я готова покориться тебе.

Это занимает десять мучительных секунд, прежде чем я чувствую движение на кровати. Не тратя время на прелюдии в этот раз, его рука возвращается, чтобы поддерживать меня под живот. Он вставляет кончик своего члена в мой скользкий вход и полностью вталкивает его внутрь.

Я заполнена теплой стальной твердостью. И это блаженство.

Его рука сильнее сжимается вокруг меня, и он начинает двигаться во мне. Я очень осторожна в этот раз, чтобы не издать ни звука или не сделать ничего глупого, как, например, кончить прежде, чем мне скажут. Я хочу того, что он делает со мной, не смотря на то, как это все неправильно. Мне нужно снова почувствовать себя сексуальной.

Он вдальбливается в меня, глубоко погружаясь, и низкий стон вырывается из моего горла. Закрыв глаза, я чувствую, как его грудь прижимается к моей спине. Он двигается во мне и эта связь, эта близость, кажется мне почти священной. Его рука берет меня за подбородок и слегка сжимает его, поворачивая мое лицо в сторону. Моя сердцевина начинает пульсировать, а глаза широко распахиваются. Он смотрит на меня, улыбаясь одними глазами. Мои глаза умоляют его. Мне нужно кончить. Сейчас же!

Смотря мне прямо в глаза, он спрашивает:

— Ты хочешь кончить, Лекси?

Я быстро киваю головой. По позвоночнику бегут мурашки и белые пятна затуманивают мое зрение. Как только мои глаза закрываются в наслаждении, Твитч шепчет:

— Кончи для меня.

Сжимаясь вокруг его члена, я пульсирую и стону:

— Да, Боже, да.

Его толчки возобновляются и становятся жестче, неистовее. Снова выпрямляясь, он крепко хватается меня за бедра и притягивает мое тело навстречу своим толчкам. Находясь в секс-коме, все, что я могу делать — это стонать и вздыхать, пока он занят своим делом. Это — удивительное чувство.

— Ты на таблетках? — внезапно хрипит он.

Мои глаза резко открываются. Моя сексуальная кома тут же проходит.

Дерьмо на палочке! Мы не позаботились о противозачаточных! Что, черт побери, со мной не так?

Я виню Твитча в отсутствие моего здравомыслия. Он вводит меня в ступор, и я немею. Шлепок по задку возвращает меня обратно в реальность.

— Да, я на таблетках.

Не проходит и секунды после моего ответа, как его пальцы впиваются мне в бедра, и он так сильно входит в меня, так глубоко, что у меня появляется впечатление, как будто я прыгаю на батуте. Он усиливает свою хватку. Он пронзает меня в последний раз и удерживает меня за бедра на месте.

И я чувствую это. Его оргазм.

Он издает протяжный стон, затем замирает на месте, пока его член внутри меня дергается, и с каждой пульсацией его освобождения, чувство удовлетворения охватывает меня. И какое это чувство! Влажное тепло наполняет меня изнутри. Это потрясающе. У меня никогда не было секса без защиты.

Мой мозг вмешивается:

— Ты действительно понимаешь, что только что у тебя был безумный секс с бездомным, сумасшедшим сталкером, правильно? Ты также позволила этому парню войти в тебя, хотя знакома с ним где-то полторы минуты, — глаза моего мозга широко распахиваются, и он утвердительно кивает. — Ты, моя дорогая, глупая шлюха.

Твитч все еще находится внутри меня. Его большой палец рассеяно гладит мое бедро, и единственные звуки, которые можно услышать в моей комнате — это дуэт тяжелого дыхания. Я улыбаюсь сама себе.

М-ммм.

О последствиях секса без контрацепции я буду волноваться завтра.

Чем, чёрт возьми, всё это было?

Моя голова зудит вокруг пустого пространства, где должен был находиться мой мозг.

Убирайся оттуда, чувак.

Это не то, что должно было произойти сегодня вечером. Она должна была быть напуганной, и слабой, и хрупкой. Не так... мать твою.

Она должна была быть всем, что мне нужно. Она должна была быть кем-то особенным, кем я смог бы управлять.

Кто сказал, что она не такая?

Я привык уже игнорировать голос моего разума, когда он говорит подобные глупости.

Она сказала волшебные слова «Я подчинюсь» и мой член тут же счастлив. Я не мог дождаться, чтоб ворваться в нее, и начать делать то, чего я ждал годами. Но нет. Она не подчинилась так просто... и даже когда она думала, что подчинилась, она отдала всего лишь маленькую часть себя. Не то, что мне нужно от нее.

И это не до-чертовски-статочно для меня.

Мне нужна она. Я хочу ее. Я буду обладать ею.

Необходимость наказать её становится сильнее.

Так почему ты не сделал этого?

Поискав свою футболку, я нашел ее у входной двери вместе с моей остальной одеждой, и натянул ее на себя через голову. Как я и сказал, сегодняшний вечер пошел не по плану. И мне нужно убраться от нее. От ее сладкого запаха, и нежного ротика. Мне нужно подумать.

Возвращаясь в её комнату, я сажусь на край кровати и одеваю обувь. Не поворачиваясь к ней, я иду обратно в коридор, с дивана беру свою куртку и выхожу через переднюю дверь. Я подал ей ложное представление о том, что сегодняшний вечер значил для меня.

Ничего.

Я знаю, я мудак. Мне даже не жаль.

Когда я захлопываю за собой дверь, я закрываю глаза, прилагая все усилия чтобы не повернуться назад, и не встретиться взглядом с теми большими голубыми глазами.

Нет. Сегодня определённо всё пошло не так, как я планировал.

Я слышу, как защелкивается замок, когда Твитч выходит из моей квартиры. Я не совсем уверена, чего я ожидала... но точно не такого. Я думаю, я ожидала, по крайней мере, что он пожелает мне спокойной ночи.

Я хмурюсь. Мой мозг лихорадочно работает.

С таким его уходом, я чувствую себя, как проститутка, которая заплатила своему герою сексуальными услугами.

И внезапно я чувствую себя грязной.

Поднимаюсь на дрожащие ноги, наши смешанные соки стекают вниз по моим бедрам, и я достигаю ванной комнаты как раз вовремя, чтобы меня вытошнило.

Я проснулась этим утром в скверном настроении. Этого следовало ожидать. Я леглась спать в скверном настроении, так что это закономерно — проснуться в точно таком же настроении.

После ухода Твитча, и после того, как я сделала безумный рывок в ванную, выдав содержимое своего желудка, я приняла еще один душ той ночью, чтобы очиститься от ощущения грязи, которая покрывала все мое тело. И пока я принимала душ, то задалась вопросом, чем, черт возьми, я думала, позволяя парню, которого толком не знала, потенциально опасному парню, вытворять со мной все это.

Мой разум был пуст. У меня не было ответа.

Это было так глупо. То, что я никогда больше не повторю. Я поклялась никогда больше не делать этого снова.

Потому, что я выше всего этого.

— Что происходит сегодня с твоей задницей? — спрашивает Линг, сощутив глаза.

Я едва смотрю на нее, и продолжаю читать газету, не утруждая себя ответом. Но Линг есть Линг, она не может оставить все как есть.

— Нет, серьезно, Твитч? Или лучше убрать буквы т-в и добавить вперед а-б? (прим. пер. — Twitch — A bitch — т. е. сука).

Я слышу нотки веселья в ее голосе, и мне хочется перекинуть ее через колено и отшлепать. Это в порядке вещей между нами. Фактически, почти каждое наше утро сопровождается жестким и бурным переписом. Но мысленно я нахожусь все еще в прошлом вечере. Короче говоря, мне не до этого.

Больше похоже, что моему члену не до этого. Линг не та девушка, с которой он хотел бы поиграть.

Я переосмыслил много вещей с прошлой ночи. Я внимательно посмотрел вокруг себя, заглянул в комнаты моего дома, которые видны из столовой, и вообразил, что этот вид должен был приободрить меня. Но сегодня этого не произошло.

Что ты будешь делать, когда цель, над которой ты работал всю свою жизнь, превращается в облако дыма?

Верно. Ты найдешь новую цель.

С сегодняшнего дня, я задал себе новую цель.

Лекси.

Я жестоко улыбаюсь, просматривая газету.

Я собираюсь сломать её.

Прошла неделя.

Неделя скверного настроения. Неделя беспокойства. Неделя скрытой депрессии.

Вздых.

Это была тяжёлая неделя. Почему, спросите вы?

Ну, ответ прост. Твитч исчез.

На протяжении всей недели я украдкой озиралась вокруг себя, надеясь, что он снова покажется. Или появится. Сделает хоть что-нибудь. Обычно, перед тем, как заметить его, я чувствовала на себе его взгляд. Чувствовала что-то. Но он просто... ушёл.

Оставив меня с моими мыслями, которые вихрем проносятся в моей голове.

Неужели наш секс был настолько плох? Так плох, что мой сталкер бросил меня? Я знаю, это было неловким, но кульминация была отличной... не так ли?

Быть брошенной своим сталкером — довольно паршиво. То есть он наблюдает за тобой неделю за неделей в течение почти целого года, потом вы занимаетесь сексом, и он после этого думает: «Ну, переписались по-быстрому и хватит. Твоя роль жертвы больше не требуется. Не звони мне, я сам позвоню. Дело не в тебе... а во мне. Мы просто на разных стадиях наших «сталкер и его жертва» отношениях. Мне нужно время».

Насколько же ты жалкая! Тебя, на самом деле выводит из себя, что твой сталкер больше не прячется где-то в тени. Это просто... плачевно.

Я знаю, что это странно, чёрт побери! Именно поэтому у меня такое скверное настроение. Так что, когда я располагаюсь за моим письменным столом, подношу кофе к

губам, и меня прерывает стук в дверь, я рычу. Да. На самом деле, рычу:

— Что надо?

Из-за двери показывается Чарли, просовывая своё милое круглое лицо в мой кабинет:

— Эй, Лекс, у тебя есть минутка?

Как я могу быть такой грубой с Чарли?! Он всегда такой вежливый и тактичный. Я чувствую себя настоящей стервой из-за своего тона. Он заставляет меня почувствовать себя ещё хуже, когда на его лице отражается беспокойство, и он тихо спрашивает:

— Лекс, ты в порядке? Ты выглядишь подавленной.

Чёрт. Заставь меня почувствовать себя куском дерьма, почему бы и нет?!

— Просто немного разболелась голова, — выдавливая улыбку, сообщаю ему я. — Ничего такого, с чем не смогло бы справиться обезболивающее.

Он всё ещё выглядит обеспокоенным:

— Я могу попросить кого-нибудь ещё заняться этим делом. Ничего страшного.

— Положись на меня, Чарльз! — улыбаясь еще убедительнее, я хлопаю по столу. — В чём дело?

Кажется, он, наконец, верит, что я в порядке, потому как принимается объяснять:

— У нас новый спонсор. Пластиковая компания, которая хочет вносить ежегодный взнос ближайшие пять лет.

Это потрясающе! Хотя нас и финансирует правительство, но существуют тонны некоммерческих и благотворительных организаций, которые нуждаются в деньгах, чтобы продолжать делать то, что они делают. Правительство помогает всем, кому может, но денежные средства ограничены и нет возможности помочь всем без исключения. Это очень печально. Приюты для женщин, обеды для бездомных, центры для беспризорников остаются на плаву благодаря частным пожертвованиям. И если речь идет о пятилетнем соглашении, то мы, должно быть, говорим о кругленькой сумме.

Сдерживая свою внезапную радость, я тихо спрашиваю:

— Сколько в год?

— Пятьсот тысяч, — расплывается в улыбке Чарли.

Я хватаюсь за край стола, чтобы не сползти на пол в обмороке. Это немыслимая сумма денег, которую может пожертвовать какая-либо кампания. Это два с половиной миллиона долларов за пять лет! Это невероятно... удивительно... поразительно! Это сумма, которую мы сможем употребить на столько добрых дел. Большие деньги означают большие проекты.

Я витаю в облаках!

Встаю так быстро, что у меня кружится голова, подхожу к Чарли и кладу свои дрожащие руки ему на плечи, от волнения вцепившись ему в одежду. Я открываю рот, пытаюсь выразить всю степень своей радости... но так ничего и не могу произнести. Чарли смотрит на мою отвалившуюся челюсть и тихо смеется.

— Вот почему я хотел, чтобы именно ты занималась этим и узнала все подробности, — он ласково смотрит на меня. — Никто не заботится о других так, как ты, Лекс.

Вновь обретая голос, я улыбаюсь своей первой за эту неделю искренней улыбкой:

— Пришли их ко мне.

Улыбка Чарли меняется.

— Хорошо. Но, Лекс... — он замолкает, и я вопросительно поднимаю брови. Чарли медленно качает головой и произносит: — Просто... просто помни наш девиз, ладно?

Развернувшись, он выходит из моего кабинета, оставляя меня в смятении и в

недоумении. Наш девиз.

Равенство выше стереотипов.

В нашей области мы имеем дело с разными людьми, из разных социальных слоев, рас, и религий. В нашей работе нет такого понятия, как норма. И печальная правда состоит в том, что это очень легко — повесить ярлык на человека, которого вы совсем не знаете. Нашему разуму достаточно одного взгляда на человека, чтобы составить о нем мнение и определить тот тип человека, к которому, как мы полагаем, он относится.

И в девяноста девяти процентах из ста, мы ошибаемся.

Ну, теперь я начинаю нервничать. Беру свой кофе, я направляюсь к двери, и по пути задеваю каблуком за ковер. Я качаюсь, но остаюсь на ногах, хотя все же умудряюсь расплескать кофе себе на руку и на пол.

Подняв голову в безмолвной молитве, я делаю глубокий вдох и подхожу к столу, из ящика которого вытаскиваю горсть салфеток. Немного приподняв юбку, я опускаюсь на колени и начинаю вытирать лужу на полу.

Кто-то откашливается. Если быть точной, мужчина.

Всего в шаге от меня я замечаю пару итальянских кожаных мужских туфель. Неплохо. Продолжая свой путь вверх по чёрным брюкам, которые обтягивают крепкие мужские ноги, мои глаза скользят по его паху к ремню...

Этот ремень.

Мои глаза расширяются. Тот самый ремень!

Пробежав беглым взглядом по его свежей белой рубашке, шёлковому чёрному галстуку и классическому чёрному пиджаку, мой взгляд поднимается выше и встречается с парой полуприкрытых карих глаз.

Моё сердце ускоряет свой ритм.

Что здесь происходит?

Я всматриваюсь в его лицо, а он смотрит на меня в ответ. Мой взгляд медленно движется по маленькой татуировке «13» на его скуле, потом спускается по искусным завиткам, цветным и серым, которые украшают его шею и выглядывают из-под ворота рубашки. Мы продолжаем смотреть друг на друга. Я пытаюсь понять, что, черт побери, тут происходит, а он, пытается оценить мою реакцию на то, что мы встретились в более... профессиональной обстановке.

Делая небольшой шаг мне навстречу, он оказывается невозможно близко ко мне. Моя грудь слегка задевает его колено. На его губах появляется кривая усмешка, и он смотрит на меня снизу-вверх, стоящую перед ним на коленях. Одной татуированной рукой он поправляет запонку на другой.

— У меня появилось странное чувство дежавю, — донесся до меня его хриплый голос.

О, мой гребаный бог.

Этого не может быть.

Проклятье.

Я совсем не планировал, что наша встреча с красавицей Алексой Балентайн произойдет подобным образом — она стоит передо мной на коленях. И по выражению ее обескураженного лица, она тоже такое не планировала. Но все получилось именно так.

Ее ясные голубые глаза впиваются в мой ремень, и ее зрачки моментально

расширяются. Она судорожно втягивает воздух.

Твою мать, твою мать, твою мать!

Ей понравился ремень. Он никому не нравился. Им можно задушить, в конце-то концов. Я издаю слабое рычание, и она запрокидывает голову, смотря на меня снизу-вверх. Она старается избежать моего пристального взгляда. Мне это не нравится.

Протягивая руку, я уверенно беру ее за подбородок и поднимаю лицо вверх. У нее не остается выбора, кроме как установить зрительный контакт. Когда наши глаза встречаются, ее лицо вспыхивает, а губы плотно сжимаются, скорее всего, от раздражения и недовольства.

— Что ты здесь делаешь? — шепчет она.

У меня нет привычки упрощать для кого бы то ни было неловкие ситуации, поэтому я тихо говорю ей в ответ:

— Ты уже влажная, не так ли, Алекса?

Шипя на выдохе, она закрывает глаза:

— Ты не должен быть здесь. У меня назначена встреча.

Сжав ее подбородок немного крепче, я отвечаю скучающим голосом:

— Я знаю. «Фалькон Пластик». Благотворительный взнос. Деловая беседа. И все такое.

Ее глаза вот-вот готовы выскочить из орбит.

— Т-так т-ты все еще наблюдаешь за мной? — заикаясь, спрашивает она. — Я-я не видела тебя поблизости. И даже не ч-чувствовала твое присутствие. Я думала, что ты больше не придешь...

Не дав ей закончить, я беру ее за руку и осторожно тяну вверх. Она встает, поправляет юбку, и я сообщаю:

— Я — владелец «Фалькон Пластик», Лекси.

Выражение ее лица с округлившимися глазами и невероятным удивлением... просто бесценно. Мне нравится ее реакция. Между нами повисает неловкое напряжение. Такое плотное, что его можно разрезать ножом. Это то, что мне нравится. Мое любимое занятие. Ставить людей в неудобные для них ситуации. Это забавно.

— Я и есть твоя деловая встреча, малышка, — я расплываюсь в чересчур довольной улыбке.

Ее следующие слова заставляют мою улыбку исчезнуть.

— Н-но я думала, что ты бездомный, — лепечет она.

Кровь закипает у меня в жилах.

Нет.

Моей гордости... это не нравится.

Я был бездомным. То были лучшие годы в моей жизни. И это не шутка. Когда мне было восемь лет, я решил, что быть бездомным — это гораздо лучше, чем быть боксерской грушей для одного жирного, отвратительного слизняка, который заслужил ту смерть, которую он и получил в конечном счете. И моя жизнь была лучше. Я узнал, что на улицах много таких же детей, как я. Убежавших из дома. Убежавших от неминуемой смерти. Для большинства людей, дом — это безопасное место. Убежище. Не для меня. Мой дом был... адом. Гребаным кошмаром.

Сделав два шага назад, я медленно поднимаю руку и переворачиваю табличку на двери. Эта комната теперь занята. Я, не торопясь, закрываю дверь, и когда замок громко щелкает, Лекси подпрыгивает на месте от... испуга? От предвкушения? От желания? Я не уверен. Женщины — сложные существа.

Смотря назад, я тяну за верёвку, висящую сбоку от меня и наблюдаю за тем, как жалюзи опускаются до самого пола, отрезая нас от остального мира.

На лице Лекси написан испуг. Но я знаю, что это не так. Она не боится меня. О, нет. Она боится себя. И своей собственной реакции на меня.

Я предупреждал ее. И я имел в виду то, что сказал. Она никогда не захочет никого другого, после того, как я закончу с ней. И после того, как я закончу, я уйду. И никогда не оглянусь.

Возвращаясь к сути нашего разговора, я провожу пальцами по моему правому манжету, вытаскивая запонку.

— Как ты можешь видеть, я, совершенно точно, не бездомный, — растягивая слова, говорю я слегка охрипшим голосом.

Больше нет. И никогда им не буду вновь.

Я приближаюсь к ней, и она отступает, вплоть до того, пока она не задевает ногами край стола с тихим стуком. Пальцами правой руки расстегиваю другой манжет. Закончив, я снимаю свой пиджак, бросаю его на ее стол и закатываю рукава рубашки до локтей. Мой мозг, как всегда расчетливый, предлагает, чтобы я поиграл со своей новой игрушкой. Кто я такой, чтобы отказывать себе в простом удовольствии? Я не могу сказать себе «нет». Она выглядит такой взволнованной и кроткой в данный момент. А я всецело тверд.

С волками жить....

Я останавливаюсь, когда ногами касаюсь ее. Я поднимаю руку к ее щеке и когда начинаю гладить кожу на ее подбородке, по ее телу пробегает дрожь, как от электрошока. Мой член подскакивает. Нам это нравится. Касаясь ее головы своей, я трусь кончиком носа об ее нос.

— Я готов дать много денег для твоего дела, мисс Балентайн.

Ее дыхание обжигает мне губы. Не отдавая себе в этом отчет, она медленно тянется к моему рту. Отстранившись, я продолжаю:

— А что ты готова сделать для меня?

Взгляд Лекси встречается с моим. В ее глазах так много разных эмоций.

Гнев. Возбуждение. Стыд.

Я не отвожу своих глаз, они никогда не выдают моих чувств. Она, наконец, опускает лицо, и я торжествуя ухмыляюсь.

— Ты сказал, — тихо говорит она, — что не сделаешь пожертвование, если я не... — она с трудом сглатывает и, заикаясь, продолжает: —...если мы... я имею в виду...если я не позволю тебе...

Спеша ей на помощь, я ослабляю свой галстук, и говорю:

— Конечно. Если это то, что ты хочешь услышать. Если тебе нужна причина, для того чтобы сосать мой член в своем офисе в девять утра в понедельник, — я наклоняю голову в раздумьях и рассеяно продолжаю: — Сосать член для заключения контракта, — я замолкаю и с удовольствием наблюдаю, как ярость вспыхивает в ее глазах.

Я был под впечатлением, когда она протянула руки к моим плечам и с силой оттолкнула меня. Мне пришлось отступить на шаг назад, но я все же улыбнулся своей успешной попытке вывести её из себя.

— Я не чёртова проститутка, Твитч, — выплюнула Лекси. — Я не собираюсь это делать. Ты, в любом случае, собирался сделать пожертвование, так что просто сделай это, наконец, и уходи.

Вы только посмотрите на неё.

Мне нравится эта её сердитая сторона. Она может гневаться, я этого и не знал. Это открытие меня радует. Кажется, будет весело. Сломить её, я имею в виду.

Воспользовавшись образовавшимся расстоянием между нами, она пытается убежать от меня. Она обходит свой стол и, выдвинув стул, указывает мне рукой на кресло для посетителей, прежде чем опускает свою милую попку на сидение. Я знаю, что мне не следует этого делать, но я не могу удержаться.

Вы знаете, есть такая штука у людей, которая подсказывает им, что они делают что-то неправильно или заходят слишком далеко?

Так вот, у меня этой штуки нет.

Обходя вокруг стола, я, прилагая минимум усилий, отодвигаю ее стул. Поднимая голову, она хмурится.

— Что ты делаешь?

Беря ее за руки, я тяну ее вверх, чтобы она встала и занимаю ее место на стуле. Взяв ее за бедра, я слегка толкаю ее назад, пока ее попа не достигает краешка стола.

На ее лице отчетливо читается поражение. Она выглядит побежденной.

Мне это нравится.

Я делаю с ней успехи, которые и не ожидал получить так быстро. У меня были планы поить ее, водить в рестораны и постепенно завоевывать ее доверие и привязанность, прежде, чем я нанес бы свой решительный удар. Это настоящий я. И, что более важно, именно в этом и есть причина того, почему я такой, какой есть.

Она облегчает мне задачу. Я думаю, что она заслуживает вознаграждения за свое хорошее поведение. В конце концов, когда собака выполняет трюки или слушается хозяина, она получает поощрение. Поэтому Лекси должна получить свое поощрение.

Откидываюсь на стуле и кладу руки за голову, а ее взгляд медленно движется по моим обнаженным рукам. Ей нравятся мои татуировки. Глупая часть моего мозга радуется от того, что они ей нравятся. Щелкаю пальцами, и ее взгляд возвращается к моему лицу.

Хороший щеночек.

— Подними свою юбку.

Отклоняясь в сторону, она, сощурившись, смотрит на меня. Лекси смотрит на меня так, как будто я сошел с ума. Мне становится понятным, что она не пошевелит даже пальцем. А я хотел, чтобы она подняла юбку. Так что я повторяю:

— Подними ее.

Она смотрит по сторонам, и я знаю, что она взвешивает все «за» и «против» в своем уме. Искушая ее, я говорю шепотом:

— Если ты поднимешь свою юбку, я сделаю тебе так приятно, что это будет стоить того, чтобы быть застуканными за таким делом.

Выпрямляясь, она качает головой и тянется к краю юбки.

— Что есть в тебе такое, — произносит она, — что заставляет меня хотеть делать все эти невероятно глупые вещи?

И несмотря на то, что на моем лице блуждает лишь легкая усмешка, внутри я смеюсь во весь голос. Иногда она такая забавная и милая.

Какая досада.

Материал поднимается вверх, обнажая колени, и я наблюдаю, прикрыв глаза, как она медленно двигает юбку выше и выше по своим шелковистым бедрам, пока я не замечаю

белый хлопок трусиков, виднеющийся между ее ног. Слегка откинув голову назад, я еле сдерживаюсь, чтобы не издать глухой стон. Придвинувшись к ней ближе, я протягиваю руку вперед, и без разрешения просунув ее ей под юбку, цепляю трусики большим и указательным пальцами и дергаю их вниз. И вот их больше нет.

Простые хлопковые трусики.

Такие трусики на ком-либо другом вызвали бы во мне отвращение. Мне нравится, когда мои женщины изысканно одеты при любых обстоятельствах. Это касается и нижнего белья. Лекси до конца снимает трусики и усаживает свою попу обратно на край стола. Смотрю на нее и спрашиваю со всей серьезностью:

— Скажи, что тебе от меня нужно, чтобы заключить этот контракт?

Ее лицо, выражающее удивление и неверие, просто бесценно. Все еще выглядя озадаченной, она кидает беглый взгляд позади себя и автоматически произносит:

— Хмм, хорошо. Нам требуется подтверждение, что ты владеешь «Фалькон Пластик», а также... — одним быстрым движением я закидываю ее ноги, обутые в туфли на каблуках, себе на плечи и зарываюсь лицом в ее горячую киску. Она вскрикивает, а затем громко вздыхает:

—...Аааах!

Подняв на секунду голову, я предупреждаю:

— Остановишься объяснять, и я тогда тоже остановлюсь. Прими это к сведению.

— Снова опустив лицо в ее аппетитную оголенную киску, я не трачу впустую время на прелюдию. Это и есть прелюдия. И я убеждаю себя, что моя спешка не имеет ничего общего с тем, что она пахнет так хорошо. Я хочу насладиться ею, прежде чем начну разрывать на куски. Нежно провожу языком по ее щели, и от вкуса ее киски у меня на губах я чувствую себя пьяным. Она удивительная на вкус. Какой и должна быть киска на вкус. Умеренно мускусной, легкой, и немного пряной.

Мой член затвердевает у меня в штанах. Я чувствую, что вот-вот кончу. Мне не следует делать то, что я делаю. Это она должна отсасывать у меня.

Но я не могу оторваться от неё.

Она выдает информацию, которая мне, по сути, не нужна, и которая, я уверен, не имеет никакого смысла. Она ее выдает просто для того, чтобы я не прекращал мою сладкую пытку. И должен сказать, меня безумно радует то, что она следует инструкциям, даже находясь в критической ситуации. Для меня настоящее облегчение знать, что, когда страсти между нами накалятся, она с этим справится. Ну, или хотя бы попытается.

Подняв на нее взгляд, находясь между ее ног, я погружаюсь языком в ее влажное тепло и внимательно наблюдаю за ней. Ее глаза закрыты, а голос приглушен. Я скольжу руками по ее телу и одной рукой сжимаю ее грудь, в то время, как другой сжимаю и кручу ее другой сосок. Не в состоянии сдержать себя, я издаю стон, и чувствую, как ее мышцы сжимаются вокруг моего языка. Невероятно. Я никогда не возбуждался до такой степени от поедания киски. Но это киска принадлежит Лекси....

Я просовываю руки ей под попу и, крепко сжав ее ягодицы, притягиваю ее тело к моему лицу и проталкиваю свой язык глубже в нее. Она перестает говорить, и издает глухой и низкий стон. И только я подумал, что победил, как она снова начинает болтать своим тихим голосом. Слишком тихим. Я не могу даже разобрать, что она говорит. Но я должен наградить ее за старания.

Она может кончить. Я позволю ей это.

Выйдя из нее, я провожу своим языком по ее входу, облизываю мучительно медленно, вращаю языком до самого клитора.

— Ты близко? — спрашиваю я.

Кивая, она открывает глаза и смотрит на меня затуманенным взглядом.

— Я хочу, чтобы ты кончила, Алекса, — говорю я ей.

Я бы никогда не сказал «ты можешь кончить, когда хочешь», так как это звучит, как просьба. А это не так.

Я требовательный парень. Попробуй, осуди меня.

Опустив губы на ее клитор, я слегка сосу его, соблюдая ритм, а потом начинаю сосать жестче. Руки Лекси тянутся к моей голове, и она начинает двигаться навстречу моему лицу. Ее дыхание становится прерывистым, и низкий стон вырывается из ее горла. Я продолжаю свое сексуальное наступление, лижу и посасываю. Притворное спокойствие в ее голосе подстрекает меня. У меня появляется непреодолимая потребность сломать ее контроль. Я глубоко вонзаю в нее язык, и плотина прорывается. Вцепившись мне в волосы, она прерывисто и низко вздыхает, неконтролируемо дергается и притягивает меня глубже в свою пульсирующую киску.

Момент достигает своего апогея, а потом все заканчивается.

Стремительно встав на ноги, я поправляю свой эрегированный член в штанах, обхожу стол, беру пиджак и открываю дверь.

— Постой!

Я оборачиваюсь. Лекси снова сбита с толку. Бедная Лекси. Она поймёт. Со временем.

— Куда ты идёшь? Мы должны подписать документы, — говорит она, выглядя скорее раздраженной, чем смущенной. Она кладет руки на бедра и поправляет измятую юбку.

— Я знаю. Я отправлю кого-нибудь уладить все это.

— Как я поняла, ты сказал, что являешься владельцем компании! — говорит она, теряя терпение.

— Так и есть, — поправляя запонку, я добавляю: — Я совладелец. Счастлив буду подписать всё, что тебе нужно. Я позвоню, Лекси.

— Подожди! — кричит она. — Как тебя зовут?

Я знаю, чего она хочет. И она это не получит. До тех пор, пока я сам не буду готов дать это ей.

— Лекси, мы это уже обсуждали. Я Твитч. Просто... — я ухмыляюсь, — ...Твитч.

Повернувшись, и игнорируя ее просьбы подождать, я закрываю за собой дверь и киваю Хэппи, который ожидает меня в коридоре. Хэппи стучит в дверь кабинета, из которого я только что вышел, и я, даже не удосуживаясь повернуться, и посмотреть, как он входит к Лекси, которая не совсем еще привела себя в порядок.

Я ухмыляюсь сам себе. Это было забавно. Поправляю галстук и тихо посмеиваюсь. Провожу языком по нижней губе, вспоминая ее вкус.

Нам следует как-нибудь повторить это снова.

О, блин, я что, злюсь?

Постукивая своей ручкой по краю клавиатуры, я проверяю ту информацию, что у меня есть:

— Так, мистер Ахмади, я не понимаю. Вы — владелец «Фалькон Пластик», наряду с

мистером...

Я жду, что он назовет мне фамилию Твитча. Но, даже надеясь, я понимаю, что он не сделает этого. Он не идиот. Он знает, как обстоят дела. Я имею в виду, он знает Твитча. Этим все сказано. Его невозмутимое спокойствие настораживает. Он не груб. Нисколько. Он хорошо воспитан, на самом деле, но при этом очень сдержан. Погружен в свои раздумья.

— Пожалуйста, называйте его Твитч, — он отвечает деловым тоном. — Ему так нравится. А меня называйте Хэппи. Или, если вы предпочитаете сохранять наше общение на деловом уровне, тогда зовите меня Фарид. Пожалуйста.

Хэппи2? Странное прозвище. Особенно для того, кто не выглядит... счастливым.

— Хорошо, Фарид. Я вижу, что не смогу вытащить из вас никакой информации о моем неожиданном госте, не так ли?

Легкое подергивание губ является его ответом. Киваю, понимая его, и перечисляю документы, которые нужны для долгосрочного сотрудничества. Фарид вручает мне все документы компании, которые мне нужно отсканировать; он вздыхает, и через полчаса у нас все готово. И мы отправили пятьсот тысяч долларов в бюджет.

И мне снова становится легко на душе.

Фарид окидывает меня взглядом из-под своих густых нахмуренных бровей, как будто пытаюсь прочесть мои мысли. Его почти черные глаза обрамлены густыми черными ресницами. Если бы его имя красноречиво не говорило, что у него есть восточные корни, тогда его лицо выдавало бы его с головой. Его наголо выбритая голова блестит под флуоресцентным освещением. Ростом он почти с Твитча, но немного крепче по телосложению, и я тут же задаюсь вопросом, не является ли он «силой» Твитча. И я не могу ничего с собой поделать. На моем лице расплывается улыбка.

— Это что-то значит для вас, не так ли? — спрашивает он.

Ого. Серьезный вопрос.

Внезапно растрогавшись, я заморгала глазами, полными слез.

— Вы даже не представляете себе, — шепчу я.

Он хмурится еще больше, а потом кивает. Мой гость протягивает руку, и я с радостью ее пожимаю.

— Я рад, что мы смогли помочь. Я также рад знать, что человек, которому мы доверили свои пожертвования, страстно любит свою работу и без сомнения, проследит, чтобы наши деньги были использованы по назначению.

Я так благодарна, что существуют такие люди, как этот мужчина, что стоит передо мной. Благотворительность ему, и правда, не безразлична. Большинство людей, которым, как и ему, не наплевать на других, прошли через трудный период в жизни, нечто тяжелое, так что они понимают ценность благотворительных организаций. Это просто мое предположение, но я думаю, что у Фариды были трудные времена, как и у Твитча.

— Спасибо, — отвечаю я. — Большое спасибо. Вы не представляете, что это значит для нас. Для некоторых — это теплые постели для сна, или отопление на зиму, или даже хорошая пища. Мы сможем потратить некоторую сумму на образование. Мы сможем выделить эти деньги на обучение. Мы сможем сделать что-то значимое с этими деньгами. Спасибо, Фарид. Я очень рада нашему знакомству.

Я приятно удивлена, когда он накрывает своей свободной рукой наше рукопожатие.

— Я надеюсь, вы будете называть меня Хэппи, — отвечает он. — Пожалуйста, зовите меня Хэппи.

Я понятия не имею, что такого сделала, чтобы этот невозмутимый мужчина оттаял так быстро, но меня это очень радует. Глупо улыбаясь, я киваю и повторяю:

— Хэппи.

Отпуская мою руку, он лезет в задний карман, вытаскивает визитку и вручает ее мне. На ней не указано имени, просто номер телефона. Хэппи наклоняется ко мне ближе и шепчет:

— Если когда-нибудь попадете в беду, как на прошлой неделе, и Твитча не будет поблизости, позвоните по этому номеру и кто-нибудь обязательно приедет.

Волосы у меня на затылке шевелятся.

Я внезапно теряю дар речи. Хэппи — тот человек, которому звонил Твитч тем ужасным вечером, чтобы решить мою проблему. Я чувствую, что бледнею и Хэппи это замечает. Осторожно сжимая меня за руку, он вкрадчиво говорит мне: — Мы не такие уж плохие. Твитч, он... ну... сложный, — мне так и хочется закричать "Ты попал в самую точку", когда он добавляет: — Он не плохой. Он просто.... — темные глаза Хэппи встречаются с моими, и он с искренностью в голосе продолжает: — Он просто такой от природы.

И потом он уходит.

Подавшись назад, чтобы присесть на край стола, я пробегаюсь рукой по волосам и думаю обо всем, что только что произошло.

Вау. Что за чертовски сумасшедшее утро.

Какого черта приходил Твитч? И куда более важно, почему я подчинилась ему так быстро?

Все просто. Ты жаждала ощутить его грязный рот на себе. А точнее, ты хотела, чтобы его непристойный рот делал все эти неприличные вещи с твоим телом.

Хоть я и не буду отрицать абсолютно неправильные наблюдения моего мозга, я все же не могу полностью согласиться с ним. Не сейчас и вообще никогда. Потому что Твитч — странный тип, который наблюдает за мной. И испытывать сильные чувства к мужчине, который вытворяет подобные вещи... ну... что бы это говорило обо мне?

Возможность некоторое время спокойно поразмыслить не дает мне никаких положительных плодов. Даже наоборот, это заставляет меня все больше и больше приходить в ярость от того, что произошло здесь менее часа назад.

Да кем он себя возомнил? Гребаным богом? Ну и что, что он выглядит, как полубог? Он мне не хозяин.

Я решила, что выскажу ему в лицо все, что о нем думаю. И это то, что я однозначно сделаю.

Я сижу в своей машине, припаркованной на парковке «Фалькон Пластик», и смотрю вперед в пустоту, нервничая и качая ногой.

Мне не следовало сюда приезжать.

Нормальный человек разозлился бы, съел упаковку мороженого, вернувшись домой с работы, а потом пошел бы спать, размышляя о всех тех остроумных репликах, которые мог бы, и должен был бы сказать во время перепалки.

Первый пункт и третий уже имели место быть, и я уверена, что пункт номер два тоже уже не за горами, но в чем я не уверена, так это в том, что нормальный человек пошел бы на работу к потенциально опасному мужчине, чтобы расставить все точки над «i».

А я? Думаю, я просто особенная.

Жуя жевательную резинку почти с такой же скоростью, с какой качала ногой, я чуть не пачкаю свое белье от испуга, когда слышится громкий стук в окно моей машины.

Положив руку на грудь, я поворачиваюсь с округленными от испуга глазами, и вижу знакомые черные глаза, которые уставились на меня. И эти глаза... они смеются.

Слегка приоткрыв дверь моей машины, Хэппи весело произносит:

— Босс интересуется, когда же ты выйдешь из машины и притащишь свою задницу в здание офиса.

Мои щеки розовеют.

— Может быть, я здесь не для того, чтобы увидеться с ним, — отвечаю я.

— Ты сидишь в своей машине в промышленной зоне, — на его лице появляется ухмылка, — и выглядишь, как дерганая наркоманка, ожидающая следующей дозы вот уже около получаса. Таким образом, либо ты приехала сюда за наркотой, либо....

Он оставляет предложение незаконченным, и я начинаю ненавидеть его в этот момент. Совсем чуть-чуть. Чувствуя себя сконфуженной, из-за того, что все это время за мной наблюдали, я закатываю глаза:

— Ну, хорошо, может быть, я раздумывала, будет ли считаться мое нахождение здесь непрофессиональным поведением.

Лицо Хэппи становится серьезным, и он заявляет:

— Это непрофессионально.

Не уверена, серьезно ли это он или просто является мастером сарказма. Я с трудом сглатываю и открываю рот, чтобы оправдать свои действия, как вдруг он с улыбкой добавляет:

— Но это все по вине Твитча.

Узел в моем желудке немного ослабевает из-за его несерьезного поведения. Полностью распахнув дверь моей машины, чтобы выйти, я беру свою сумочку и, не веря своим глазам, вижу, как Хэппи наклоняется в салон моей машины, вытаскивает ключи из зажигания, закрывает дверь и блокирует ее.

Улыбаясь, он предлагает мне локоть. Я перевожу взгляд с него на машину и обратно в течение целой минуты, затем принимаю его руку, взяв его под локоть. Хэппи ведет меня через парковку, сопровождая в офис. Я украдкой осматриваюсь вокруг. Тут так же, как и в любом другом офисе. Нейтральные серые стены, как и почти все в офисе. Кабинки, столы, устройства, даже все сотрудники, кажется, одеты в нейтральной цветовой гамме. Что я

замечаю в первую очередь — это сотрудников.

Они выглядят довольными.

Улыбки, разговоры и смех звучат вокруг нас, в то время, как Хэппи провожает меня к лифту. Поднявшись на второй этаж, мы выходим, и следуем вдоль по длинному коридору. Когда мы подходим к его кабинету, я уже знаю, что именно этот кабинет — его.

Дверь передо мной была создана для того, чтобы вселять страх. И в данный момент она отлично выполняет свою работу. Широкие, из красного дерева, двойные двери, резные в готическом стиле, вызывают холодок, пробегающий по моему позвоночнику. На каждой двери мастерски вырезана плакучая ива, качающаяся на ветру. Тонкие, покрытые листьями ветки, свисают во все стороны. Обе ивы на вид одинаковые, но все же, абсолютно разной формы и направлением ветра, отображающегося в этих формах. Они выглядят, как настоящие. Человек, который сделал эти двери, несомненно, талантлив. И я не сомневаюсь, что Твитч заплатил за них огромную сумму.

Внезапно, мне приходит на ум, что то, что я делаю — это большая ошибка. Я поворачиваюсь к Хэппи, его глаза встречаются с моими, и он хмурится.

— Я передумала, — громким шепотом говорю я. — Я хотела бы уйти.

Скрестив руки на груди, он стоит, внимательно наблюдая за мной целых секунд десять, прежде чем поднять руку и постучать костяшками пальцев в дверь.

Что? Я не могу поверить, что он сделал это!

С широко раскрытыми глазами, я сердито смотрю на него взглядом "ты потерял свой гребаный рассудок?". Его ленивый взгляд говорит мне "я не понимаю, о чем ты".

Крепко зажмурившись, я молю Бога, в которого не верю, чтобы Он дал мне силы, как вдруг слышу, как самый сексуальный голос, который я когда-либо слышала за всю мою жизнь, кричит:

— Входите.

Мои соски напрягаются так сильно, что мне почти больно. Этот голос крепко врезался мне в память. Есть несколько вещей в жизни, которые стоит запомнить. И этот голос один из них.

Приняв бесстрастное выражение лица, я вздергиваю подбородок, и выгляжу, как будто только что вдохнула что-то противное. Хэппи хихикает рядом со мной, и я хочу пнуть его по голени. Он открывает дверь и пропускает меня вперед. Мое "бесстрастное" лицо немного меняется, когда я вижу миниатюрную, очень красивую азиатку, которая сидит на краю большого стола.

Хорошо, ну так, стол из красного дерева, большой, называть его продолжением-его-пениса грубо. А также неправильно. Я видела орудие, которым он располагает. Парень ни в каком виде не нуждается в дополнении.

«Мисс Азия» посмотрела на Хэппи, и на меня, не потрудившись скрыть свой сердитый взгляд, который, между прочим, предназначался мне. Это меня взбесило. Взмахнув прямыми, длиной до плеч, черными волосами, она подвигается, чтобы встать позади Твитча, и кладет свою руку на его плечо.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Заявляя, так сказать, свои права на него.

Твою ж мать! У мудака есть подружка. Отлично! Просто супер. Что и демонстрирует мне эта женщина. Другая женщина.

Хэппи осторожно убирает мою руку со своего локтя, и похлопывает по ней, прежде чем

отпустить ее. Твитч, который даже не поднимает голову от документов, произносит, растягивает слова:

— Ты преследуешь меня?

И мой текущий статус «взбешена» поднимается до «почти закипаю от злости».

Слова выскальзывают из моего рта, как будто намазаны маслом:

— Ты преследуешь меня. Я думала, это твой бзик.

Сердитый взгляд «Мисс Азии» превращается в смертельный, и я борюсь с желанием показать ей средний палец, когда ее губы кривятся.

Уголками губ Твитч почти улыбается; он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня через прикрытые глаза, о которых я не могу прекратить вспоминать, подносит кончик ручки ко рту и начинает мягко жевать его.

Я очень хочу, чтобы ручка была моими губами.

Его пристального взгляда достаточно, чтобы заставить меня извиваться, но я борюсь с этим из своих последних сил, которые остались в моем теле. Потом он вдруг заявляет:

— Все выметайтесь.

Дерьмо. Это была плохая идея. Это на самом деле происходит. Мы собираемся все выяснить.

Хэппи не тратит времени. Он поворачивается и уходит. “Мисс Азия”, однако, решает, что сейчас подходящее время, чтобы сердито смотреть на меня. Ее карие миндалевидные глаза выстреливают в мои. Мой взгляд не уступает. Некоторое время я была уличным ребенком. Я знаю эту тактику запугивания. Это не пугает меня, если исходит от другой женщины. Вот от Твитча....

Мои мысли прерываются, когда Твитч медленно встает и поворачивается к своей девушке. Не выглядя впечатленным, он рычит:

— Линг.

Ее взгляд удерживает мой еще секунду, прежде чем она переводит его на Твитча. Ее, идеальные губы, накрашенные красным, соответствуют ее идеальному... всему.

Мне не нравится эта женщина, очень сильно.

Твитч предупреждающе смотрит вниз на нее, и ее сердитый взгляд становится нерешительным.

— Ты слышишь меня, сука, или нам нужно проверить твои уши?

И тогда мне становится ее жалко. Так нельзя говорить со своей девушкой. Так нельзя говорить с любыми девушками.

Я сосредотачиваю взгляд на Твитче, когда Линг проходит мимо меня слишком близко. Ее плечо задевает мое, и хоть это и не больно, очень меня злит. О, и какую жалость я испытывала к ней? Забудьте.

Ага. Иди отсюда Гламурная шлюшка МакГиЗ.

Дверь хлопает сильнее, чем нужно, и Твитч обходит свой стол, садясь перед ним.

— Что ты здесь делаешь?

Меняя тему, я говорю:

— Я не думаю, что понравилась твоей подруге.

Показываю самое скучающее лицо, которое могу сделать, и невозмутимо добавляю:

— Я огорчена.

Качая головой, он бормочет:

— Да, я вижу это.

Умение избегать вопросов. Уровень: эксперт.

Дальше следует неловкое молчание. Долгое неловкое молчание. Твитч наблюдает за мной из-под длинных ресниц, его лицо не выражает эмоций.

Парень засовывал свой член в меня. Он оборачивал свой ремень вокруг моей шеи. Я позволяла ему поместить свой большой палец в мою девственную попу. Он довел меня до оргазма. Больше одного раза. И я многого не знаю о нем. Все, что я думала, что будто бы знаю о нем, было ошибочным или абсолютно неправильным.

Глубоко вздохнув, он резко спрашивает:

— Ты приехала, чтобы паялиться на меня, или выложишь, что тебе надо?

Я морщусь от его глупого и грубого поведения. Его глаза становятся жестокими, и он рявкает:

— Говори.

И тут, я ляпаю:

— Мне не нравится то, что ты со мной делаешь.

Скрестив ноги перед собой, он говорит совершенно безразлично:

— Нет. Тебе не нравится, что ты позволяешь мне делать это с тобой.

Я обдумываю это. И когда понимаю, что он, однозначно прав, тихо спрашиваю:

— Почему ты не скажешь мне свое имя?

Его ответ — скучающий взгляд в мою сторону. Потянувшись к своему карману, он достает пакетик шоколадных драже, высыпает горстку себе на ладонь, и запихивает это в рот. Медленно жует, а я наблюдаю, как работает его горло, когда он постепенно сглатывает растаявшую липкую сладость, и сжимаю бедра вместе, стараясь отрицать тот факт, что этот мужчина имеет власть надо мной.

Найдя мужество где-то глубоко в себе, я делаю шаг вперед, и говорю с поддельной бравадой:

— Я не знаю, кто ты, но я собираюсь выяснить это... Твитч.

Его бесподобное лицо искажается от ярости, а глаза вспыхивают. Он резко встает и обходит свой стол, чтобы сесть в трон, который он называет стулом. Выпуская пар, он берет документ, и бегло его просматривает:

— Даже не собирайся раскапывать, Алекса. Ты ограничишься тем, что найдешь несколько костей.

Я не знаю, что на это сказать, но мой желудок сжимается. Все еще читая, он добавляет:

— Если продолжишь это, тогда ты пострадаешь

Моя спина напрягается:

— Это угроза?

Он поднимает голову, и его нежные карие глаза ожесточаются:

— Это, бл*дь, обещание.

Мое сердце колотится в груди. Мне нужно убираться отсюда. Это была очень плохая идея.

С трудом сглатывая, я тяжело дышу, и делая шаг назад, отступаю, все еще сохраняя немного гордости. Я уже на полпути к двери, когда он спрашивает:

— У тебя есть планы на эти выходные?

Остановившись, я качаю головой. Открывая ящик стола, он берет золотистый конверт, достает карточку из него, и что-то подписывает. Протягивает руку, чтобы я взяла карточку и, я сомневаюсь лишь секунду, прежде, чем любопытство побеждает. Подхожу к его столу, беру

карточку, и читаю про себя:

«Благотворительный прием. В субботу вечером. Костюмированный бал-маскарад».

Я знаю двух людей, которым понравится такое. Чувствуя себя неловко, я тихо спрашиваю:

— Можно я приведу с собой кое-кого?

Губы Твитча кривятся:

— Только не любовника

Хмम्म. Интересно. Мы подумаем об этом попозже.

Качая головой, я говорю:

— Нет, мои два лучших друга... — но я замолкаю, когда он наклоняется над столом, хватая мое приглашение, и дописывает что-то еще. Переворачивая карточку, он пишет что-то с другой стороны, и возвращает мне.

Опустив голову в свои документы, он как бы выпроваживает меня:

— До субботы, Алекса.

Слишком ошеломленная, чтобы сказать ему даже "пока", я выхожу из его офиса, закрываю за собой дверь, и смотрю вниз на приглашение в моих руках.

Алекса Баллентайн и гости.

Маленькая улыбочка украшает мои губы. Мне нужно сделать несколько телефонных звонков.

Входная дверь моей квартиры распахивается, и на пороге появляется Никки, осунувшаяся и изнуренная. Улыбаясь, я открываю рот, чтобы сказать ей «привет», но она перебивает меня взмахом руки:

— Нет! Ты сказала, что расскажешь мне. Сейчас мы обе не заняты, и ты можешь рассказать мне. Что, черт возьми, произошло с тобой в эти дни? Больше ты не уйдешь от ответа!

Почему люди всегда перебивают меня?

Вздыхая, я встаю со своего места на диване:

— Кофе?

Со стоном садясь на мое только-что-покинутое место, она устало отвечает:

— Само собой.

Хихикая, я иду, чтобы приготовить кофе, и думаю о том, как много я должна рассказать ей.

У Никки и меня не бывает секретов, но в этом случае, мне, возможно, надо сделать исключение. У меня внутри все сжимается в мрачном предчувствии.

Ставя кофе на столик, я сажусь в кресло подальше от нее, и таким образом у меня появляется немного пространства, пока я буду рассказывать о том, что произошло.

— Ну, помнишь, некоторое время назад я говорила тебе, что думаю, что кто-то наблюдает за мной?

Внезапно в ее глазах появляется беспокойство. Она кивает, и я осторожно продолжаю:

— Ну, оказывается...

Пауза.

— За мной кто-то...

Пауза.

— Наблюдает.

Она открывает рот от удивления, глаза расширяются, она даже не моргает. Шок — вот подходящее слово. Определенно, она в шоке. Не уверенная, что теперь делать, я кричу:

— Сюрприз!

Опуская свои расширившиеся глаза, она качает головой, как будто пытается отряхнуть ее:

— Он обидел тебя?

Смотря, что понимать под «обидел».

Попивая мой кофе, я внезапно чувствую потребность защитить Твитча. В конце концов, он спас меня:

— Нет, если бы его там не было, когда на меня напали...

— Никки вздыхает, и накрывает рот ладонью.

— Меня бы изнасиловали. Возможно, даже убили, — смотря Никки прямо в глаза, я честно говорю ей: — Я не знаю, что бы делала, если бы его там не было, Ник. Он спас меня.

Она говорит:

— О, мой Бог.

Облокотившись на спинку кресла, я соглашаюсь:

— Да, немного странно, — все еще в шоке, она повторяет: — О, мой Бог.

Кивая, я говорю ей:

— Могло быть намного хуже.

И я знаю, этот момент, когда я сказала ей, поражает ее, потому что, подпрыгнув, она накрывает рот обеими ладонями и кричит:

— О мой гребаный Бог.

Она прыгает на меня, а я неловко обнимаю ее одной рукой, в то же время, держа свой кофе в другой. Сильно сжав меня, она говорит:

— На тебя напали, и странный парень-сталкер спас тебя! И тебе причинили боль. Тебе причинили боль, Лекс! О, Боже мой. Я не могу поверить в это. Такие вещи не происходили с людьми, которых я знаю, проклятье!

Милая, милая Никки. Глядя ее спине, я спокойно говорю:

— Я в порядке. Как я и сказала, могло же быть и хуже?

Кивая в мое плечо, он бормочет:

— Тебе так повезло, что он наблюдает за тобой.

Я знаю это.

Отстранившись, она сердито спрашивает:

— У тебя есть сталкер? Лекси, лучшие друзья рассказывают друг другу о таком! Если бы этот парень сделал что-то с тобой, как ты думаешь, я бы чувствовала себя о того, что ты держала это в секрете? Как давно ты знала, что какой-то парень преследует тебя, Лекс? Это действительно глупо, умалчивать об этом. Он мог быть тем, кто напал бы на тебя! Он мог бы убить тебя!

Чувствуя себя ребенком, которого отчитывают, я тихо говорю ей:

— Но он не сделал ничего такого. Он спас меня, Никки.

Ее гнев не утих, так что я объясняю:

— Он никогда не приближался ко мне. Никогда. Он всегда... просто был там. Я думала, что он был достаточно безопасен, но ты права. Абсолютно права. Потому что, когда он появился там, и я увидела, что он сделал мужчине, который напал на меня. Долю секунды я

думала, что он просто закончит его дело, — я уверенно говорю, смотря ей в глаза: — Но он не сделал этого. Он помог мне встать, и позаботился обо мне. Он немного странный, но я... — опуская взгляд на свои руки, я мягко добавляю: — Я чувствую себя в безопасности рядом с ним.

Глубоко вдохнув, она продолжительно выдыхает, прежде чем кивнуть на мой кофе:

— Я думаю, что мне нужно что-то покрепче вот этого.

Нацепив на своё лицо «пожалуйста, не сердись на меня» выражение, я предлагаю:

— «Какао а-ля Лекси»?

Она прищуривает глаза, и я знаю, что она хочет еще немного посердиться на меня, но ее гнев испаряется, когда она кривится:

— Да. Сделай двойное.

Улыбаясь до боли в щеках, я иду на кухню, чтобы по-быстренькому сделать партию какао покрепче. Вернувшись с двумя полными кружками, я подаю ей одну, и, когда она делает первый глоток, ее глаза закрываются в блаженстве, и я добавляю:

— Между прочим, нас пригласили на бал-маскарад в эти выходные. Благотворительный бал. И я знаю, что по твоему мнению, балы-маскарады — отстой, но думаю, может быть, если бы мы вытащили туда Дэйва, он бы перестал себя жалеть.

Дэйв и Фил все еще не помирились. И не то, чтобы Дэйв не пытался. Я сегодня немного говорила с Филом, и он объяснил мне, что ему просто нужно некоторое время, чтобы подумать о том, что он хочет в этой жизни, и является ли Дэйв кем-то, кого он мог бы сделать ее частью.

Нехороший знак.

Дэйв сильно его обидел. И он расплачивается за это.

Ты можешь отталкивать кого-то до тех пор, пока этот толчок не отправит его в противоположном направлении. У всех есть свои пределы.

Дэйву, возможно, стоит пересмотреть свои повадки примадонны.

Никки, кажется, приободрилась от слова "приглашение":

— Откуда это приглашение? Крошка, уже немного поздновато. Сложно найти костюмы так быстро.

Пропуская первый вопрос, я пытаюсь решить дилемму с костюмами:

— Там на карточке есть адрес. Магазин костюмов в городе уже забронирован, чтобы товары из него использовали для маскарада. Все, что нам нужно сделать — это прийти, и выбрать наряд.

Никки сразу же заметила, что я опустила первый вопрос.

— Кто нас пригласил?

У меня плохо получается прятать свои эмоции. Поэтому мои глаза расширяются, и я начинаю заикаться:

— Я-я не уверена, на с-самом деле, я думаю, к-кто...

— Не юли, просто скажи мне!

— Твитч — выпаливаю я.

— Будь здорова.

Расхохотавшись, я повторяю:

— Твитч. Так его зовут, Твитч. Парня, который наблюдает за мной. Парня, который спас меня.

Отстранившись подальше от меня, ее лицо выражает недоумение. Я улыбаюсь и киваю.

Она недоверчиво спрашивает:

— Парня-сталкера зовут Твитч?

— Да.

Спустя секунду она бормочет:

— Чертов хиппи.

Новый приступ смеха одолевает меня:

— Это не настоящее имя, крошка, это просто то, как он называет себя сам, и все, кого я видела, так же его называют. Он не хочет, чтобы люди знали его настоящее имя, и прямо сейчас меня это устраивает. Он совладелец бизнеса, большого бизнеса, так что, я думаю, это не сложно разузнать, но, — я хмурюсь и слегка кривлюсь, — это почему-то важно для него. Поэтому, если он не хочет, чтобы люди это знали, я не собираюсь доискиваться до этого. Он сам мне скажет.

Я смотрю на Никки, ее взгляд заставляет меня чувствовать себя, как на допросе, и я знаю, что провалюсь. Внезапно, она смешно таращит глаза, придвигается ближе и шипит:

— Ты трахнулась с ним!

Когда я удивленно вскидываю брови почти до линии роста волос, она открывает рот от удивления:

— Ты шлюшка! У тебя выражение лица грязной шлюшки! Когда это произошло? И что более важно, было ли это хорошим?

Я откидываюсь назад на мягкую подушку:

— Как-то ночью. Я не знаю, было ли это восстановлением моей половой жизни, или желанием не позволить напавшему так глупо повлиять на меня, или это просто... — вздыхаю, — ...просто Твитч. Я не могу рассказать тебе о нем. Это нужно испытать. Ему нравится контроль, и он не боится говорить об этом людям. Он может в одну секунду быть чертовски заносчивым и сердитым, затем в следующую он хочет, чтобы ты подчинилась ему. Он настойчивый. Это слегка пугает. И я хочу узнать его лучше. Так что я буду выжидать, и делать все, чтобы заставить его открыться мне, — хмурясь, я смотрю в ее глаза, и спокойно говорю: — Что-то произошло с ним, Ник. Я чувствую это.

В ее глазах появляется печаль:

— О, дорогая. Я рада, что ты в безопасности, но можешь ли ты, на самом деле, доверять ему? Ты едва знаешь его, и только что-то сказала, что он слегка пугает тебя.

Когда я пытаюсь заговорить, она тут же перебивает меня:

— Я доверяю тебе. Ты никогда не принимала плохих решений в жизни. Я знаю это. Мы вместе прошли через многое. И, возможно, ты права. Возможно, он в ком-то нуждается. Но я не хочу, чтобы ты делала из него проект. Ты должна перестать беспокоиться обо всех вокруг, и начать защищать себя.

Смотря ей глаза-в-глаза, я слегка улыбаюсь и шепчу:

— Он обалденный в постели.

Ее тело сотрясается в безмолвном смехе:

— О, я должна услышать это. Рассказывай.

В моем животе порхают бабочки.

И вдруг я с нетерпением жду субботу.

Я не знаю, могу ли больше не делать этого.

Желание прикоснуться к ней непреодолимо.

Никогда не был способен отказать. Я позволяю кончикам пальцев скользить по шелковистой коже ее плеча.

Я просыпаюсь от ощущения грубой руки на моем плече, паника охватывает меня лишь на секунду, прежде чем я чувствую его запах. Мое напряженное тело расслабляется почти сразу. В моей комнате темно, и это позволяет мне притворяться спящей подольше, наслаждаясь нежной сладостью его прикосновений, припасенных для тайного мгновения. Такие мгновения быстротечны. Я знаю, что он никогда не прикоснулся бы ко мне вот так, если бы знал, что я не сплю.

Из CD-плеера на моем комоде все еще тихо звучит музыка, я никогда не могла уснуть без телевизора или музыки. Эта то, что осталось, когда я покинула дом. Когда я была маленькой, мне нужно было что-то, чтобы заглушить постоянные крики и ссоры. Музыка помогала. И это стало привычкой.

Когда прикосновения его пальцев к моей руке пропадают, я испытываю желание закричать. Я хочу их обратно. Я хочу его.

Отчаянно.

Звуки снимаемой одежды заставляют бабочек в моем животе трепетать, и я борюсь с желанием захлопать в ладоши.

— Твитч? — спрашиваю я сонно.

Долгое молчание, а затем его хриплый голос:

— Да.

Сжимаю ткань моего топа между большим и указательным пальцами, он тянет и говорит:

— Сними.

Тянусь, я снимаю топ, в то время, как он срывает мои пижамные штаны и трусики одним быстрым движением. Потом я, обнаженная, ложусь на середину кровати, не способная смотреть ни на что, кроме мощного мужского тела. И это тело приближается ко мне, и накрывает меня.

Прижавшись своей грудью к моей, он лежит, растянувшись на меня, кожа к коже. Его теплое, крепкое тело накрывает мое. Он вжимает меня в матрас, перенося свой вес на меня. Подавляя меня. Это не то, чтобы неудобно, просто это ограничивает меня. Дотягиваясь, его пальцы переплетаются с моими, и он медленно опускает назад мои руки у меня над головой. Я знаю, что он хочет. Сегодня ночью я не буду бороться. Я подчинюсь. Настолько, насколько это возможно для меня.

Смотря вниз на мое тело, он занимается тем, что поглощает меня взглядом. Он смотрит на меня как будто я драгоценна. Его медленный, продолжительный выдох пускает по моему телу мурашки, и я краснею. Его колено протискивается между моих ног, разделяя их. Я понимаю намек. Раздвинув мои ноги для него, он устраивается на мне, и приближает лицо к моему. Так близко, что его губы касаются уголка моих, он говорит:

— Обхвати меня ногами.

Его дыхание согревает мои губы. Я киваю. Мои ноги поднимаются по его бедрам, и крепко обхватывают. Сегодня он не сбежит от меня так легко.

Высвобождая одну руку, он берет свой член и проводит им вверх-вниз по моему

влажному входу. Каждый раз, когда его пирсинг прикасается к моему клитору, я закатываю глаза, и подавляю желание громко застонать. Я удивлена, когда он рычит:

— Уже мокрая. Я знал, что так и будет.

Я готова для него, когда он толкает в меня головку своего члена. Готова или нет, я мяукаю, как больная кошка. Наполненность, удовольствие, зашкаливающий жар... это идеально. Как я смогу когда-либо захотеть что-то большее? Я чувствую себя цельной.

И затем я шире раскрываю глаза от его слов, которые вновь начинают назойливо звучать в моих ушах.

— Ты не захочешь никого, кроме меня.

Как только мой мозг начинает паниковать, Твитч проскальзывает в меня до конца. Я открываю рот в безмолвном стоне, а мои глаза закрываются. Вновь переплетая наши пальцы, он крепко удерживает мои руки над головой, раскачиваясь во мне медленно и глубоко.

— Скучала по мне?

Я чувствую улыбку в его голосе, и не сдержавшись, улыбаюсь в ответ:

— Ты — засранец.

Его голос меняется, и теперь выражает согласие:

— Я знаю.

Он толкается глубже, и мои мышцы его крепко сжимают. Как будто мое тело боится, что будет, как в прошлый раз, и не хочет, чтобы он ушел. Я не знаю, что овладевает мной, но в середине стона вылетают слова:

— Поцелуй меня.

Толчок. Толчок. Толчок.

— Нет.

Ну и ладно. Попытаться стоило. Я думаю.

Спасибо, Боже, в комнате так темно, что мой смущенный румянец остается незамеченным.

Когда он прекращает толчки, и пытается убрать с него мои ноги, я крепче сжимаю их вокруг его талии. Убирая руки, он говорит предупреждающе низко:

— Лекси.

Надув губы, я позволяю ему сдвинуть мои ноги. Схватив меня за бедра, он опускает меня ниже на кровать, поднимая мои ноги себе на плечи, и вновь входит в меня одним резким толчком. Я издаю хныкающий звук. Как только Твитч слышит это, что-то в нем ломается. Он хрипит, и врывается в меня. Под таким углом он ощущается очень глубоко. Настолько глубоко, что почти больно.

И я люблю каждую секунду этого.

Он продолжает доводить мое тело до безумства. Моя голова мечется из стороны в сторону, я издаю громкий стон и хватаю простынь. Первое сокращение мышцы предупреждает нас обоих, что скоро мой оргазм.

И он выходит из меня. Вновь.

Раздраженная и неудовлетворенная, я расстроено рычу. Я не могу остановить себя от вопроса между тяжелыми вздохами:

— Итак, значит мне не позволено сегодня кончить?

Тяжело дыша, и даже не пытаясь ответить мне, он поворачивает меня на бок, и устраивается сзади. Обхватывая меня за талию, он притягивает меня к себе и прикусывает мое ухо:

— Ты хочешь кончить, малышка?

Кончики его пальцев спускаются к моему чувствительному узелку и медленно двигаются по кругу.

Мои соски напрягаются.

— Да. Пожалуйста.

Посасывая местечко у меня между шеей и плечом, он двигает пальцами быстрее, и белые искры вспыхивают перед моими глазами.

— Я хочу, чтобы ты умоляла, Лекси.

Я близко к финишной черте, так что умолять его прямо в это секунду для меня нормально:

— Ох, черт, Твитч! Пожалуйста, пожалуйста, позволь мне кончить. Мне это нужно. Засунь в меня свой член. Сейчас же! Пожалуйста!

Расположив колено между моими ногами, он раздвигает их, и возвращается в меня. Долгий стон вырывается из меня, когда мои мышцы начинают сокращаться. Он шепчет:

— О, малышка, то ли еще будет.

Покалывания в позвоночнике превращаются в настоящий фейерверк, когда он щелкает по моему клитору. Сильно.

Выкрикивая:

— О, мой гребанный Бог.

Мое тело дергается, когда я неистово кончаю. Его рука вокруг моей талии напрягается, короткими толчками натягивая меня глубже на его член. Всхлипы вырываются из меня, и я задыхаюсь от оргазма. Твитч поднимает свободную руку, чтобы помассировать мне грудь, и знакомое покалывание появляется в спине, когда я пульсирую вокруг него. Он, задыхаясь, произносит:

— Бл*дь да. Я знал это. Я, черт побери, знал это.

Мои глаза собираются в кучу, и я хныкаю, когда его большой и указательный пальцы, работая вместе, крутят мой сосок. Второй рукой он слегка хлопает по моему клитору, и это происходит.

Никогда в моей жизни у меня не было многократных оргазмов. Никогда.
Никогда.

Но теперь я живое доказательство того, что они не миф.

Я хныкаю, когда покалывание распространяется по моему телу, и моя киска слегка пульсирует. Мое хныканье превращается в стон, когда он сильнее и глубже толкается в меня. Когда он наклоняется и кусает меня за плечо, я откидываю голову назад и громко кричу. Мое тело становится неподвижным, и я начинаю пульсировать. Твитч кусает сильнее, смесь удовольствия и боли что-то разрушает во мне.

Если бы небеса были местом, то этим местом было бы крошечное местечко от прикосновений пирсинга Твитча, когда я кончаю на нем. Слезы стекают по моим щекам в абсолютном счастье.

На мгновение он затихает, затем стонет у моего плеча. Его член дергается внутри меня, и тепло, которое я чувствую, говорит мне о том, что он и на этот раз не надел презерватив. Если бы это был кто-либо другой, это было бы чем-то важным.

Но это не кто-то другой.

Рука Твитча на моей талии крепко удерживает меня. Прекращая кусать моё плечо, он касается этого места лбом. Задыхаясь оба, мы лежим так несколько минут. Он

выскальзывает из меня быстрее, чем мне хотелось бы, затем из моей кровати, быстро одевается, и уходит, даже не оглянувшись. Или я так думаю.

У моей двери он поворачивается и говорит в темноту:

— Я позвоню.

Сквозь меня проносится внезапная мысль, скручивая все внутри, и не думая, я говорю:

— Ты чист, ведь так?

На мгновение он замирает, прежде чем абсолютно серьезно ответить:

— Конечно.

Мой разум и тело абсолютно расслабляется. Закрывая глаза, я слушаю, как его шаги все удаляются, и удаляются от меня, а в голове только одна мысль:

«Пожалуйста, не делай мне больно».

Повернувшись в кресле к окну, я кладу ногу на ногу, и размышляю, почему, бл*дь, я не могу сегодня сконцентрироваться.

Закрываю глаза, прислоняю ручку к виску, и пытаюсь уничтожить все мысли о женщине, киска которой, на вкус такая приятная, что я хочу, чтобы она была доступна для меня в любое время. О женщине, с которой у меня уже есть результат. О женщине, которая как-то пробралась в мои гребанные мозги.

Это должно было стать развлечением. И это так и началось. Но теперь это не кажется таким уж забавным.

Юлий будет чертовски сильно смеяться, когда узнает, что я стал сталкером, чтобы почувствовать что-то большее, чем просто физические ощущения с этим воробушком.

Юлий мой лучший друг. И человек, для которого я сделаю все, что угодно. Он один из тех редких людей, к которым я прислушиваюсь. Он защитил меня в колонии для малолетних преступников, и это одна из тех вещей, которые я всегда буду помнить.

Он спас меня.

Дверь, открываясь, скрипнула, и звук приближающихся ко мне каблучков, дал понять, что кому-то от меня что-то понадобилось.

Как всегда.

Когда она появляется в поле зрения, я поворачиваю голову, и вижу Линг, которая улыбается мне:

— Есть минутка?

Кивнув, я вижу, как ее улыбка становится хищной. И мой мозг вздыхает.

Не сегодня.

У меня с Линг есть давнее соглашение. Ничего такого. Просто секс. Но я не прикасался к ней с того дня, как моя девочка надрала ей задницу. Сложно пытаться сохранить ясный ум, когда в этом замешан секс.

Линг близко приближается ко мне, ее маленькая ручка с длинными красными ногтями скользит вверх по моему колену, и дальше по моему бедру. Она не тратит времени впустую, и сразу начинает гладить мою промежность. Я мысленно рычу. Она знает, что происходит, когда она позволяет себе вольности рядом со мной, значит, сейчас в игривом настроении, и хочет, чтобы я отреагировал.

Когда я не реагирую, и позволяю ей гладить себя, ее красные губы надуваются. Она хочет ссору. Она не упустит такую возможность. Ее миндалевидные глаза хмурятся, и она

сильнее прижимается ко мне. Ярость отражается на ее лице:

— Что, черт побери, происходит с тобой, Твитч? Ты уже давно не прикасался ко мне.

Я не отвечаю. Она продолжает гладить мой пассивный член, надеясь, что он подаст признаки жизни, но маленький Твитч не хочет того, что ему сейчас предлагают. Вкусы маленького Твитча изменились. Пытаясь заставить меня отреагировать, она сильно сжимает мой член, и впивается в него ногтями. Я наклоняюсь, злобно улыбаясь. Ее глаза вспыхивают в предвкушении. Это продолжается слишком долго.

Кладу ладонь на ее лицо, и отталкиваю ее, сильно. Она падает на задницу.

— Этого ты хочешь, Линг? Ты хочешь жестко? Отвали. Я не в том настроении.

Тяжело дыша, и по-прежнему сидя на полу, ее лицо вспыхивает. Я подхожу к ней, и предлагаю руку, но она отталкивает ее.

В этой маленькой женщине слишком много гордости. Она никогда ничему не научится.

Встав, она разглаживает платье, и спрашивает абсолютно спокойно:

— Ты кого-то трахаешь?

Без колебаний:

— Да.

— Ты хочешь продолжить это делать с ней?

Линг хорошо меня знает. Она наблюдательная. Я рассеяно чешу подбородок:

— Да, хочу.

Ее лицо выражает ошеломленное неверие. Очевидно, не такого ответа она ожидала. Затем на ее губах появляется полуулыбка. Она вычислила:

— Это она, не так ли?

Мое лицо не выражает никаких эмоций:

— Кто?

Линг ухмыляется:

— Она. Девушка, которая приходила в офис. Лекси.

Ее глаза темнеют:

— Ну ты понял. Та, за которой ты наблюдаешь.

Мне не нравится ее тон. Гнев разрастается во мне.

Быстро пересекая комнату, я хватаю ее за шею, и придвигаю к стене, пока она не ударяется об нее с глухим стуком. Сжимая достаточно сильно, чтобы припугнуть, но недостаточно, чтобы причинить боль. Я, угрожая, никогда в жизни не был настолько серьезен:

— Линг, клянусь, если ты мне испортишь это...

Ее глаза наполняются похотью, она прикусывает губу. Наклоняясь ближе, я шепчу:

— Я, черт возьми, убью тебя.

На мгновение, я сжимаю ее шею сильнее, прежде чем отступаю. Но Линг не понимает намека. Улыбаясь, она смотрит на меня полуприкрытыми глазами, и шепчет в ответ:

— Мы по-прежнему могли бы развлекаться. Меня не волнует, что и ее ты тоже хочешь. Никто не знает меня так, как ты. Никто не знает, что мне нравится.

Я закатываю глаза. Вранье.

— Неправда. Я знаю, что ты трахаешься с Хэппи.

И еще с 10 другими парнями.

Ее щеки краснеют:

— Он не такой, как ты.

У меня вырывается невеселый смешок, и я киваю:

— Ага. У него есть сердце.

У Линг необычный вкус. Возможно, поэтому она нравилась мне. Какое-то время. Это было время, когда я думал, что мы похожи, но вскоре понял, что все то, что прежде мне в ней нравилось, теперь просто бесит меня.

Подойдя ко мне, и взяв мою руку, она направляет ее под платье к своей голой киске, и вращает по кругу, мастурбируя моими пальцами. Ее глаза закрываются. Она трется об мои пальцы, и стонет:

— Сделай это.

Обычно это возбуждает меня. Обычно.

Я знаю, чего она хочет. Я так чертовски разозлен прямо сейчас, что смог бы это сделать. Но это будет означать, что она выиграла.

Этого не будет.

Со скукой осматривая комнату, я вздыхаю:

— Ты скоро закончишь? У меня куча дел.

Ее глаза широко раскрываются, и в них светится боль. Она быстро приходит в себя и трется киской об мою открытую ладонь.

— Давай, детка. Помогите мне. Ты ведь любил делать это.

Ее заявление больше похоже на просьбу. Не желая больше терпеть эту хрень, я вытаскиваю руку из-под ее юбки, и говорю уверенно и спокойно:

— Достаточно. Ты унижаешь себя.

Ее милое личико становится каким-то уродливым и злым. Хватая маленькими ручками меня за плечи, она толкает меня.

— Пошел ты на хрен, Твитч. Ты думаешь, ты единственный парень, который может захотеть меня? Ну так ты чертовски ошибаешься! Я могу получить любого парня. Любого, которого захочу.

Я посмеиваюсь из-за того, что она противоречит сама себе, и качаю головой:

— Ага. Хорошо. Можешь вытащить свою сучью сущность за дверь? Как я и сказал, у меня куча дел.

Повернувшись к ней спиной, я слышу, как удаляясь, постукивают ее каблучки, прежде чем дверь моего офиса громко хлопает. Сажусь обратно на свой стул, и первая мысль, которая посещает мой мозг — это красивая улыбка женщины, с которой я никогда не должен был спать.

Мой член дергается.

Провожу рукой по лицу. Я долго размышляю о том, что делать, и понимаю, что никогда не позволю ей уйти.

Во второй раз обдумываю, какого черта я делаю, сидя в машине около парковки «Фалькон Пластик». Прежде, чем я пойду на попятную, хватаю свою сумочку и выхожу из машины, удостоверяясь, что помню причину, по которой я здесь. Ну, или причину, по которой я говорю себе, что я здесь.

Смотрю на наручные часы, время — 17:46, и я задаюсь вопросом, есть ли внутри еще кто-нибудь. Мысль, что я никого не застану, приносит большое облегчение.

Да, потому что ты не хочешь видеть великолепного татуированного мужчину, который трахается, как профи.

Какой смысл отрицать, что парень мне нравится? Я хочу начать все заново, и я знаю,

что единственным способом сделать это с таким как Твитч, будет сделать первый шаг.

Подойдя к двойным дверям, я тяну и встречаю сопротивление. Мой мозг кричит "Ура", подпрыгивает, и в то же время улыбается, и говорит:

— О, хорошо! Мы попробовали! В следующий раз повезет!

Останавливаюсь на минутку, и размышляю, стоит ли отступать так быстро. Но как только я поворачиваюсь, чтобы найти интерком, дверь передо мной открывается, и молодая женщина врывается в меня. Ее тело сталкивается с моим, и она пищит:

— О, черт побери! Извините. Я вас не заметила!

Ухватившись за нее, я улыбаюсь:

— Да все в порядке. Я не знала, что вы были закрыты.

Натягивая на нос свои черные очки, она поправляет платье.

— О, технически мы закрыты, но шефы все еще на месте....

Когда ее лицо поднимается к моему, она снова пищит:

— Мисс Балентайн! Мистер Т говорил на днях, чтобы вас пропускали к нему. Если я не пропущу вас сейчас, он разозлится. Я немного спешу, но, если вы дадите мне минутку, я проведу вас в его офис.

И мой день становится интереснее.

— Я так понимаю, мистер Т — это Твитч?

Она кивает.

— Ладно, я знаю, где находится его офис, я могу сэкономить вам несколько минут, если вы впустите меня?

Ее лицо сразу же расслабляется:

— Вы не представляете себе, как это было бы хорошо. Я опаздываю, мне надо забрать свою дочь с продленки, а они заканчивают в шесть.

Удерживая дверь открытой для меня, она быстро добавляет:

— Код лифта 2245. Поднимайтесь!

Улыбнувшись, я киваю, и захожу теперь уже в пустое здание. Здесь сегодня так тихо по сравнению с другими днями. Это так жутко, что мое тело покрывается мурашками.

Набираю код лифта, и прежде, чем осознаю это, уже стою перед большими дверьми из красного дерева, ведущими в неизвестность. Поднимая сжатую в кулак руку, я не решаюсь постучать, когда слышу стон, и звуки ударов.

Мое лицо вспыхивает.

О, дерьмо. Он занят делом.

Внезапно все внутри сжимается. Эта боль так иррациональна, что я подвергаю сомнению свое здравомыслие. Еще хуже то, что я уверена, что он делает это со своей вся-такая-идеальная сукой, т. е. подругой.

Я знаю, я должна уйти, но... просто не могу.

Кладу руку на ручку, и нажимаю так медленно, как могу, приоткрывая дверь на дюйм. Когда я вижу его, мое сердце запинается. Наблюдая за ним через щелку, я улыбаюсь, и тихо хихикаю.

Ну, это возможно, удивляет.

Он стоит ко мне спиной, без рубашки. Я впитываю произведения искусства, вытатуированные на нем. Его спина одна большая картина. Что-то похожее на ангела — точнее, на падшего ангела, — покрывает всю ее площадь, это одна из самых реалистичных татуировок, которые я когда-либо видела. Изображение стоящего, высокого ангела выглядит

гордым в изодранном черном плаще. С одной стороны ветер сдувает его плащ, выставя напоказ длинную, тонкую ногу с голой ступней. Также ветер приподнимает его немного длинные, светлые волосы, чтобы показать лицо. С одной стороны — великолепное, с другой — размытое и изуродованное.

Я не понимаю, что это означает, но его лицо — бесстыжее, и заполнено надменностью, это красиво на извращенный манер.

Тяжело дыша, и стоя все еще спиной ко мне, он громко спрашивает:

— Ты собираешься стоять там всю ночь, или войдешь?

Подонки.

Мое лицо вспыхивает. Открыв дверь, я смотрю, как он наносит кулаком удар по боксерской груше, висящей в середине его офиса, прежде чем отвечаю:

— Не была уверена, вовремя ли я.

— Нет, не вовремя.

Ну... дерьмово.

Потом он поворачивается, и добавляет с ухмылкой:

— Но меня это тоже не останавливало.

Подойдя к своему столу, он берет полотенце, и вытирает лицо, руки, и тяжело вздымающуюся грудь.

Я знала, что он тренируется.

— Нравится то, что видишь?

Высокомерная задница.

Мои глаза никак не могут оторваться от его тела, я с трудом сглатываю:

— Да.

Когда я вижу, что он собирается шагнуть ко мне, я быстро поднимаю руки, и делаю шаг назад:

— Нет.

Я произношу это таким тоном, каким бы вы сказали своей собаке "нет", когда она попыталась бы украсть вашу еду. И это шокирует Твитча. Я понимаю это, потому что его брови поднимаются, выражая недоверие. Я тоже в шоке:

— Нет. Не сегодня. Я просто пришла, чтобы сказать тебе "спасибо"

Он хмурится:

— За что?

— За пожертвование. За деньги. Я поняла, что ни разу не поблагодарила тебя, что было грубо с моей стороны. Моя мама разозлилась бы на меня. Ты не представляешь себе, как много мы сможем сделать с этими деньгами. Это... — я замолкаю на мгновение, пытаюсь взять свои эмоции под контроль.

Потом невнятно шепчу:

— Это — неожиданное счастье.

Он останавливается, чтобы внимательно осмотреть меня. Его всегда прикрытые глаза лениво исследуют меня. Потом он угрожающе сощуривается:

— Не стоит благодарностей.

Стоя у офисной двери, чувствую себя неловко и уязвимо. Я хочу поцеловать его, затем он прищуривается:

— Я мог бы показать тебе, как ты можешь отблагодарить меня.

Улыбаясь, я опускаю подбородок:

— Не сегодня, я здесь исключительно по профессиональным мотивам.

Его брови вновь поднимаются:

— Это правда, мисс Балентайн?

Я киваю, и рассматриваю его мускулистое тело, когда он садится на край стола.

О Боже, этот мужчина — наслаждение. Я не знаю, нравится ли он мне больше без рубашки или в гребаном костюме. Я не могу сделать выбор. И в том, и другом случае его хочется облизать.

Скрестив свои длинные ноги перед собой, он спрашивает с любопытством:

— И какова здесь сегодня твоя цель, Алекса?

Способ, которым он произносит мое имя, это не просто слово или название, это — ласка.

Облокотившись на стену, я отвечаю тихо, немного нервно:

— Я хочу узнать, как ты работаешь. Как работает твоя компания. Я хочу узнать, чем ты занимаешься здесь.

Его лицо становится суровым. Я понятия не имею, что я такого сказала, но мои ладони начинают потеть. Проводя языком по своим зубам, он фыркает, затем кивает в сторону стула около себя:

— Сядь.

Когда я не двигаюсь, его глаза находят мои, и он говорит увереннее:

— Сядь, Лекси.

Делая маленькие шажочки на трясущихся ногах, пытаюсь не упасть. Он выдвигает стул ногой, и я сажусь. Смотрю в его мягкие карие глаза, он также долго прищуренным взглядом пристально всматривается в мои, прежде, чем говорит:

— Это компания — прикрытие.

Мои глаза округляются, а он продолжает:

— Да, мы — компания по производству пластика. Успешная. Очень успешная. Но есть только одна причина, почему парень, как я, покупает место, как это, — говорит он спокойно. — И я думаю, ты знаешь, почему. Ты умная девочка, Лекси. Что ты думаешь, мы производим, и продаем отсюда?

Одна мысль внезапно появляется в моей голове, но я отталкиваю ее, пытаюсь игнорировать кровь, которая шумит в моих ушах. Я вспоминаю тот день, когда Хэппи убеждал меня выйти из машины.

Ты сидишь в своей машине в промышленном районе, и выглядишь, как наркоманка, которая уже полчаса ждет свою дозу. Так что-либо ты здесь за наркотиками, либо....

Наркотики. Они изготавливают и продают наркотики. Кривая ухмылка появляется на его лице:

— Дошло.

Мой желудок сжимается. Разочарование и сожаление вращаются в моем неподвижном теле. Мне нужно уехать.

Встаю, и пытаюсь избежать зрительного контакта. Я произношу с дрожью в голосе:

— Это было глупо, приезжать сюда. Извини за назойливость, Твитч. Этого больше не произойдет.

Рука на моем предплечье останавливает меня:

— Стой.

И я стою, но когда он замечает мою панику, он шепчет:

— Дыши.

Садясь обратно, я минуту борюсь с дрожью, прежде чем гнев начинает струиться по моим венам. Я шепчу:

— Зачем ты рассказал мне это? Ты едва меня знаешь.

Он не отвечает. Когда я смотрю на него, его лицо выражает его ответ. Что он знает меня лучше, чем я думаю. Я все еще не могу поверить.

— Что, черт побери, с тобой не так?

Он шурится, и медленно рассматривает мое лицо, говоря, как бы со скукой:

— Я задаю себе этот вопрос каждый день моей жалкой жизни.

Я позволяю его ответу соскользнуть с меня. Сейчас не время для сочувствия. Чувствуя себя дерзко, я заявляю:

— Я могу позвонить в полицию.

Наклонившись, он пальцами пробегает по моей щеке. И глубоко вдохнув, на выдохе отвечает:

— Да можешь. Но не будешь.

Закрыв глаза, я прислоняюсь к его прикосновениям, которые сейчас на моей челюсти.

— Ты не сделаешь этого, потому что понимаешь, что с тобой случится то же, что происходит со стукачами, не так ли, Лекси?

Мое тело напрягается. Я отстраняюсь от его излишне приятных прикосновений:

— Это угроза?

Медленно качая головой, его глаза не покидают моих, когда он отвечает:

— Нет. Просто факты.

Уставившись на него, я сдерживаюсь и не говорю ему, что знаю о наркотиках все. И нет, эти знания пришли ко мне не из-за этого, что я работаю социальным работником, а из-за необходимости удалять иглу из руки моего брата, когда он был под кайфом и не замечал, что не вытащил ее.

Вот, что делало с человеком проживание в нашем доме.

Мои родители никогда не получили бы премию «Лучшие родители года». Скорее всего, получили бы — «Ура, ваши дети все еще живы». Отец был алкоголиком и просто подонком. Мама притворялась, что все хорошо и очень много работала. В целом, у меня было двое родителей, которые вообще не были родителями. Мой брат нашел свой путь избегать того факта, что мы никогда не покинем эту адскую бездну.

Воспоминания о моем брате всегда наводят меня на строчку из песни «Я, ты и мое лечение» группы «Boys and Gils».

Мы все зависимы от того, что прогоняет нашу боль.

В этой фразе так много правды.

В моем сердце появилась тупая боль, которая внезапно вернула так давно забытые времена, и подняла давно подавленные воспоминания...

Я вернулась в реальность, когда Твитч потянул меня вверх, чтобы я встала перед ним. Расставив свои ноги, он тянет меня за руку, пока я не оказываюсь между ними. Разглядывая меня с замешательством в глазах, он говорит:

— Думаю сейчас, я готов для этих губ.

Его глаза опускаются к моему приоткрытому рту, и я трепещу. Его рука обнимает меня за талию, крепко удерживая меня напротив него. Всем телом я прижимаюсь к нему, мой язык выскальзывает, чтобы увлажнить нижнюю губу. Я хочу этого поцелуя так сильно, что

мой голос звучит неубедительно даже для меня:

— Ты манипулируешь мной.

Вытягивая свободную руку, он пальцами перебирает прядь моих волос, и открыто признает:

— Да, — наклонившись, его губы на мгновение касаются моих, прежде чем он шепчет у моей щеки:

— Ты понятия не имеешь, насколько большим подарком являются эти мои слова. Но поймешь.

Я не понимаю, что это значит. Прежде, чем у меня появляется время задуматься об этом, он приказывает:

— Теперь, поцелуй меня, Лекси. Я не буду просить еще раз.

Тяжело дыша, я касаюсь, к его обнаженной груди. Нежно глажу ее твердое тепло. Преодолевая расстояние между нами, наши губы соприкасаются, и мое тело вздрагивает. Я тихо постанываю, прижимаясь немного сильнее, пока наши открытые рты трутся, вдыхая друг друга. Рука вокруг моей талии сжимается.

Его вкус. Шоколад и мята. Просто... потрясающе.

Этот вкус теперь запечатлен в моей памяти. И одного вкуса недостаточно.

Мой рот накрывает его, оставляя маленькие поцелуи на его неожиданно пассивном рте. Его язык выскальзывает, и на мгновение, я забываю, с кем я. Игриво отстраняясь, улыбаюсь, когда он рычит, притягивая меня обратно к своему телу.

Хлопок!

Моя попа пульсирует, а его рот проглатывает мой удивленный вскрик. Теперь не пассивный, его рот пожирает мой, с жадностью пробуя меня, упрашивая мой язык поиграть с ним.

Мою уже влажную сердцевину затопляет.

Подняв руки между нашими телами, я ладонями прикасаюсь к его лицу, и он позволяет мне сделать это лишь на мгновение, прежде чем нежно убирает мои руки от себя, отодвигая меня.

Воздух в офисе плотный, слышно только наше тяжелое дыхание. Твитч внезапно выпрямляется и отходит от меня:

— Я позвоню.

И вот так просто меня прогоняют.

Я выхожу из «Фалькон Пластик» осведомленная немного больше, и сильно обеспокоенная, потому что, честно говоря, я понятия не имею, с кем имею дело.

Было около 7 утра, когда зазвонил мой телефон. Едва проснувшись, и попив кофе, я открываю и читаю сообщение:

Неизвестный номер: Суббота. Оденься прилично.

Я смотрю на сообщение примерно с минуту, прежде чем ответить, точно зная, кто его прислал.

Я: Кто это?

Не проходит и десяти секунд, когда я получаю ответ.

Неизвестный номер: Лекси...

И я почти слышу предупреждение в его голосе через смс-ку. Я хихикаю, печатая ответ.

Я: Да. ТВИТЧ. Я поняла. Одеться прилично. Что-нибудь еще?

Это сообщение, должно быть, ошарашило его, потому что я не слышала звонок моего телефона целых пять минут.

Неизвестный номер: Нет.

Улыбнувшись самой себе, я быстро сохраняю его номер в моей телефонной книге, иду в ванную и включаю душ, стараясь не думать о том, что парень, которым я увлеклась, по факту, наркодилер.

Как только я чувствую на себе его взгляд, на моем лице появляется глупая улыбка.

Беру свои суши и бутылку воды с прилавка в кафе около моей работы, иду к скамейке в парке через улицу. Я сажусь, и осторожно высматриваю его. В солнцезащитных очках, чтобы никто не догадался, что на самом деле я делаю. И вдруг все внутри у меня сжимается.

«Он все еще наблюдает за тобой. Ты случайно не забыла, что он наркодилер? И ему явно требуется научиться держать себя в руках. Что заставляет тебя думать, что хоть какая-то часть этого парня хороша для тебя? Он идет вразрез со всем, с чем ты работаешь. Не разрушай свою жизнь из-за такого парня. Он просто парень. Один из самых опасных, вообще-то. Очнись!»

Я обдумываю это. Я так много работала, чтобы стать тем, кто я есть. Я не сделала ничего, чтобы поставить под удар свою работу.

И хоть я и говорю это, я знаю, что это ложь. Так как вот она я, все еще желающая позабавиться с моим сталкером, несмотря на то, что он рассказал мне такие вещи, из-за которых меня могли бы уволить. Он не стоит этого. Я знаю. Так, почему я...

Дзынь.

Почти роняя телефон, я подрыгиваю от удивления, и прислоняю руку к груди.

Твитч: Что случилось?

Смотря на сообщение, я думаю «ты», прежде чем пишу простой ответ.

Я: Я не знала, что ты все еще наблюдаешь. Ты удивил меня.

Почти сразу же пришел ответ.

Твитч: Прежде ты никогда не удивлялась.

Я морщу лоб.

Я: Ну, ты не делал ничего, чтобы спрятать это.

Я жду, и жду, и жду. Минуты идут, и никакого ответа нет. Положив телефон, я тянусь к бутылке с водой, и в этот момент приходит смс-ка, и то, что он написал мне, взрывает мой мозг.

Твитч: Возможно, я вообще не прятался.

Поднимаю голову, больше не беспокоясь, заметит ли он, что я наблюдаю за ним, оглядываюсь во все стороны, высматривая фантом мужчины.

Но как обычно, он исчез.

Бросая телефон на колени, я расслабляюсь на скамейке, и выдыхаю. Меня не волнует, будет ли это смертельным для меня, но я собираюсь узнать больше об этом странном мужчине. И в этом случае, я понимаю, что терпение — определенно, преимущество.

Субботняя ночь наступает достаточно быстро, и вот я смотрюсь в зеркало.

— Почему ты всегда наряжаешься в Клеопатру? Я хотела быть Клеопатрой, — говорю я, надувшись, и смотрю на отражение Никки, она сидит на моей кровати, и наносит блеск персикового цвета на свои выпяченные губы.

Даже не взглянув на меня, она продолжает красить губы, и мягко говорит:

— Потому что Клеопатра мне больше подходит. Ты не можешь быть Клеопатрой. Она была вся такая «смерть этому человечешке, смерть тому», а ты была бы «как мы можем помочь всем этим людям?»»

Я тихо смеюсь. Она отчасти права.

— Нет, крошка. Ты не Клеопатра. Ты — ангел. Самый красивый.

Рычание у двери привлекает мое внимание. Дэйв стоит там, надув губы, удерживая его пояс с мечом:

— Я не могу надеть это.

Он не в том настроении, в котором будет, как я надеялась. Оказывается, Фил счастлив снова быть одиноким, а Дэйв, видимо, не обрадован этой новостью.

Подойдя к нему, я беру пояс и оборачиваю вокруг его талии. Он сегодня пират, одетый в кожаные бриджи, дутую рубашку, на глазу повязка, также имеется и меч. Полный комплект. Требуется несколько секунд, чтобы застегнуть пояс, после чего он выдыхает:

— Спасибо, крошка.

Смотря ему в глаза, я нежно отвечаю:

— Мы не обязаны идти. Мы можем взять в прокате фильмы, позависать здесь, и лопать нездоровую пищу до потери сознания.

И Дэйв улыбается. Первой настоящей улыбкой за прошедшую неделю. А потом замечает мой костюм. Отходит, чтобы лучше рассмотреть меня и выражение его лица становится нежнее:

— Ты, действительно, ангел. И выглядишь великолепно. Это идеально тебе подходит.

Дотянувшись рукой до его щеки, я глажу ее, он принимает этот жест лишь на секунду, прежде чем отстраняется, откашливается, и выходит из комнаты:

— Я буду в гостинной.

Я ожидаю, когда Никки закончит макияж, идеально подходящий к ее костюму. Поворачиваюсь к зеркалу, и внимательно разглядываю себя.

Длинное белое платье, которое на мне надето — милое и простое, с длинными рукавами, украшено маленькими жемчужинками и кристаллами, блестящими по всей длине. Оно великолепно. Ценник на костюме перевалил за тысячу долларов, но оно обалденное. Твитч может это себе позволить. Мои крылья обманчиво легкие, принимая во внимание, что их кончики доходят до моей попы. У костюма нет ореола, но в комплекте есть диадема, также переливающаяся кристаллами и жемчугом. Мои длинные темные волосы спадают свободными волнами, и Никки наложила особенные тени мне на глаза, которые мерцали и стали жемчужно-белыми. На мои губы она нанесла немного блеска, и все, я готова идти.

Никки кричит:

— Готова?

Кивая моему отражению, я тихо отвечаю:

— Да.

Готова настолько, насколько это возможно.

Приехав к историческому особняку в Дэрлинг Поинт, я задаюсь вопросом, сколько стоит арендовать это место на ночь. Я знаю, Твитч — богат, но такое место стоило бы примерно двадцать миллионов долларов, если его купить, так что аренда за ночь — сотни

тысяч. я уверена. Такси останавливается, и мы втроем, не веря, смотрим друг на друга. Дэйв спрашивает:

— Ты уверена, что это то самое место?

С таким количеством автомобилей около этого места, я бы сказала “да”, но на всякий случай проверяю адрес на приглашении.

— Да, все правильно. Это здесь.

Ники говорит с трепетом:

— Это потрясающе. Так красиво.

Я согласна. Это бесподобное место.

Расплатившись с таксистом, мы выходим к великолепному дому. У гигантских двойных ворот стоят охранники, проверяя пригласительные и ID гостей. Мое лицо вытягивается, я впечатлена так же, как и мои друзья. Приближаемся к громадному охраннику, и он проверяет наше приглашение и удостоверения личности. Внутри у меня все подпрыгивает, когда этот парень-охранник смотрит мне в глаза, достает рацию, и говорит:

— Она здесь.

Не улыбки. Ничего. Придурок-охранник говорит:

— Ждите здесь.

Как будто я собиралась провальсировать мимо него, поднять шумиху или разругаться в хлам.

Борясь с сильным желанием закатить глаза, я открываю рот, чтобы что-то сказать, и в этот момент низкий и знакомый голос произносит:

— Посмотрите на это. Настоящий ангел.

Хэппи подходит поближе, и чертовски удивляет меня, быстро обнимая и целуя в щеку. Улыбаясь, я спрашиваю:

— Без костюма?

Он широко улыбается.

— Нет, я сегодня слежу за безопасностью. Или я, может быть, делаю это, потому что чертовски ненавижу наряжаться, — он подмигивает мне, позволяя нам понять, что это и есть та самая причина.

Хихикая, я представляю их:

— Никки и Дэйв, это Хэппи

Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на них, они стоят с открытыми ртами и похотливыми глазами смотрят на мускулистого, лысого мужчину. Я мысленно съезживаюсь.

Проклятье. Получается неловко.

Но я удивляюсь вдвойне, когда Хэппи ухмыляется и оценивает их взглядом. Обоих. Святое... Вау! Этого я не ожидала.

Хэппи подставляет один локоть мне, другой Никки, мы хватаемся, и он провожает нас к гольф-кару, припаркованному прямо у ворот. Хэппи объясняет:

— Твитч не знал, будут ли сегодня на вас туфли на высоких каблуках. Он не хотел, чтобы весь путь до дома вы шли пешком.

Никки поворачивается ко мне, смотрит щенячьими глазками и говорит:

— Так мило.

О, Боже мой. Посмотрим, будет ли она думать так же после того, как познакомится с ним.

Гольф-кар отъезжает, и через несколько минут мы у дома. Чтобы добраться туда,

понадобилось примерно пять минут, объезжая толпы идущих по дорожке из гравия. Как только мы подъезжаем к дому, Хэппи паркуется, и помогает выбраться Никки, пока Дэйв помогает мне. Хэппи смотрит на нас, и говорит:

— Сегодня ночью еще увидимся. Оставь для меня танец, хорошо?

Мы все втроем глупо киваем, а он, уходя, хихикает. Дэйв тотчас же изрекает:

— Я забил его.

Милое личико Никки искажается:

— Он явно по женщинам, Дэйв. Ты видел, как он смотрел на меня? Он хочет меня.

Дэйв возражает:

— Да, прям, ага. Он смотрел на тебя только потому, что у тебя помада на зубах.

Ах. Вот примадонна, по которой мы все скучали!

Никки громко выдыхает:

— Ты лжешь!

И ищет в своем клатче маленькое зеркальце. Она трет кончиками пальцев свои зубы, а я смотрю на Дэйва, и шепчу ему:

— Ты злюка.

Ухмыляясь как придурок, какой он и есть, он пожимает плечами и отвечает мне:

— Он хочет меня.

И честно говоря, я понятия не имею, кого хочет Хэппи. По нему сложно определить.

Дэйв встает между нами, Никки и я просовываем руки под его локти, и входим. Вход ведет в холл, который можно описать, как удвоенный бальный зал. Шелковые шторы изумрудно-зеленого и рубиново-красного оттенков свисают с потолка.

Высший класс.

Дом элегантный. Шикарный. И создан со вкусом.

То тут, то там расположены произведения искусства и, хотя это должно выглядеть странно, это не так. Это невероятно. Занимая в очереди место в танцзал, мы ждем, осматриваясь по сторонам, до тех пор, пока кто-то не откашливается рядом с нами. Повернувшись, я вижу перед собой скучающую Линг. Она выглядит изумительно. Если честно, я на самом деле не уверена, кто она, но на ней надето черное блестящее платье, волосы убраны в стиле шик, на руках длинные черные перчатки и украшения из жемчуга. Сейчас, когда я лучше присмотрелась к ней, она, возможно, Одри Хепберн “а-ля Завтрак у Тиффани”. Она едва сдерживается, чтобы не закатить глаза, когда говорит нам:

— Вам не нужно стоять в очереди. Пройдемте со мной.

Сука.

Молча, мы следуем за Линг от огромной очереди к спрятанной за великолепными шторами, двери. Осмотрев Дэйва с ног до головы, она облизывает губы:

— Короткий путь.

Когда она отворачивается от нас, Дэйв поднимает брови, а я закатываю глаза в манере “не спрашивай меня ни о чем”. Длинный узкий коридор, который, кажется, продолжается вечно, выводит нас на кухню. Обслуживающий персонал суетится и толкается, в то время, как мы их обходим. Я хватаю Никки, ворующую что-то с подноса, и заталкиваю это себе в рот так быстро, как только может. Я предостерегающе смотрю на нее, а она пожимает плечами, прожевывая, прежде чем прошептать:

— Это было божественно.

Когда мы доходим до другого коридора, Линг поворачивается ко мне, но говорит, не

смотря на меня:

— Идите по коридору. Первая дверь слева.

Посмотрев сквозь свои длинные ресницы на Дэйва, она проводит пальцами вниз по его груди к животу прежде, чем облизывает губы, и уходит. Мы долго молчим, прежде чем Никки бормочет:

— Ее гей-радар сломан.

Тихо хихикая, я открываю дверь, а мои глаза оживляются, когда я понимаю, что мы вышли прямо в танцзал.

Это место... О, Боже, это место! Оно сногсшибательно, я хочу здесь жить. Во веки веков. Аминь.

Это воплощение элегантности. Блестящий белый пол из кафеля отполирован и натерт воском, а высокие, массивные колонны в греческом стиле через каждые несколько ярдов, переливаются белым. Кажется, что они поддерживают комнату, а стены сияют золотым и персиковым цветами. Шторы, также персикового цвета, украшают шесть эркеров с обеих сторон.

Круглые столы, на восемь человек каждый, удобно расставлены по комнате. Белые скатерти соответствуют белым чехлам на стульях, каждый стул украшен золотыми и персиковыми лентами, завязанными бантами.

И вот мы, три "незначительных человечка", которые не смогли бы себе позволить приехать на такой благотворительный бал, открыто палимся на окружающее нас пространство.

Минуту спустя, Никки бормочет:

— Возможно, нам следует надеть маски.

Я все время держала в руке маску. В приглашении было сказано, что обязательным атрибутом является костюм, а маска — по желанию, и как я вижу, большинство женщин были здесь в масках, а мужчины — нет. Теперь ясно, почему, когда я спросила Дэйва, какую маску он выбрал, он засмеялся. И смеялся. И смеялся очень долго.

Я киваю Никки. Она подходит ко мне поближе, чтобы помочь надеть маску. Она немного необычная, но я не смогла отказаться от нее. Она вся из белого кружева в форме бабочки, с оборкой из белого бархата, и крепится к волосам. Она такая легкая, что я даже не чувствую ее на себе, и, хотя закрывает большую часть моего лица, вы все еще сможете узнать меня. Никки выбрала черную с золотым маску «кошачьи глаза», которая крепится к длинной, толстой палочке в ее руке.

Обе в масках, мы улыбаемся друг другу, и берем Дэйва под руки. Проходя мимо винтовой лестницы, я чувствую на себе взгляд. Остановившись, я ищу его.

Я нахожу Твитча на лестнице, спускающегося ко мне. На нем черные слаксы, белая рубашка, и черные блестящие крылья. Крылья изодраны и потрепаны. Его слаксы также разодраны, а белая рубашка порвана и помята. Красные капельки засохшей краски каплют из сердца. Что-то черное, похожее на сажу, втерто в его лицо, чтобы он выглядел грязным. Когда он подходит к нам, он осматривает Дэйва с ног до головы, и хрипло говорит:

— Я полагаю, это принадлежит мне.

Он протягивает руку, ладонью вверх, и я даже не осознаю, в какой момент я отпускаю Дэйва, и отодвигаюсь, чтобы встать рядом с Твитчем. Просовывая мою руку под свой локоть, он протягивает свободную руку Дэйву, и знакомится:

— Ты — Дэвид Аллен.

Дэйв кивает, ошарашенный. Отпустив руку Дэйва, он берет маленькую ручку Никки и целует ее:

— А ты, должно быть, прекрасная Николь Палмер.

О, мой Бог! Он ведет себя так чертовски обходительно с моими друзьями. Ух, ты!

Стиснув зубы, и схватив его за рубашку, я смотрю, как мои друзья глупеют рядом с Твитчем, а я борюсь с желанием закричать «Это ловушка! Не видите на это!» и просто продолжаю держаться за него. Он немного болтает с Никки и Дэйвом, и Никки стреляет в меня глазками, одобряя его. Я вижу, что у Дэйва есть сомнения, он рассматривает татуировки на шее и руке Твитча. Я хочу щелкнуть его по носу, и сказать, что нельзя вешать ярлыки на людей, но в этом случае я была бы неправа.

Твитч такой, как предсказывает его ярлык. И это отстой.

Я хотела бы, чтобы он был другим. Он точно не подходит на роль бойфренда. И еще у него есть девушка. По крайней мере, я думаю, что есть. Сучка Линг.

Внезапно мы идем в противоположном направлении от моих друзей. Хмуря брови, я спрашиваю:

— Куда мы идем?

Он безэмоционально отвечает:

— Я сказал им, что забираю сегодня тебя на свидание.

Он смотрит на меня, и его губы подергиваются:

— Николь, кажется, я понравился. Дэвиду не очень.

Я поддеваю его:

— Это потому, что внешность обманчива! Никки — безнадешный романтик, в то время, как Дэйв может учуять дерьмо за милю.

Он не отвечает, просто продолжает меня вести, кивнув головой. Мы останавливаемся в пустом углу комнаты, и Твитч рассматривает мой костюм.

Чем больше он смотрит, тем больше кажется разгневанным. И вдруг я цепенею, понимая, что сделала неправильный выбор. Стараясь увести от себя его внимание, я спрашиваю:

— Кем предполагается, ты нарядился?

Его пристальный взгляд еще немного путешествует по моему телу. Чуть позже, его прикрытые глаза, наконец, добираются до моих. Рассмотрев мое лицо достаточно долго, он, в конце концов, отворачивается и смотрит в толпу:

— Любовью.

Все мое тело покрывается мурашками, и я, однозначно, дрожу.

Любовь? Он — Любовь? Что за ерунда? У меня с ним очень разное представление с любви. Это печально. Просто... печально.

Поймав мой взгляд, он хмурится:

— Не делай этого.

Мое лицо вытягивается, и, как только я собираюсь спросить его, что он имеет в виду, он добавляет:

— Не испытывай жалость ко мне. И не думай, что ты знаешь меня. Ты ничего обо мне не знаешь.

Мое лицо вспыхивает, желая избежать ссоры, я отпускаю его рукав, и начинаю отходить от него. Он ловит мою руку, и крепко ее удерживая, ведет меня в другом направлении. Сбитая с толку, я тихо спрашиваю:

— Куда мы идем?

Он долго ведет меня, прежде чем отвечает:

— Я проведу тебе экскурсию по моему дому.

Он только что сказал, что это его дом? Это его дом?

С открытым от удивления ртом, вслед за ним я выхожу из танцзала, далее вниз по коридору, а потом вверх по узкой лестнице. Когда мы поднимаемся наверх, он поворачивается, чтобы посмотреть на меня и получше разглядеть мое однозначно очевидное удивление.

— Не будь так потрясена, Лекси. Ты знаешь, чем я зарабатываю на жизнь. Деньги приходят легко. Потратить их еще легче. И у меня не много отдушин.

Его скучающий тон превращается в раздраженный.

Когда он притягивает меня ближе, я говорю:

— Линг — твоя девушка?

Украдкой наблюдая за ним, я замечаю, что его уголки его губ подрагивают:

— Это имеет значение?

Да!

Подражая его скучающему тону, я нагло лгу:

— На самом деле, нет. Пока это не касается меня или мужчин, с которыми я... хммм... встречаюсь.

Он сильно хватает меня за руку, и внезапно я оказываюсь прижатой к стене. Тяжело дыша, я наблюдаю, как из темного принца он превращается во что-то демоническое. Его глаза вспыхивают, а лицо в гневе искажается; наклонившись, он через платье хватается мой бугорок, и произносит сквозь сжатые зубы:

— Никто не прикоснется к тебе. Ты поняла это? Больше никто не получит тебя, и не будет с тобой так долго, как я хочу тебя. И после того, как я закончу с тобой... — он проводит языком по линии моего подбородка. Я часто моргаю. Он прижимает свою эрекцию к моему бедру: — ты никогда больше не будешь удовлетворена. Никто никогда не позаботится о тебе так, как я. Так как я знаю, ты хочешь. Я знаю, что тебе нужно, Лекси, даже если ты не знаешь сама. Но я научу тебя.

Мое сердце практически выскакивает из груди. Я немного напугана, и не уверена, что сделать тем, что он мне сказал. Помимо его слов о том, что он бросит меня. Невозможно. Но факт. Вот почему я просто должна уйти. И мне нужно это озвучить. Что я и делаю.

Я неуверенно шепчу:

— Мне нужно убраться от тебя.

Его нос трется о мой, и мои глаза закрываются. Нижней губой он слегка касается моей, шепчет в ответ:

— С чего ты решила, что я позволю тебе это, Алекса?

Внутри меня все сжимается. Открыв глаза, я серьезно спрашиваю:

— Почему ты наблюдаешь за мной? Мне нужно знать.

Потом все сжимается еще раз, когда он вздыхая, рассматривая мое лицо, как будто это произведение искусства, затем наклоняется и целует кончик моего носа. Он делает это так нежно, так сладко, что болит душа.

— Все мое время. Ты меня не знаешь. Пока что.

Это звучит, почти как обещание. Мое сердце запускается снова. Я смогу жить с этим. Небольшое обещание неплохо на данный момент. Я не жду многого, так что думаю, что получу как раз то, чего ожидаю.

Глубоко вздохнув, я смотрю на его лицо, измазанное сажей, и меняю тему:

— Ты собираешься испачкать меня.

Его глаза темнеют:

— Детка, я уже это сделал.

И я знаю, что то, о чем он сказал, не имеет никакого отношения к саже.

Он дотягивается рукой до дверной ручки слева от меня, затем слышится скрип открываемой двери. Чуть больше секунды мы смотрим друг на друга, прежде чем он берет меня за локоть и проводит в громадную спальню. Моя сердцевина взволнованно сжимается при виде королевского размера кровати в правой стороне комнаты, но я беру себя в руки.

Твитч встает около меня, поигрывая запонками, и с близкого расстояния я замечаю, что сегодня они из черного оникса в форме черепа со скрещенными костями. Он говорит:

— Каждый раз, когда ты здесь — это твоя комната. Ты получишь ключ и набор входных кодов. У тебя будет доступ ко всему дому, и я хотел бы, чтобы ты бывала здесь, по крайней мере, три ночи в неделю.

Когда я слышу слова «твоя комната», мой мозг шепчет «Этот парень сошел с ума. Лучше бы нам уйти отсюда».

Неспособная осознать, что конкретно мы здесь обсуждаем, я пользуюсь возможностью и прогуливаюсь по комнате. Дойдя до солидного антикварного комода, я снимаю крышки с двух декоративных стеклянных вазочек, стоящих на нем. При этом веду себя, как дома, так как нахожусь в моей долбаной комнате. Одна ваза до краев наполнена разноцветными шоколадными круглыми конфетками, а другая — запонками всех видов.

Я морщу лоб:

— Но это — твоя комната.

Своей татуированной рукой он тянется мимо меня, чтобы взять горстку шоколада. Не поворачиваясь, я слышу, как он отправляет их в рот. И с сарказмом говорит:

— А она еще и умная.

Я поворачиваюсь и кривлюсь в раздражении:

— Я на самом деле не понимаю, с чего бы мне проводить здесь три ночи в неделю.

Пережевывая шоколад, он тянется еще за одной горсткой, погруженный в размышления. Наконец, он пожимает плечами:

— Почему нет?

Облокачиваясь спиной о комод, я поднимаю руку и поднимаю вверх указательный палец:

— Во-первых, я даже не знаю тебя, Твитч.

Показываю средний палец:

— Во-вторых, это место, на самом деле, находится далеко от моей работы, — показывая еще раз на указательный палец: — И, в-третьих, здесь нет абсолютно ничего из моих вещей. Это странно для меня.

Забросив вторую партию конфеток в рот, он, жуя, берет меня за руку и ведет к двери рядом с ванной. Когда он открывает ее, мой рот открывается от удивления.

Это смешно!

Я напугана. И покрылась потом. Я чувствую себя плохо. Я думаю, меня стошнит.

Подавшись чуть вперед, дрожащими руками я хватаюсь за волосы, убираю их с лица, и начинаю учащенно дышать. Я реально жалею, что у меня нет с собой бумажного пакета, чтобы подышать в него прямо сейчас. Затем Твитч абсолютно спокойно спрашивает:

— Чересчур?

Выпрямившись, я на минутку закрываю глаза, прежде чем указываю на открытую гардеробную, до краев заполненную женской одеждой, которая на вид моего размера, и визжу:

— О, конечно это не странно! Нисколечко, Твитч!

Его ухмылка так восхитительна, что я хочу облизать его. Но когда он говорит:

— Детка.

Как будто, это я — смешна, я теряю самообладание.

— Не-а! Не делай так, мистер! Не «деткай» мне! У меня есть каблуки, и я использую их как оружие, если понадобится. Ты собираешься ответить мне на несколько вопросов прямо сейчас, — чувствуя себя храброй, добавляю: — Если ты не сделаешь этого, я уйду. И не вернусь.

Запихивая часть конфеток в рот, он посасывает их, и говорит:

— Ага, об этом. Мне не нравится, когда мне угрожают. И я, определено, не слушаюсь. Ну, ты поймешь это. В конце концов. Я понимаю это, я знаю тебя лучше, чем ты сама себя, но есть кое-что, что тебе следует знать обо мне. И я упрощу это для тебя, — подражая тому, как я показывала на пальцах, он показывает на свой указательный палец: — Во-первых, ты будешь здесь, потому что ты хочешь быть здесь, а не потому, что я вынудил тебя. Никогда, — указывая на средний палец: — Во-вторых, этот гардероб для тебя, и я надеюсь, ты будешь пользоваться им независимо от того, что там находится в твоих ящиках.. — указывая обратно на указательный палец: — В-третьих, ты так чертовски горяча, когда злишься, что я на самом деле хочу, чтобы ты пососала мой член. И когда я говорю, я действительно хочу этого, я имею в виду, соси мой член, Лекси. Сейчас же.

Стискиваю ноги сильнее, и моя сердцевина сжимается.

Я, безусловно, хочу этого:

— Я не хочу.

Его губы дергаются, и он шагает вперед в силовое поле, которое я возвела вокруг себя. Поднимая руки, он обхватывает мою шею, на полпути сквозь волосы, и тихо говорит:

— Я никому не скажу. Я знаю, что возбуждает тебя, детка. Не отрицай себя. Я ненавижу это, — убрав руки с моей шеи, он осторожно снимает мою маску, и когда мое лицо, наконец, открыто, он прищуривается, и внезапно толкает меня вниз на колени перед ним. Держа меня за плечи обеими руками, он произносит:

— Тебе нужен толчок в правильном направлении. Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты тоже поставить меня на колени.

Вызов принят.

Я хмурюсь в смятении. Работаю над его ремнем, и когда он расстегнут, Твитч вытаскивает его из петель и начинает закреплять ремень вокруг моей шеи.

Я знаю, это не должно возбуждать меня. Я знаю, что это неправильно. Но я так чертовски сильно хочу этого. Какая-то часть меня хочет все, что предложит Твитч, независимо от того, насколько это извращенно.

Расщелкнув кнопку, и расстегнув молнию, я прикусываю губу, когда вижу толстый, полустоячий ствол с пирсингом на уровне моих глаз. Когда ремень вокруг моей шеи

оказывается слишком стянутым, я смотрю вверх на него с тревогой в глазах. Его глаза говорят с моими. Они говорят, что он позаботится обо мне. Или, по крайней мере, это то, во что я хотела бы верить. Они могли бы говорить, “Я хочу придушить тебя”, кто его знает.

Как только ремень застегнут, Твитч оборачивает оставшуюся часть ремня вокруг своей руки и осторожно тянет. Давление на моей шее вызывает тревогу и неудобство.

Тогда почему я насквозь промокла?

Он ловит мой вдох, и ухмыляется. Он знает. Он всегда знает!

Ухмылка исчезает, его полуприкрытые глаза темнеют, и он приказывает:

— Доставь мне удовольствие, — затем тянет за ремень, вынуждая меня приблизиться к его промежности.

Не теряя ни секунды, я обхватываю пальцами одной руки его твердеющий член, и осторожно направляю его в свой рот, чтобы не подавиться шариками от его пирсинга. Как только языком я касаюсь чувствительной точки, он выдыхает:

— Да. Вот так.

Он тянет ремень, что вынуждает меня придвинуться к нему ближе, а это, в свою очередь, проталкивает его глубже в мой рот. Закрыв глаза, я с энтузиазмом тружусь над ним своим ртом. Хлюпающие звуки отражаются эхом в большой комнате. Внезапно, он притягивает меня слишком близко, и я начинаю задыхаться. Мои глаза распахиваются.

Его глаза сверлят мои, в то время, как он удерживает свой член слишком глубоко:

— Глаза на меня. Не заставляй меня говорить этого вновь.

Мое горло сжимается вокруг него, глаза наполняются слезами, и я решительно киваю. Он полностью выходит из моего рта, я ловлю воздух, а слюна стекает вниз по моему подбородку абсолютно непривлекательно. Он нежно сжимает ладонями мои щеки:

— Хорошая девочка.

Не давая мне даже секунду, чтобы вернуть мое дыхание под контроль, он вводит свой член обратно в мой рот. Я слегка взбешена. Я не хочу снова так задыхаться.

Твитч, должно быть, чувствует это, поскольку заявляет:

— Ты сделаешь так, как я сказал, и это больше не повторится.

Я думаю, для меня теперь выгоднее послушаться его.

Есть что-то в том, когда у тебя отбирают выбор, это одновременно освобождает и пугает. Передать кому-то контроль над собой — это сложно. Показатель доверия. И иногда я хотела бы быть пассажиром, а не водителем.

Медленно моргая, я смотрю вверх в его мягкие карие глаза, когда он медленно, но глубоко входит в мой рот. В этот момент, все, что я могу делать — это принимать его. Белая рубашка порвана и забрызгана краской, рот приоткрыт, глаза полуприкрыты от наслаждения, его грязное лицо выглядит почти ангельским, когда он расслабляется с каждым толчком в мой теплый, влажный рот. Я могла бы наблюдать за ним целый день. Потом его глаза закрываются, и от удовольствия он откидывает голову назад, а мышцы его шеи напрягаются за секунду до того, как он с трудом сглатывает. Вычерченное произведение искусства, кажется, оживает с каждым движением его шейных мышц.

Он великолепен.

И хотя он больше не наблюдает за мной, и не следит, чтобы убедиться, что я следую его указам... я не могу отвести от него взгляда.

Звук кожи, тихо шуршащей у моего уха, подготавливает меня к тому, что он снова усиливает хватку на ремне. Неспособная остановиться, я прекращаю мою пассивную

позицию и расплачиваюсь с ним сполна. Я знаю, он близко. Я понимаю это, потому что когда начинаю насаживать на него свой рот, он шипит:

— Бл*дь, Ангел. Да, детка, соси его, вот так.

Закрывая глаза, я сосу его уверенными движениями. Я чувствую, как его пальцы проскальзывают в мой ошейник, являющийся его ремнем, и понимаю, что он скоро кончит. И так как я знаю это, я готова.

Стискивая меня моим удушающим ошейником, он тяжело и часто дышит:

— Я готов. Прими все.

Вдыхая через нос, я тянусь вперед, насаживаясь дальше на его твердый член. Расслабляясь, мое горло открывается. Его бедра дергаются с первым сокращением его оргазма, и я глубоко его заглатываю.

Знаете, что странно? Я не чувствую дискомфорта, который испытывала прежде.

Твитч стонет долго и низко. Я ощущаю, как он судорожно дергается, и его теплая разрядка скользит вниз по моему чувствительному горлу.

И это делает меня такой влажной, такой сексуально возбужденной, что я понимаю, достаточно одного прикосновения, чтобы я взорвалась. Успокоившись, он начинает выходить. У меня проявляется глоточный рефлекс, и я немного давлюсь, когда его пирсинг ударяется о моё нёбо... Он, наконец, высвобождается. Я чувствую, как мокрое тепло вытекает из уголка моего рта. Его ноздри раздуваются, а глаза вспыхивают. Большим пальцем он вытирает излишек липкости, и предлагает мне.

Изо рта, опухшего от трения, я медленно, кончиком языка, облизываю по кругу его большой палец. И в восхищение смотрю, как подскакивает его почти вялый член. Прямо сейчас я чувствую свою силу. Обхватив губами его палец, я сначала нежно посасываю его, а потом выпускаю, щелкая по нему языком.

Твитч пошатывается там, где стоит, а я прикусываю губу, чтобы остановить победную ухмылку. Твитч не тот человек, которому можно сказать "я же тебе говорила", так что я уверена, что не сделаю этого.

Настолько нежно, насколько могу, я кладу его обратно в брюки и застегиваю. Однако, оставляю его пояс на моей шее. Я не уверена, что делаю все правильно. Последнее, что я хочу, это дать ему повод наказать меня.

Мне нравится, когда он счастлив со мной. Хотя, когда он расстроен рядом со мной, он доставляет мне острые ощущения.

Кто знал?

Закрыв глаза, он вздрагивает, прежде чем его ресницы трепещут, и он смотрит вниз на меня. Его губы сжимаются.

— Проклятье. Ты высосала из меня душу, — Твитч кладет руку мне на голову и гладит по волосам. Он бормочет: — Ангел, ты сделала это великолепно.

Маленькая улыбочка появляется на моих губах от того, как просто он называет меня «ангелом», как будто считает, что я и есть одна из них. Прислоняюсь к его прикосновениям, но этот момент заканчивается слишком быстро, и потом его пальцы аккуратно расстегивают ремень на моей шее.

В мою голову забредает мысль.

Я не хочу, чтобы исчез ремень.

Мой мозг обдумывает это.

Ух, ты. Да ты — чудик.

Помогая мне встать, он собственнически обнимает меня за плечи и притягивает к себе. Уткнувшись в его грудь, я вдыхаю его и греюсь в его тепле. Мы выходим из комнаты, и идем вниз по коридору. В направлении, противоположном тому, откуда мы в нее пришли.

И потом мы оба это слышим.

Кричит женщина:

— Помогите! Нет! Нет! Остановись!

Рыдания.

— Пожалуйста, не надо. Я не хочу этого. Пожалуйста!

Я холодею от ужаса.

Я вся напрягаюсь, и широко открываю глаза. Потом смотрю вверх на Твитча, который, внимательно, и с сожалением в глазах, наблюдает за мной. Меня шокирует, что он даже не пытается найти эту женщину или помочь ей. Когда она визжит, Твитч вздыхает так, как будто эта женщина не подвергается сейчас нападению, а будто она заноза в его заднице.

Кровь шумит у меня в ушах.

Я чувствую отвращение. Убираю от него руку, и стискиваю зубы, отталкивая его за плечи, потом бегу вниз по коридору, разыскивая источник криков о помощи.

— Лекси! Не ходи туда! Подожди, черт возьми!

Но я не жду. Я бегу. Отчаянно разыскивая женщину, которая, очевидно, нуждается в помощи.

Ее стоны, стенания и рыдания слышатся все ближе и ближе, пока наконец, я не останавливаюсь прямо перед дверью, боясь заглянуть внутрь. Боясь того, что там увижу.

Мое сердце выпрыгивает из груди.

С расширенными от ужаса глазами, дотягиваюсь до дверной ручки. Медленно ее поворачиваю, слышу щелчок замка, и дверь на дюйм приоткрывается. В этот же момент, я оказываюсь спиной, прижатой к твердому телу. Чья-то рука сильнее прижимается к моему рту, и я борюсь. Дыша в основном, через нос, я несколько раз дергаюсь, перед тем, как прямо возле уха слышу голос Твитча:

— Остановись. Смотри. Лекс, все в порядке.

Я продолжаю бороться, и его рука на моем рте напрягается. Слезы льются из моих глаз, и я вся дрожу. Прижимая меня лицом к своей щеке, он нежно укачивает меня из стороны в сторону:

— Шшшш. Просто смотри.

Закрыв глаза на некоторое время, я понимаю, что ничего не получится, пока я не сделаю так, как говорит он. Так что, все еще всхлипывая, я открываю глаза и внимательно смотрю через щелку в двери.

Мое сердце пропускает удар. Гнев растекается по моим венам, опалая изнутри, как жидкая лава. Я потрясена. И мое сердце разбито.

Мне нужно позвонить в полицию.

Лекси напряжена всем телом и дрожит от беззвучного крика, когда мы смотрим сквозь щелку в двери. Крепко обнимая, я покачиваю ее, надеясь, что это ее успокоит.

Я не очень хорош в таких вещах.

Это неприятное зрелище. И часть меня просит Бога, чтобы она прошла через это со мной. Независимо от ее уверенности в том, что она сильная.

Она — идеальна.

Я знаю, что она переживет это.

Это слишком, чтобы понять. Но она найдет способ справиться. Я знаю это. И я буду здесь, чтобы все время направлять ее.

Закрыв глаза, я пытаюсь блокировать картинки, которые врезались в мой мозг. Неспособная удержаться, я беззвучно кричу и мое тело трясется рядом с высоким мужчиной, к которому я внезапно чувствую ненависть.

Я ощущаю тошноту. И беспомощность. И печаль.

Но, моя ненависть к Твитчу сильнее всех этих чувств.

Накрыв одной рукой мой рот, другую он протягивает мимо моей груди, чтобы взять меня за плечо, и в тоже время нежно покачивает меня, воркуя:

— Шшшш, Ангел. Я знаю, это жестоко. Мне просто нужно, чтобы ты понаблюдала чуть подольше.

Я плачу еще сильнее.

Кто это чудовище?

Я знаю, у Твитча есть проблемы. Глубоко посеянные проблемы. Но я никогда не думала, как далеко зарыт их корень. Я должна была послушать Никки, когда она сказала мне не делать из этого мужчины проект.

Его губы касаются моего уха, и он шепчет:

— Ты должна доверять мне, Лекс.

Его голос умоляет меня:

— Открой глаза.

Я хочу завизжать «Пошел на хрен»... но что-то в его голосе говорит мне, что стоит послушаться его. Так я и делаю.

И мое горло сжимается. Так сильно, что я не могу сглотнуть. Картина передо мной просто ужасающая.

Линг лежит на животе посреди королевского размера кровати, стоящей в пустой комнате. Ее маленькое черное платье разорвано, и лохмотьями свисает на ее практически голом теле. Одна длинная шелковая перчатка снята, а другая свешивается с ее напряженных пальцев. Ее симпатичное личико искажено от мучений и страданий, которые она испытывает в данный момент.

Мое сердце разбивается из-за нее.

Я не могу моргнуть, и одинокая слеза скатывается вниз по щеке.

Я хочу крикнуть. Я хочу, чтобы она знала, что не одинока. Я хочу позвать помощь. Но прежде всего я хочу выбить дерьмо из этой скотины, которая удерживает одну ее руку за спиной, и в тоже время жестко врывается в нее.

Нет, поправочка. Я хочу убить этого мужчину.

Я уверена, что, если бы сейчас при мне был пистолет, я бы использовала его. Не оборонялась. Не калечила. Просто убила бы.

Мой взгляд на какой-то момент блуждает по ее телу, прежде чем возвратиться к ее лицу. Вялым и искаженным голосом она тихо рыдает, умоляя:

— Пожалуйста, пожалуйста, остановись. Не делай этого.

Твитч как будто чувствует, что моя решительность на исходе, еще сильнее прижимая

руку к моему рту, и шепчет:

— Еще немного. Потом мы уйдем отсюда.

Но я не могу помешать моему телу реагировать. Выкручивая свои руки, так сильно, как только могу, я начинаю бороться с крепким мужчиной. Напрасно. Когда он сильно кусает мое ухо, из меня вырывается приглушенный вскрик. В этот момент он рычит:

— Она хочет этого. Смотри!

О, боже. Он один из этих парней психо-сталкеров, которые насилуют женщин, а потом говорят, что те сами хотели этого.

Мужчина, удерживающий Линг в два раза больше нее, и нет никакой возможности, чтобы она могла побороть его, даже если бы захотела. Желудок ухает вниз, когда я переносусь на несколько недель назад, когда Твитч спас меня от этого... этого... гребаного монстра, напавшего на меня.

Так почему он не помогает сейчас?

Мужчин держит ее руку в неудобном положении за ее спиной, в то время, как толкается в нее. И с каждым его толчком, на ее, измазанном тушью лице, появляется боль. Весь ее подбородок в губной помаде. У мужчины на груди отчетливо видны царапины, покрытые темно-красной кровью, и мне становится чуть лучше от понимания того, что она его пометила.

Внезапно, Линг отводит свободную руку назад, и кулаком ударяет его в бедро. Попытка настолько вялая, что ее рука просто тут же падает на кровать. Она истощена. Из-за борьбы.

Я не могу больше смотреть.

Закрываю глаза, а Твитч передвигает руку с моего рта на подбородок, крепко хватаясь за него, и почти со всей силы встряхивая:

— Я сказал тебе смотреть. Смотри, бл*дь, сейчас же.

Я открываю глаза еще шире, и то, что я вижу, все меняет.

Глаза Линг широко раскрыты, а ее рот округляется в форме буквы “О”, и она говорит:

— Сделай это. Сделай, ублюдок.

Мужчина ухмыляется, переворачивает ее, и продолжает погружаться обратно в маленькую и бессильную Линг, потом отводит руку и вlepляет ей пощечину.

В ушах я чувствую нарастающее давление, а глаза вытаращены от шока. Я не могу поверить тому, что вижу.

Она громко вздыхает, а затем похотливо стонет. Мужчина склоняется над ее маленьким телом, и трахает ее жестче. Трахает так, как будто ненавидит ее. Его слишком мускулистые руки находятся по обе стороны от ее головы, поддерживая ее, она слегка приподнимается, и их рты сталкиваются в обозленном поцелуе.

Внезапно я чувствую себя смущенной. Как будто вторгаюсь в особый момент между ними. Я даже не замечаю, что Твитч больше крепко не сжимает меня, но обеими руками обнимает за талию, а губами касается моего виска.

Мужчина рычит, и я возвращаюсь к шоу в прямом эфире. Глаза Линг вспыхивают от возбуждения, после чего ее лицо вновь искажается в страхе. Как актриса, она умоляет:

— Больше не надо. Пожалуйста! Не надо. Я не вынесу этого.

Мужчина рукой гладит ее по щеке, по которой прежде ее ударил, секунду лаская, чтобы потом вновь ее убраться, и на сей раз я уже не смотрю. Закрыв глаза, я блокирую изображение того, что сейчас произойдет.

Пощечина.

Хныканье заполняет пространство, и Линг выкрикивает:

— О, боже! Да!

Взглянув украдкой, я наблюдаю, как спина Линг приподнимается над кроватью, ее веки трепещут, прежде чем она начинает безудержно дергаться, постанывая. Мужчина стискивает зубы:

— Бл*дь, да. Кончи на мой член, детка.

Он застывает, а его задница сжимается, он запрокидывает назад голову, и рычит, когда его тело начинает судорожно толкаться в истощенное тело Линг.

Чувствуя себя столь же изнуренной, как и эти двое, тяжело дышащие, и лежащие на кровати, я ослабеваю от такого потока эмоций, который мчался в моей голове. Я прислоняюсь к Твитчу. Он сжимает мою талию, и ведет меня назад в спальню, подальше от этого бардака.

Я знаю, что он хочет.

Я знаю, что это должно произойти. Но боюсь этого разговора.

Чертова Линг.

Всегда все мне портит. Всегда портит то, что важно для меня. Я не имею понятия, почему она все еще рядом со мной. Сука доставляет больше проблем, чем стоит.

Ты знаешь, почему держишь ее рядом с собой.

Ага. Думаю, что знаю. Мы во многом похожи. Не во всем, но мы понимает друг друга.

Сжав талию Лекси, я веду ее вниз по коридору, пока мы не останавливаемся у моей комнаты. Медленно, чтобы не напугать ее, я тянусь к дверной ручке, и открываю дверь. Не говоря ни слова, она позволяет мне завести ее внутрь, и я захлопываю за нами дверь.

Отойдя от Лекси, я иду к кровати, и сажусь на край. А Лекси просто стоит там, около комода, вглядываясь в пустоту.

— Лекси, подойди сюда.

Ничего. Она стоит там же, где и стояла. Свет в ее глазах потускнел так сильно, что я задаюсь вопросом, а не слишком ли быстро я ее сломал в нашей игре.

— Лекси, подойди. Посиди со мной. Мы поговорим.

Две эмоции, облегчение и разочарование, прошли сквозь меня, когда она сдвигает брови:

— Я-я не понимаю, — тихо говорит она.

Я отвечаю:

— Ты и не поймешь.

Делая шаг назад, Лекси упирается в комод:

— Он причинял ей боль. Он... — ее взгляд делается расфокусированным. — И она... Он бил ее, и она... Я не понимаю.

Мне не нравится, что прямо сейчас она выглядит так молодо. Это возвращает меня в мое детство. В место, которое я глубоко похоронил. Встав, я какое-то время рассматриваю ее. Мой ангел. Сегодня она великолепно выглядит. Как всегда. Но прямо сейчас она похожа на падшего ангела.

Опустошенного. Трясущегося. Несчастливого. Это ужасно, но мне нравится.

Я умоляю мой член не реагировать, но это невозможно. Он дергается в моих трусах, и я подхожу к ней на несколько шагов. Я не буду умолять. Я не попрошу. Я пойду на уступки. Только сегодня. Протягивая ей руку, я ласково приказываю:

— Возьми меня за руку.

Наконец, она смотрит на меня, ее голубые глаза выглядят слишком бледными, и теперь этот подавленный взгляд начинает меня беспокоить.

Нет. Мне это не нравится.

Протягиваю к ней руку, и она очень долго смотрит на нее, прежде чем шепчет:

— Ты знал. Ты-ты знал.

Я киваю:

— Да. Мы сможем обсудить это, когда ты не будешь находиться от меня так далеко.

Отстраняясь еще дальше, она спрашивает:

— Что, если я не хочу обсуждать это?

Мне не нравится, когда мне перечат. Стиснув зубы, я подавляю раздражение, решительно говоря ей нежным и спокойным голосом:

— Нам нужно обсудить это.

Ее глаза сверлят мои. В ее них так много печали.

Двигаясь медленно и неуверенно, свою маленькую ручку она вкладывает в мою. Осторожным движением я обнимаю и притягиваю ее к себе, и веду обратно к кровати. Сев, я устраиваю ее на своих коленях, постукивая пальцами по ее левой руке, потом говорю:

— Ты не поняла то, что увидела.

Кивнув, она подавлено отвечает:

— Нет. Я предполагаю, что нет.

Короткая пауза.

— Ты знал, что ее нравятся такие вещи?

Я не отвечаю. В этом и есть мой ответ.

Лекси напрягается. Она шепчет:

— Ты...? Я имею в виду, как ты узнал?

И еще раз я позволяю молчанию быть моим ответом.

С трудом сглатывая, она продолжает:

— Я поняла.

Мое сердце внезапно начинает сильно колотиться. Это настолько незнакомое чувство, что потрясает меня. Я понимаю, что это чувство — беспокойство.

Я теряю ее.

Успокоившись, я объясняю:

— Линг сломлена. То, через что она прошла, я честно говоря, не знаю, как она вообще осталась жива. Я не говорю, что ее пристрастия нормальны или естественны, я говорю, что не надо судить ее слишком строго. Она не настолько плоха.

Лекси напрягается сильнее:

— Как ты мог делать такое с ней?

Обняв ее за талию, как будто это остановит ее от побега, я честно отвечаю:

— Потому что она хотела этого. Это происходило по обоюдному согласию, даже если это так не выглядело. Линг достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения, и, в любом случае, она не немая или умственно отсталая.

Продолжаю отвечать так же зверски честно:

— Это, на самом деле, легко. Это было горячо. Это возбуждало меня. Я наслаждался этим, и хотел повторять.

Ее грустный взгляд встречается с моим:

— Ты бил ее?

— Да. Несколько раз. Возможно, даже жестче, чем это делал он.

Она кивает, и в ее глазах появляется испуг:

— Ты будешь меня бить?

Борясь, и пытаясь удержать свой гнев под контролем, я спрашиваю:

— Ты хочешь, чтоб я бил тебя?

И ее ответ — настоящее спасение. Ее ответ говорит мне, что я не потерял ее. — Не так.

Облегчение накрывает меня, и я тяну локон ее волос.

— Лекси, я хорошо понимаю людей. Когда мы вместе, я понимаю, что тебе нравится, а что нет. Я знаю, о чем ты думаешь, что тебе не нравится, и что ты просто боишься попробовать. Я знаю, какие шаги предпринять, чтобы тебе понравилось, — позволяю ей впитать это, и продолжаю: — Я буду шлепать тебя. Буду грубым с тобой. Я буду раздвигать

твои границы. Но обещаю, что, если ты дашь всему этому шанс, тебе так же сильно понравится принимать это, как мне отдавать.

От тяжелого дыхания грудь Лекси вздымается.

— Что, если ты понял меня неправильно? Что, если перегнешь палку?

Поднимая руку, я хватаю ее за подбородок, смотрю в глаза и серьезно спрашиваю:

— Тебе нравится то, что мы до сих пор делали?

Она колеблется, и я знаю, что она хочет солгать, поэтому так удивляюсь ее ответу.

— Да. Нравится. Ты возбуждаешь меня. Ты настойчив. И, отчасти, ты сильно пугаешь меня. Но мне это нравится.

То, что я слышу, заставляет меня почувствовать себя лучше. Даже слишком. Зарывшись лицом в ее шею, я целую чувствительное местечко, и улыбаюсь от того, что ее тело вздрагивает. Ее следующий вопрос приводит меня в ярость:

— Так значит, тебе нравится делать такое? Ты Дом?

Поднимая голову от шеи Лекси, я сердито смотрю на ее горло. Мое раздражение еще заметнее, когда я резко отвечаю: — Знаешь, что я не люблю больше всего? Ярлыки.

Она хмурит брови:

— Ярлыки?

Кивнув, я повторяю:

— Ярлыки, — рассердившись еще сильнее, я с напором продолжаю: — Мне нравится то, что мне нравится, я никак не оправдываю это. Считается ли нормальным то, что мне нравится? Вероятно, нет. Да, я думаю, ясно-понятно, что мне нравится все контролировать. Я — Дом? Нет. Имеет ли это какое-то значение? Нет. Потому что я реально не нуждаюсь в ком-то, кто бы меня понял, пока я не захочу этого.

Мой гнев выходит на новый уровень: Халк.

— Кто, бл*дь, имеет право судить меня? Вешать на меня ярлыки? Никто не знает меня достаточно хорошо, чтобы делать это, а люди, которые меня знают, понимают, что не стоит навешивать на меня ярлыки. Так что, если ты достаточно умна, Лекс... ты не будешь этого делать.

Лекси пытается встать. Но я не позволяю ей. Моя рука крепче сжимается вокруг ее талии, и я слышу панику в ее голосе:

— Мне нужно, чтобы ты отпустил меня. Я не могу думать, когда ты так близко. Мне... мне действительно не понравилось то, что я увидела, Твитч. Мне нужно время подумать. Время побыть наедине с собой.

Изо всех сил стараюсь подавить гнев, я отвечаю ей:

— Ты сможешь подумать позже. Сегодня ты останешься со мной. Я уже попросил Хэппи, чтобы он организовал машину для Никки и Дэвида.

Ее тусклые глаза освещаются гневом:

— Почему ты...? Почему ты думаешь...?

Наимилейшее рычание вырывается из ее горла, и она встает, отталкивая мои руки со своей талии. Лекси начинает вышагивать передо мной.

— Слушай, я знаю, я не раздувала проблемы из-за тебя, когда ты начал наблюдать за мной. Но дерьмо! Это жутко, когда задумываешься об этом. Я не понимаю, почему не чувствую опасность рядом с тобой, но уверена, что это как-то связано с тем, что ты спас меня от того мудака, который пытался изнасиловать меня.

Чувство, которое я не привык ощущать, появляется во мне. Чувство вины. Она

продолжает:

— Мне нужно, чтобы ты знал, что я на данный момент чертовски не в себе. Я не буду лгать. Ты интригующий, и привлекательный... ладно... восхитительный. И я надеялась узнать тебя лучше. Но теперь... — Лекси перестает расхаживать, смотрит мне в глаза, и тихо говорит: — ...теперь я не так в этом уверена.

Женщины — сложные существа. Я не знаю, что делать с этой информацией. Эта информация кажется бесполезной для меня, но что-то внутри говорит мне прислушаться к ее словам.

Трясущиеся руки Лекси сжимаются, и она выкручивает их:

— Мне нужно идти. И побыть вдалеке от тебя. Мне нужно подумать, и даже при том, что ты каким-то образом нравишься мне, ты... — она с трудом сглатывает: — ... Твитч, я не думаю, что ты мне подходишь.

Я стискиваю губы, и прежде, чем могу придумать ответ, дверь за ней закрывается. Я потерял ее.

Как только я замечаю улыбающегося Хэппи, который стоит на нижней площадке лестницы, он бросает взгляд на мое лицо, и его улыбка превращается во взволнованную. Встретив меня на последней ступеньке, своей большой рукой Хэппи обнимает меня за плечи, и меня одолевают эмоции. Хватая его за лацкан пиджака, я рыдаю в его грудь, пока он ведет меня через черный ход, около которого меня ждет машина.

Он провожает меня до машины, дает водителю мой адрес, и грустно мне говорит:

— Не каждый может быть сказочным героем.

Хэппи на секунду замолкает, а потом добавляет:

— Мир также нуждается и в злодеях.

Машина привозит меня домой. Я иду в душ, потом переодеваюсь ко сну.

Я из последних сил пишу смс-ки Никки и Дэйву, чтобы они знали, что я дома, потому что плохо себя почувствовала, и чтобы они продолжали веселиться без меня.

Включаю мой CD-плеер, скольжу под одеяло, и моя последняя мысль перед сном — как сильно я буду скучать по Твитчу.

Опускаюсь до уровня, до которого, как я думал, никогда не опущусь. Я размышляю над моим текущим положением. Единственное оправдание для моего мозга состоит в том, что я делаю все это для Лекси.

Она нуждается во мне.

Я нуждаюсь в ней.

Я игнорирую голос моего разума.

Потому что это не так.

Моя кровать прогибается, и большое тело оказывается позади меня, а крепкая рука обнимает меня за талию, притягивая меня в свое тепло.

Стук моего сердца начинает ускоряться.

Потом, я вдыхаю аромат его одеколона.

И сонно спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь?

Покрывая поцелуями мое плечо целую минуту, он отвечает:

— Шшшш. Чем больше ты будешь говорить, тем меньше времени останется подумать.

Так что думай, Ангел. Я пришел, чтобы просто немного поспать.

Мое глупое сердце переполняют чувства.

Твитч старается. Он прилагает усилия. Что-то подсказывает мне, что это важно.

Придвинувшись к нему, я шепчу:

— Ты не отпустишь меня, не так ли?

Зарывшись лицом мне в волосы, он вдыхает их запах и приказывает:

— Спи. Сейчас же.

Не удержавшись, я сплетаю наши пальцы на моем бедре и проваливаюсь в глубокий сон, в его успокаивающую дремоту. Мой разум отдыхает.

Мое сердце довольно.

Сегодняшний день не был так хорош.

Поворачивая налево по коридору, чтобы добраться до офиса Лекси, я останавливаюсь, когда слышу разговор на повышенных тонах. Я хмрю брови.

— Вы просто не понимаете, мисс Балентайн. У меня есть причины. Я не могу вам рассказать. Вы просто должны доверять мне.

Это говорит молодой человек. По голосу я бы сказал, что он подросток.

Лекси отвечает:

— Доверять тебе так же, как ты, очевидно, доверяешь мне? — ее голос пропитан сарказмом. Я стою в дверном проходе, и слушаю эту горячую перепалку.

— Майкл, ты не можешь продолжать прогуливать школу. Мистер Гилберт звонил мне 4 раза на прошлой неделе, чтобы сообщить, что ты опоздал, и мне правда не нравится, что ты лжешь своему директору.

Пауза, затем ее голос смягчается:

— Мы заключили сделку. Ты держишь свой телефон при себе, чтобы я могла в любое время связаться с тобой. Ты, действительно, понятия не имеешь, как много свободы я тебе предоставляю, дорогой. Хочешь узнать, почему я отношусь к тебе по-особенному?

Я заглядываю внутрь.

Майкл сидит, смотря вниз, руки скрещены на груди, подбородок выпячен в соответствии с подростковым демонстративным неповиновением, в то время, как Лекси подходит к нему ближе, и тихо говорит:

— Потому, что ты умный, Майки. Я твой социальный работник уже 2 года, и понимаю, что ты умный, так как вижу это. Я также знаю, что люди делают все, чтобы их жизнь стала легче, но хочу сказать тебе, что очень разочарована тем, где на днях увидел тебя Сэм.

Глаза Майкла раскрываются шире, голова по-прежнему опущена. Он становится нервным и с трудом сглатывает.

В голосе Лекси слышится печаль:

— Я думала, ты больше не занимаешься такими делами. У нас был уговор.

Майкл долго молчит, прежде чем шепчет:

— Иногда хорошие люди должны делать нехорошие дела. Ничего личного. Просто жизнь, мисс Балентайн.

Вот те на. Это жестко. Но он попал в самую точку. Я решаю, что мне нравится этот

ребенок. И Лекси права, он умен.

Не думая, я захожу в офис. Лекси поднимает взгляд, и ее глаза делаются больше. Она тепло улыбается, а затем ее лицо выражает ошеломленное неверие. Подойдя ко мне, она шипит:

— Что ты здесь делаешь?

Поднимаю руку, прерывая ее речь, затем иду вперед, останавливаясь перед Майклом.

— Мальчик, встань.

По-прежнему, сидя со скрещенными руками, он осматривает меня снизу-вверх, прежде чем закатывает глаза, и фыркнув, встает. Я спрашиваю:

— Сколько тебе лет?

Смотря в сторону, и играя в "мне все это не интересно", он отвечает:

— На следующей неделе мне будет 17.

— Тебе нужны деньги?

Он поднимает взгляд вверх. Да.

Я распознаю отчаяние, когда вижу это.

Я говорю:

— Тебе нужны деньги. — принимая поспешное решение, я добавляю: — Ты просто выходишь из дела. Скажешь Фрэнку или Хамиду, что ты больше не работаешь. Скажешь им, что теперь работаешь на Твитча, и они отстанут от тебя.

Глаза Майкла комично расширяются, очевидно, в шоке от того, что я знаю имена двух крупных дилеров Сиднея. Он заикается:

— П-по-почему? Вы даже не знаете меня. Почему вы предоставляете мне работу?

Не моргнув глазом, я отвечаю:

— Потому что Лекси права. Ты слишком чертовски умен, чтобы торговать наркотиками на улицах Сиднея. Будешь работать на меня, и мы найдем для тебя что-нибудь получше. Вначале ты не будешь делать что-то серьезное, но главное, с чего-то начать.

Он рассматривает сначала татуировки на моей шее, потом на руке. Его взгляд движется обратно к моему лицу, и я чувствую, что он разглядывает маленькую цифру "13" на моей щеке.

Он сдался. И быстро. Я ожидал, что он будет бороться.

Я решительно спрашиваю:

— Ты согласен или нет? Так как если ты не согласен, я могу тебе сказать, что ты никогда не получишь другого подобного предложения. Я забочусь о своих сотрудниках, Майкл, и поэтому они от меня не уходят.

Майкл с секунду выглядит неуверенным. Он спрашивает:

— Что это вам даст?

Я сдерживаю улыбку.

Умный ребенок. Я знал, что он мне понравится.

— Молодого сотрудника, которому нравится учиться. Кого-то со свежим, неиспорченным умом, чтобы я мог научить тебя отучиваться от дерьма, которому тебя уже научили. Сотрудник, который проложит себе путь вверх. Сотрудник, который однажды, смог бы занять мое место.

Глаза Майкла одновременно становятся полными надежд, и задумчивыми, и я понимаю, что убедил его.

Он кивает, и я улыбаюсь:

— Хорошо, — я вручаю ему визитку, и объясняю: — Вот твое новое место работы. Ты каждый день будешь приходить после школы, и работать со мной до 8 вечера. Я сам буду довозить тебя до дома, так что тебе не следует об этом беспокоиться. Если в конце года ты решишь, что работать со мной — это то самое, как ты видишь свое будущее, ты можешь закончить школу, и я оплачу твое образование в TAFE или в университете. Ну как?

Его лицо выражает недоверие, и он медленно кивает. Осмотрев его одежду, я говорю ему:

— И, Майкл, оденься прилично.

Его лицо вытягивается, и я хочу себя стукнуть. С моей стороны это было бесчувственным.

Доставая из заднего кармана бумажник, я беру из него пять сто долларовых купюр, и кладу их в его руку:

— Как я и сказал, оденься прилично. И подстригись. Ты выглядишь, как чертов хиппи. Опешил.

Это единственное слово, которое подходит к выражению его лица.

Он моргает, смотря на деньги, и крепко сжимая их. Быстро придя в себя, он говорит:

— Спасибо... Твитч.

Я быстро добавляю:

— Зови меня мистер Т.

Смотря на меня, он говорит:

— Спасибо мистер Т. Я обещаю, что не разочарую вас.

Я показываю ему маленькую частичку настоящего меня, угрожая:

— Ты не разочаруешь меня, Майкл. С твоей стороны, это было бы очень глупым.

Выглядев слегка напуганным, он тихо отвечает:

— Да, сэр.

Да, сэр.

Мне нравится это. Это была хорошая идея.

— И, если у тебя есть даже легкое подозрение, что ты можешь опоздать, даже на минуту.... — я жду, чтобы удостовериться, что он меня слушает. Он быстро кивает, и я продолжаю:

—...Ты позвонишь мне, и ты позвонишь мисс Балентайн. Мне плевать, который час ночи или дня. Ты, позвонишь, черт побери. Понял?

Он решительно кивает. Желая успокоить его, я кладу руку ему на голову, и взъерошиваю его неопрятные каштановые волосы:

— Ну все, мальчик. Ты можешь идти. Увидимся в понедельник.

С глазами, прикованными к деньгам в руке, он берет свой школьный рюкзак, и закрывая за собой дверь, выходит из кабинета,

Я глубоко вдыхаю, затем медленно выдыхаю, надеясь, что я принял правильно решение. Парень умный. У него острый язык, но он уважителен.

— Что это было?

Ах, Лекси.

Теребя запонку, я отвечаю ей:

— Ты была здесь, детка. Просто дал парню работу.

Пересекая кабинет, она останавливается прямо передо мной. Лицом к лицу.

И это вызывает у меня улыбку. Настоящую улыбку.

Она такая маленькая. Её руки на бедрах, ее лицо искажено недовольной гримасой, она выглядит разозленной на меня. Я не понимаю, почему она злится на меня, но ее состояние меня слегка возбуждает.

Мои глаза вспыхивают.

Присев на край ее стола, и раздвигая колени, я приказываю:

— Иди сюда, Лекси.

Она наклоняется вперед, и шипит:

— Нет! Я не буду выполнять «иди сюда, Лекси», только потому, что ты так сказал! Я все еще изо всех сил пытаюсь понять, если я не хочу, чтобы он продавал наркотики, почему ты дал работу семнадцатилетнему мальчику, чьим соцработником я являюсь уже два года!

Подождите-ка.

Я скрещиваю руки на груди, отклоняюсь чуть назад, и рассматриваю пол, сжимая губы.

— Ты думаешь, я дал Майклу работу продавца наркотиков? — я смотрю на нее, нахмурившись. Ее глаза теряют злость:

— Ну, я так думала. Пока ты не сказал вот это.

Она поднимает руку, и зажимает переносицу:

— Проклятье, теперь я просто запуталась.

Восхитительно. Правда.

— Детка, я дал мальчику работу. Легальную работу. Ему нужны для чего-то деньги, и он достаточно отчаялся, что начал работать на улице. Этого больше не будет. Он будет моей тенью, своего рода моим личным помощником. Ты сама сказала, что он умен. Ему нужно что-то получше, чем продажа наркотиков. И я обещаю, если он будет усердно работать, я буду заботиться о нем. Он пойдет учиться, и получит степень. Он будет обеспечен, работая со мной.

Выражение ее лица смягчается, но глаза по-прежнему смотрят с подозрением. Закатывая глаза, она спрашивает с сарказмом:

— Так что? Ты теперь собираешься дать работу всем моим детям?

Я быстро спрашиваю ее на полном серьезе:

— Это сделает тебя счастливой?

Если да, то черт возьми, я сделаю это.

Для нее. Я сделаю это.

Не отвечая на этот вопрос, она качает головой, и ее лицо снова становится милым:

— Извини. Я сделала поспешные выводы, и это правда, дерьмово. Я рада, что Майкл будет работать на тебя вместо продажи наркотиков. Это было мило. Так что, спасибо тебе, Твитч.

Похлопывая по коленке, я говорю еще раз:

— Иди сюда, Лекси.

Смотря мне в глаза, она делает два шага вперед и оказывается между моих ног. Наклонившись, я трусь кончиком своего носа о ее нос, и шепчу:

— Ты, правда, довольна этим, или просто так сказала?

Ее глаза закрываются, теперь она трет свой кончик носа об мой, и хрипло говорит:

— Я правда, правда, правда довольна.

Я издаю тихий рычащий звук.

Эта маленькая женщина пробуждает во мне что-то неистовое, агрессивное.

— Так ты благодарна мне?

Она открывает глаза и кивает. Отстранившись от нее, я смотрю на нее полуприкрытыми глазами, и очень медленно спрашиваю:

— Достаточно благодарна, чтобы пососать мой язык?

Ее дыхание сбивается, а глаза вспыхивают самым ярким оттенком голубого. Я широко улыбаюсь.

Ей нравится это.

Наклонившись ближе, я наклоняю к ней свое лицо, пока наши носы не соприкасаются. Открыв рот, я облизываю ее нижнюю губу. Ее губы чуть-чуть приоткрываются, и проскальзываю языком в ее рот. И она вздыхает.

Она, бл*дь, вздыхает.

Как будто мой язык — долбаный подарок. Самый лучший подарок, который она когда-либо получала.

Ее губы окружают мой язык, и она посасывает его очень, очень нежно. Мой уже мучительно-твердый член дергается в трусах. Я жажду ее. Я хочу потрогать ее, но это она показывает мне свою благодарность. Мои пальцы впиваются в стол, чтобы я мог удержать себя, и не поцеловать ее в ответ.

Она начинает сосать немного сильнее. Ее губы божественны. Она кладет руки мне на щеки, и слегка наклоняет голову, потом сосет еще сильнее, засасывая его так глубоко, что наши губы встречаются.

Это самый эротичный опыт в моей жизни.

Она мяукает, и я отстраняюсь. Красиво покрасневшая, она открывает глаза, и я облизываю губы.

Я пробую клубничный блеск для губ.

Прочистив горло, я говорю:

— Благодарность продемонстрирована. Теперь тоже скажи мне “спасибо”, детка.

Просить ее, чтобы она поблагодарила меня за то, что я позволил ей пососать мой язык, конечно слишком, я признаю это. Но она моргает, прежде чем нежно, почти мечтательно сказать:

— Спасибо тебе, Твитч.

И мой член скоро взорвется.

Мне нужно выметаться отсюда. Я встаю, застегивая пиджак:

— Детка, меня ждет куча дел. Я позвоню.

Становясь собой обычной, она улыбается:

— Нет, ты не позвонишь.

Улыбаясь в ответ, я отвечаю:

— Нет, не позвоню.

Затем поворачиваюсь, и покидаю девушку моей мечты.

Покинув офис Лекси, я возвращаюсь на работу, к Хэппи, который оттаскивает меня в сторону для личного разговора:

— Ты разобрался с девчонкой?

Уставившись на него, я рассматриваю его лицо. Я криво улыбаюсь.

Что, бл*дь, это с ним?

Когда он ловит мой взгляд, он также смотрит на меня в ответ:

— Не смотри на меня так. Это мое дело, также как, и твое. Ты помнишь, что я тоже владелец этой гребаной компании? Помнишь, почему ты обратился ко мне? Ты слишком импульсивен. Даже психически неуравновешен. И ты это знаешь. Я просто хочу защитить мои инвестиции. Мужик, я не позволю тебе все испортить. Люблю тебя, как брата, но я не позволю тебе это сделать.

Не поз... Не позволит мне?

Я шагаю к нему, огонь вспыхивает в моих глазах, он что-то кладет мне в руку. Часть меня умоляет отступить мою злую часть. Но злая часть... она всегда выигрывает. Глянув на визитную карточку, ярость захватывает мой разум. Подняв кулак, я бью моего друга, и попадаю куда-то в область рта. Споткнувшись, он падает на задницу. Игнорируя мои пульсирующие костяшки пальцев, я сжимаю руку, чтобы облегчить боль, затем кидаю карточку ему на грудь.

Мой взгляд сосредоточивается на крови, капающей из его рта, я сжимаю руки в кулаки, и считаю до десяти, чтобы не накинуться на него еще раз. И еще раз. В голове стучит от необходимости сделать именно это.

— Друг, не нужно мне говорить о чертовых врачах.

Я сказал “друг” так, чтобы это звучало, как будто он совсем и не друг.

— Я в порядке. Я, черт возьми, здоров.

Хэппи встает, из кармана рубашки вытаскивает носовой платок, и тяжело дыша, вытирает им кровь на губе.

— Вот поэтому, бро, я думаю, что тебе надо кое-кого посетить.

Мы смотрим друг на друга.

— С тобой не все в порядке. Я не думаю, что с тобой было все хорошо хоть один день в твоей жизни.

Хэппи мой друг, а также он заноза в заднице. Отворачиваюсь, чтобы позволить себе успокоить чудовище, которое живет в моей голове. Я глубоко вздыхаю:

— Никаких врачей. Вопрос закрыт. Что сегодня на повестке дня?

Он сразу же отвечает:

— Наведение порядка. Склад А.

Мои брови поднимаются, а на лице появляется садистская улыбка.

Похоже, в конце концов, я смогу на кого-то направить свою злость.

Сидя на складном стуле за пять долларов из хозяйственного магазина, я чувствую, как растет мой гнев, когда смотрю на предателя, который напрасно пытается рассказать свою историю. Но он лжет.

Я rozpoзнаю ложь. Я король лжи. А он действует мне на нервы. Хэппи пинает его под колени. Он падает на них.

Пухленький мужичок среднего возраста дрожит, умоляя:

— Мистер Т, пожалуйста, не делайте это. Моя семья, они...

Он прикусывает язык, после того, как упомянул про семью. Как будто я приду за ними. Парень совсем меня не знает. Это не мой стиль.

Заведя руку за спину, я вытаскиваю из моих слаксов свою полуавтоматическую пушку 32-калибра. Она красавица, но моя любимая — 45. Я не буду использовать мою малышку на этом куске дерьма. Я не хочу ее замарать его мерзкой кровью.

Смотрю вниз прямо ему в глаза. Я удерживаю его взгляд.

Используя ствол пистолета, я рассеяно почесываю им мой висок, и спрашиваю еще раз:

— Что ты рассказал Хамиду, Патрик? И не говори «ничего», потому что фотографии не лгут. И по тому, как он качал головой, и улыбался, как будто выиграл в гребаную лотерею, я знаю, ты что-то ему рассказал.

Он дрожит, и плачет. Сопли вытекают из его носа прямо в рот.

— Ничего? Ты не сказал ничего?

Встав, я делаю к нему два шага, и вздыхаю на его плачевное состояние:

— Ничего личного. Просто бизнес.

Подношу дуло пистолета к его лбу, глубоко вдыхаю, и закрываю глаза. Выдох.

Раздается выстрел.

Улыбаясь как идиотка, и витая в облаках, я иду, чтобы провести немного времени с Никки. Действительно, мне необходимо это после всего произошедшего на этой неделе.

Каждую неделю мы с Никки обязательно встречаемся в местном кафе. Где-то, где сможем посидеть и вдали от шума провести наш ланч.

Помешивая кофе, и избегая моего взгляда, она выглядит виновато.

— Я ничего не знала об этом парне, и это меня волновало. Я... — она кашляет, — Я поспрашивала тут и там...

Я прерываю ее, задыхаясь:

— Никки, ты не могла.

Подняв руки вверх в успокаивающем жесте, она добавляет:

— Я не могла позволить лучшей подруге встречаться с кем попало, не так ли? Ничего не вышло, крошка, так как я ни черта не узнала. Люди знают его. Люди знают о нем. И люди предпочтут проглотить бритвенное лезвие, чем рассказать что-то о Твитче. Вывод: он не только жуткий, но еще этот мужчина зарыл свои секреты глубже, чем священник из Ватикана.

Я не знаю, что делать с этой информацией. Поэтому не делаю ничего.

Я меняю тему:

— Ты понимаешь, что через две недели твой день рождения?

Она закатывает глаза:

— Да, мам, я понимаю, но даже не пытайся сменить тему, крошка.

Хитро улыбаясь, она шепчет:

— Какой он?

Она умрет, если не узнает. Я чувствую, это желание все узнать, исходит от нее волнами.

Подумав, я вздыхаю, и растворяюсь на стуле:

— Когда все хорошо, тогда это самая лучшая и самая прекрасная вещь, которую я когда-либо испытывала. Так хорошо, что мне становится жаль тех людей, которые не испытывали подобного.

Она широко улыбается, и я продолжаю:

— Но, когда все плохо... Ники, все плохо. Чертова греческая трагедия. Это ужасает. И действительно, чертовски пугает, — помешивая кофе, который в принципе, больше не нужно мешать, я шепчу: — Он пугает меня.

Я наблюдаю, как улыбка сползает с ее лица. Теперь она выглядит обеспокоенной.

Я тянусь через стол, беру ее за руку, и честно говорю:

— Но эти хорошие моменты... — я мечтательно вздыхаю. — Я смогу пережить плохие, так как у меня есть хорошие. Потому что хорошие моменты — умопомрачительны. Так что ты должна понять, что я собираюсь плыть по течению, и брать то, что предлагают.

Никки все еще выглядит обеспокоенной, но в ее глазах появляется мечтательность. Вот то, что я обожаю в Никки. В душе она романтик.

— Ладно, крошка. Ты умнее всех моих знакомых, так что, несмотря на то, что я беспокоюсь за тебя, знаю, что ты все сделаешь правильно. Но обещай мне одну вещь: если все станет слишком напряженным, ты бросишь все это, даже независимо от хорошего.

Я сразу же отвечаю:

— Обещаю.

А потом я задаюсь вопросом, почему я лгу в лицо моей лучшей подруге

У мальчика есть еще пять минут, чтобы сюда добраться, или он уволен. А это дерьмовое начало первого рабочего дня.

Он не позвонил, даже зная, что опаздывает, и я официально разозлен. Если он еще не понимает, что глубоко в дерьме, то скоро это поймет, как только придет.

Внезапно зазвонил мой телефон.

Лекси: Как проходит первый рабочий день Майкла? Пожалуйста, будь с ним любезным. Твитч, он хороший ребенок.

Мой гнев слегка угас.

Я не понимаю, как у нее это получается, но она просто делает это. Она — мой личный способ управления гневом.

И она боится тебя.

Из-за этой внезапной непрошенной мысли я хмурюсь.

Я: Я напишу тебе, как только он появится.

Она тут же отвечает.

Лекси: Пожалуйста, не делай ничего необдуманно. Прошу..

Как только я начинаю набирать ответ, дверь моего кабинета открывается, и с опущенной головой входит Майкл, медленно заходя в мой кабинет. Я быстро печатаю Лекси.

Я: Он здесь. Успокойся, мама медведица.

Поднимаясь, я говорю ему:

— Рад, что ты, наконец, пок...

Я замолкаю на полуслове, когда он подходит ближе ко мне, и замечаю распухшую губу. Встречаю его на полпути, и хмурюсь, когда, аккуратно приподнимая его подбородок,

смотрю ему в лицо. Сжав челюсти, он закрывает глаза и позволяют мне осмотреть его.

Под одним глазом у него чернеет пятно гематомы, сломан нос, и разбита губа.

Дерьмо.

Кто-то поработал на нем кулаками. Они повсюду неслабо побили его. Мне интересно, насколько хреново выглядят остальные части его тела прямо сейчас, но я не буду спрашивать. Я не хочу забирать у него то, что осталось от его достоинства. Парень выполнил то, как я ему и сказал, он купил новую одежду, и сделал аккуратную, короткую стрижку. Новые джинсы порваны, его новые кроссовки сбиты, а белая майка-поло запачкана кровью и грязью.

Отпустив его подбородок, я кладу руки на бедра, и вздыхаю:

— Что случилось, парень?

Он равнодушно отвечает:

— Мне сказали передать вам вот это.

Потянувшись к своему заднему карману, он вытаскивает сложенный листок бумаги, который испачкан кровью. Я беру бумагу, и всматриваюсь в его лицо. Кровь стекает из его сломанного носа, и капает на персидский ковер. Как только он понимает это, поднимает руку к носу, стремясь остановить кровь, и испугано шепчет:

— Извините. Я не хотел.

Подойдя к своему столу, я вытаскиваю из коробки парочку платков, и протягиваю их ему. Трясущейся рукой он берет их, а я озадаченно спрашиваю:

— Ты боишься меня?

Приложив смятый платочек к носу, он спрашивает:

— А должен?

— Честно? Да.

Кивая, он смотрит мне в глаза:

— Хорошо. Тогда да. Я боюсь вас.

Мне нравится этот мальчик. Его дерзость, по идее, должна меня раздражать. Но нет. Разворачиваю записку, и читаю.

“Ты хотел войны, ты получил ее”.

Я уже знаю ответ до своего вопроса, но мне нужно подтверждение этого. Война — это серьезно. В какой-то степени.

— Это от Хамида или Фрэнка?

Фрэнк безобидный. Он никогда бы не написал такого. Его власть досталась ему от отца. Я знаю, что ему не хочется быть в положении, которое ему дали. Я подразумеваю, что он принц мафии. Он принц итальянской мафии, который влюблен в принцессу русской мафии. Если бы им был я, я бы на хрен, застрелился.

Майкл смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и я вздыхаю:

— Хамид, тупой ублюдок.

Это, безусловно, уже слишком для Хамида. Он действует тактикой запугивания. Которая мало чем отличается от моей, но одно мое присутствие внушает страх людям вокруг меня. Я ничего не делаю для этого. А если делаю, то они обычно теряют кое-что. Я имею в виду их жизни. Хамид — иранец, хитрая гребанная крыса. Он нападет на тебя, пока ты будешь стоять спиной к нему. Парень жаждет власти. К черту наркотики. Власть — его главный наркотик. И однажды, это его убьет.

Щуря глаза на своего нового ЛА (прим. пер. — личного ассистента), я с интересом

спрашиваю:

— Если бы у тебя был выбор, сделать что-нибудь Хамиду без последствий, что бы ты выбрал?

Глаза Майкла темнеют:

— Я бы выковырял ему глаза. Чем-нибудь ржавым. И тупым.

Я ухмыляюсь. Я знал, что мне понравится этот ребенок.

Вытаскиваю телефон из кармана, игнорирую входящую смс, и звоню Хэппи. Как только он отвечает, я удерживаю свой взгляд на Майкле и говорю моему деловому партнеру:

— У нас проблема, с которой надо разобраться. Немедленно.

Хэппи отвечает:

— Что случилось?

— Мы возьмем с собой мальчика для... — я ухмыляюсь, — ... обучения. Нам нужно десять мужчин. Вооруженных чем-то видимым. Чем-то большим.

Хэппи смеется:

— О. дерьмо. Кое-кто собирается устроить разборку.

Улыбнувшись, я прикусываю кончик языка:

— Черт да. Ты с нами?

Хэппи становится серьезным:

— Ты ведь знаешь, я прикрою твою спину, бро. Всегда.

И он сделает это. Я не знаю, где был бы сейчас, если бы у меня не было Хэппи и Юлия. Я просто отвечаю:

— Десять минут.

Прислонив краешек телефона к подбородку, какое-то время я нахожусь в таком положении, сжав губы в раздумьях. Указывая телефоном на Майкла, я говорю:

— Приведи лицо в порядок. Мы начинаем обучение через 10 минут.

Выражение неверия на его лицо забавно. Настолько забавно, что я посмеиваюсь, подходя к нему, и похлопываю его по плечу.

— Не беспокойся. Тебе это понравится.

С ухмылкой я покидаю свой кабинет.

Подъезжая на трех внедорожниках к складу, которым пользуется Хамид, мы достаточно эффектно появляемся, чтобы он лично вышел нас поприветствовать.

Хамид стоит в пункте приема, дерзко ухмыляясь, в черных слаксах и черной рубашке. Его волосы торчат на молодежный манер, ничто в нем не выдает его происхождение. Его бледная кожа, зеленые миндалевидные глаза, невысокий рост, и темные волосы никак не выдают его иранскую культуру.

Когда все три машины останавливаются, и десять вооруженных мужчин, плюс один избитый подросток выходят из машин, я клянусь, он покрывается потом.

Он должен.

Сегодняшний день он запомнит на всю, оставшуюся ему жизнь.

Жду своих людей, чтобы они стали в линию позади меня, сначала я щелкаю пальцем на Майкла, затем указываю на место около себя. Он присоединяется ко мне достаточно быстро. Хэппи встает с другой свободной от него стороны, формирую защитный барьер для моего нового сотрудника.

Как только Хамид все это видит, он понимает, что совершил ошибку. Его глаза вспыхивают, потом щурятся в замешательстве, а затем расширяются, и он с трудом

сглатывает.

Мы подходим к нервничающему мужчине. Он приветствует нас:

— Салам, Твитч, Хэппи. Чем обязан?

Его акцент напоминает, что в Австралии он живет только несколько лет.

Это меня злит. Мой глаз дергается, я стискиваю зубы, и абсолютно спокойно говорю:

— Ты объявил войну. И избил моего личного ассистента, из-за тебя он опоздал в свой первый рабочий день. Я думаю, ты точно знаешь, почему я здесь, Хамид. И ты смеешь приветствовать нас иранскими словами о мире?

Ага, правильно, недоумок. Я знаю, что означает «salam».

Улыбка Хамида исчезает с его лица.

— Я не знал, что он на вас работает. Мальчик...

Майкл перебивает его:

— Вообще-то, босс, это первое, что я ему сказал.

И я хотел рассмеяться от выражения, которое появляется на лице Хамида. Честно, я не так уж и зол, как мог бы, но этот мужик нуждается в уроке «Что происходит, когда ты трогаешь меня и мое».

— Ты должен быть готов к войне прежде, чем объявлять ее. Это правда? — спрашиваю я у Хамида.

Уставившись на Майкла, он отвечает:

— Я думал, мальчик врет, чтобы перестать работать. Я также думаю, что ты нечестно присваиваешь моих людей, хотя бы этого, — он указывает пальцем на Майкла.

— Очевидно, я был неправ. Приношу свои извинения.

Кивая, я показываю рукой на склад:

— Я думаю, нам нужно побольше поговорить об этом. Не так ли?

Не веря моему спокойному голосу, Хамид ненадолго прищуривает глаза, прежде чем улыбнуться:

— Конечно, входите.

Он ведет нас в свой кабинет на складе, затем поворачивается и заявляет:

— Было бы лучше оставить ваших людей снаружи. Я не хотел бы, чтобы мои мулы были обескуражены, и думали, что что-то не так.

Мулы. Так некоторые производители наркотиков называют людей, которые упаковывают товар, а также раздают его дилерам. В любом случае, мои люди здесь, так что я киваю Хэппи, который говорит им подождать нас снаружи.

Майкл пытается остаться с мужчинами, но я кивком головы подзываю его, чтобы заходил со мной. Он торопливо заходит, понутив голову. Когда Хэппи присоединяется к нам, Хамид спрашивает:

— Напитки?

Я хмурюсь. Он, целую минуту наблюдает за мной, потом ухмыляется, и садится за свой стол:

— Вся эта враждебность из-за ребенка?

Мы, все трое, стоим перед столом, и Хэппи говорит:

— Вся эта враждебность из-за войны.

Хамид взмахивает рукой:

— Это было до того, как я понял, что ты не отбираешь у меня людей.

Я говорю:

— Передай Патрику привет.

Хамид бледнеет. Дело в том, что мне пришлось избавиться от одного из своих людей из-за этого мудака, и это раздражает меня. Он заикается:

— Ч-что ты имеешь в виду?

Игнорируя его попытку разыграть из себя идиота, я говорю ему:

— Конечно, сейчас тебе трудно будет связаться с тем местом, где он находится прямо сейчас, — я наклоняю голову на бок, и щурюсь. — Очень трудно. Можно сказать, он ушел... под землю... на какое-то время.

Хэппи добавляет:

— Надолго. Он, возможно, никогда не вернется.

Фальшивая бравада Хамида испаряется, и его лицо приобретает обеспокоенное выражение:

— Я не ходил к нему. Он пришел ко мне! И он не сказал ничего, что я бы уже не знал. Теперь, мы поговорили, и я извинился, и нет никакой потребности в этом. Мы разойдемся, и забудем об этом.

Хоть он и пытался, чтобы это звучало, как утверждение, это все равно было больше похоже на просьбу.

Хэппи и я смотрим друг на друга, прежде чем Хэппи кивает в моем направлении. Я внутренне ухмыляюсь. Обходя стол, я говорю, подходя к Хамиду:

— Знаешь, что? Я думаю, ты прав. Я не думаю, что Патрик сказал тебе что-то, чего бы ты не знал. Но я действительно думаю, что ты знал, почему Майкл ушел от тебя. И я не думаю, что тебе хотелось отдавать парня мне, не так ли?

Хамид хмурит брови, я придвигаюсь ближе:

— И?

Он ехидно отвечает:

— Это не важно, Твитч. Все кончено. Не будет войны. Я не буду извиняться еще раз. И я думаю, тебе и твоим людям пора уходить.

Добравшись до спинки стула Хамида, наконец я наклоняюсь к его голове, и достаточно громко шепчу так, чтобы услышали все.

— В любви и на войне все средства хороши.

Так же быстро, как атакуют змеи, я рукой беру в захват его шею, и сжимаю достаточно сильно, чтобы приостановить поступление воздуха. Хэппи никак не реагирует, зато Майкл шепчет:

— Ни хрена себе.

Хамид начинает цепляться за мои руки. Это ничего ему не дает. И в этот момент, я смотрю на Хэппи и дергаю подбородком. Он подходит, а я в это время тяну Хамида за шею вверх с его стула, и ставлю на ноги. Хэппи обходит его, и занимает мое место, также захватывая его за шею. Тяжело дыша, я говорю Хамиду:

— Знаешь, я мечтаю, чтобы люди перестали вынуждать меня делать подобные вещи.

Дотянувшись рукой до заднего кармана, я вытаскиваю свой складной нож из слоновой кости, и выдвигаю лезвие.

— К сожалению, ты не оставил мне выбора своим откровенным неуважением. А я позволял этому продолжаться слишком долго. Поэтому сегодня я преподам тебе один единственный урок.

Из-за отсутствия воздуха растет давление и его лицо становится темно-бордовым. Он

задыхается, в его глазах появляется страх:

— Что ты собираешься сделать?

Смотрю сначала в его левый глаз, потом в правый, и автоматически заявляю:

— Око за око.

Хэппи сильнее сжимает его горло, запихивает ему в рот свернутый клубком носовой платок, и закрывает все это свободной рукой. Хамид пытается избавиться от захвата, но его громкие крики приглушены платком. Мужчина ошеломлен. Я мог бы отпустить его прямо сейчас. Это было бы ему уроком, но такой урок быстро забудется. Я хочу, чтобы этот ублюдок каждое утро просыпался, вспоминая обо мне.

Я хочу, чтобы он запомнил меня на всю свою оставшуюся жалкую жизнь.

Я говорю Хэппи:

— Держи его крепче. Я не хочу оставить его без обоих.

Глаза Хамида расширяются за секунду до того, как он начинает бороться сильнее, и закрывать глаза, а слезы катятся из уголков его глаз. Когда я замечаю, как что-то капает, я смотрю вниз, и вижу, что мужчина описался. Запах аммиака заполняет воздух, и я смотрю на него:

— Сукин сын. Давай-ка сделаем это.

И вырезаю его.

Хамид кричит до тех пор, пока не начинает хрипеть, приглушенный импровизированным кляпом Хэппи. Часть есть.

Он хнычет. Его тело неудержимо дрожит, и погружается в шоковое состояние. Он хватается руками за воздух.

Выдавил все.

Его дыхание тяжелеет, а тело успокаивается, это наводит меня на мысль, что он потерял сознание. Проклятье. Везучий сукин сын.

Вероятно, должно быть печально, что я ничего не чувствую из-за того, что сделал это. Нет никаких угрызений совести, говорящих мне остановиться. Нет эмоций. Просто... ничего. Мой разум и я, абсолютно непринужденно делаем это кому-то, в ком мы уверены, что он виноват. Кому-то, кому надо преподать урок.

После того, как я остаюсь удовлетворенным своей работой, я иду к двери около кабинета, и открываю ее. Ванная маленькая, ну да ладно. Мне не нравится, что на мне его кровь.

Мою, и мою, и мою, пока не удостоверюсь, что мои руки чистые. Я вхожу обратно в кабинет, и вижу Майкла, наклонившегося над мертвенно-бледным лицом Хамида, дергающим его тело, и рассматривающим его теперь зияющее углубление вместо глаза. Хэппи стоит сбоку, также осторожно наблюдая за тем, что делает Майкл.

Майкл спрашивает в пустоту:

— Он умрет?

Я тихо отвечаю:

— Нет. Но он будет жалеть, что не умер.

Мальчик смотрит на меня:

— Вы сделали это... — он выглядит смущенным, — ...за меня?

— Отчасти — говорю ему. И это правда. Никто не смеет обижать моих сотрудников. Но Хамид сделал это. Если бы это был не я, это был бы кто-нибудь другой. Хамиду повезло, что это сделал я, потому что он и дальше продолжит проживать свою крысью жизнь.

Майкл кивает, а я смотрю на Хэппи. Его глаза все еще наблюдают за мальчиком, а на лице — пораженное выражение. Да. Он вполне подходит.

Вытаскиваю бумажник, беру из него визитку, и кладу ее на стол, чтобы написать записку Хамиду.

«Объявить войну было ошибкой. И хочу заметить... я выиграл».

Я всегда выигрываю.

Подойдя к его обмякшему телу, отпускаю визитку, и она, кружась, падает на его грудь, потом иду к выходу, к своим людям. Когда мы приближаемся к внедорожнику, я приветствую одного из головорезов Хамида, и говорю ему:

— Если ты хочешь, чтобы твой босс выжил, звони в скорую. Прямо сейчас.

Его глаза расширяются, прежде чем он бежит к кабинету. Мои люди собрались, готовые уезжать, и мы выезжаем под звуки разверзнувшегося ада.

Поворачиваюсь к Майклу, который сидит рядом, и наблюдает за мной широко раскрытыми глазами. Я ухмыляюсь, и взъерошиваю его волосы.

Да.

Мальчик справился прекрасно.

Глава 9

Поворачивая ключ и открывая свой блок, я задаюсь вопросом, почему Твитч не ответил мне на смс-ку, в которой я спрашивала, все ли хорошо с Майклом.

Нахмурившись, озадаченная, я снимаю пальто, ставлю сумку на стойку, и иду в комнату. Останавливаясь на полпути, я вслушиваюсь.

Душ включен.

— Твитч? — зову я.

Знакомый голос отвечает:

— Нет, крошка, это я.

Дэйв. Моя улыбка просто умирает, когда он добавляет:

— И, как только я выйду, мы должны поговорить о том, с чего ты решила, что тот странный парень может быть в твоём душе.

Дерьмо.

Мой телефон пиликает.

Никки: Девичник! Ю-ху! Скоро буду хх

Девичник? Сегодня? Да невозможно, чтоб я могла такое забыть.

Приняв утром душ, я надела майку и свитер, а затем уже побрызгалась дезодорантом.

Ну, знаете... на всякий случай.

Когда я иду на кухню, дверь ванной открывается, и я слышу хлюпающие шаги, которые приближаются ко мне. Только в одном полотенце, и все еще мокрый, Дэйв хватает меня в медвежьих объятия, к которым я не готова. Впечатываюсь лицом в его мокрую грудь, а засранец прижимает меня сильнее, когда я говорю испуганно и приглушенно:

— Не могу. Дышать.

Щипаю его за бок, он хихикает, и сжимает меня еще сильнее. Буквально отключая мне подачу воздуха своей накаченной грудью, и я повинуюсь инстинкту. Не имея другого выбора, я просто кусаю его за сосок. Сильно.

Дэйв визжит, и отпрыгивает от меня, выглядя раздраженным, но по-прежнему ухмыляясь:

— Это больно, сучка.

Кладу руку на бедро, пытаюсь отдышаться и визжу:

— Меня почти что задушил мужчина с большими сиськами.

Дэвид открывает рот от удивления:

— Эти сиськи накачены, потрясающие грудные мышцы!

Неспособная остановиться, я смеюсь над его оскорбленным выражением лица. Потом осторожно спрашиваю, проводя рукой по лицу:

— Почему ты созвал девичник? Что случилось?

Он улыбается, как чокнутый:

— Всему свое время. Чтобы я рассказал, тут должна появиться Никки.

Закатив глаза, я поворачиваюсь, и иду на кухню, чтобы сделать “какао а-ля Лекси”, и подготовиться ко всему, что мне собираются рассказать мои друзья.

Поставив какао на поднос, я несу его к кофейному столику, когда открывается входная

дверь моей квартиры. Взглянув, я замечаю слишком счастливую Никки, держащую в руках контейнер.

Контейнер полон...

— Двойной шоколад, арахисовое масло? — я почти визжу: — Ты испекла «никнак4» с двойным шоколадом и арахисовым маслом?

Смотря на ее ухмылку, я взволнованно подпрыгиваю на месте. Эти «никнак» впечатляющие.

— По какому поводу? — спрашиваю я ее, протягивая руку к контейнеру. Хлопнув меня по руке, она хихикает, глядя на мое печальное лицо, и говорит:

— Всему свое время, дорогая.

Когда Дэйв заходит в гостиную, одетый в светло-серые спортивные штаны без футболки, и вытирает полотенцем мокрые волосы, он смотрит на Никки, и дерзко ухмыляется:

— Я так рад, что ты пришла!

Она посылает ему такую же дерзкую улыбочку, и показывает на сладости, которых слишком много. — О, милый. Я тоже по тебе скучала. Бери «никнак».

Дэйв рассматривает «никнак». Он хмурится. Как будто спрашивая сам себя, он бормочет:

— Почему у нас сегодня «никнак»?

Никки показывает нам, чтобы мы сели, и говорит:

— Нет. Ты первый! Расскажи нам свою грандиозную новость!

Дэйв выглядит, как ребенок, которому разрешили попрыгать на надувном замке, садится, и начинает рассказ:

— Ну. Помнишь, у нас было небольшое соревнование той ночью, кто получит Хэппи...

Святое дерьмо, вот это новость для меня! От шока я округляю глаза, а он продолжает:

— ...так что, я надеюсь без обид, милашка.

Никки угрожающе щурится:

— Что это значит?

Дотянувшись рукой до своего какао, Дэйв делает глоток, затем ухмыляется:

— Я выиграл.

Никки забирает какао из его рук, и Дэйв пялится на нее:

— Хей, это не так уж и важно. Он просто с мальчиками....

Но она резко прерывает его:

— Когда? Когда ты трахнул его?

Дэвид откашливается:

— Ну, технически, он трахал меня. И это событие произошло прошлой ночью.

Ну. Это неловко. Я хотела, чтобы земля поглотила меня.

Маленькая улыбочка появляется на лице Никки, и я не знаю, как это понимать. Это как улыбка Мона Лизы. Я щурюсь, разглядывая ее лицо. Она что-то скрывает.

Дэйв какое-то время моргает, прежде чем говорит:

— Ну, это отстой. Я думал, что почувствую себя победителем, но сейчас я просто чувствую себя раздавленным. Спасибо, Никки. Большое спасибо.

Затем он берет не один, а два «никнака», и запихивает их в рот, показывая этим текущее состояние его депрессии.

Мой удивленный взгляд перемещается от Никки к Дэйву, и я пытаюсь слиться с фоном,

как хамелеон.

Я читала где-то, что хамелеон может чувствовать запах страха. Быть неподвижным, и притвориться листиком.

Тогда Никки берет «никнак» и надкусывает его. Со вздохом. Она выглядит расстроенной, когда говорит Дэйву:

— Не психуй, малыш. Но ты неправ.

Все еще прожевывая свою вкусняшку, Дэйв выглядит озадаченным, когда спрашивает ее:

— Что значит, я не прав?

Запихивая «никнак» в рот, она отвечает с набитым ртом:

— Оо сделала это. Я шделалала.

Дэйв и я смотрим друг на друга, неспособные расшифровать ее разговор с набитым ртом.

— Ага, я не совсем понял, о чем ты.

Пережевывая, она наконец проглатывает, встает, и указывая на Дэйва, кричит:

— Ты не победил! Я выиграла!

Бедный Дэйв. Его уровень непонимания прошелся от «Я не понимаю» до «Что за хрень».

Он бормочет:

— Что? Где?

Открыв рот от удивления, он встает, указывает пальцем на Никки, и орет:

— Супердолгий поход в ванную на маскараде!

Обвиняюще сощутив глаза, он качает пальцем около ее лица:

— Там не было никакой очереди, не так ли? Ты трахалась! С красавчиком!

Я могу только удивленно наблюдать, как Никки делает реверанс, и объявляет:

— Лучшие пятнадцать минут, которые я когда-либо проводила в ванной.

Неспособная больше оставаться простым зрителем, я тоже встаю, и вскрикиваю:

— Кто вы, и что вы сделали с моими лучшими друзьями?

Никки и Дэйв выглядят потрясенными моей вспышкой, прежде чем смотрят друг на друга, и раздражаются хохотом. Дэйв придвигается к Никки, и обеими руками обнимает ее за талию:

— Дорогая, это не новость. Мы иногда делаем подобные вещи. Ну, знаешь? Типа игра, кто сможет заполнить парня.

Никки прислоняется к Дэйву, и кивает:

— Да. Он прав. Это не первый раз. И не последний.

Я немею. Разинув рот, я спрашиваю:

— Так значит, вы не злитесь друг на друга? Вам плевать, что вы спали с одним и тем же парнем?

Никки посмеивается:

— Неа. Это просто ради забавы. Мы давно не делали этого. С тех пор, как Дэйв и Фил начали встречаться.

Дэйв хихикает:

— Да, у нас даже было втроем в одной кровати...

Глаза Никки округляются, и она пихает Дэйва локтем под ребра. Он хмурится:

— Ой! И за что это, черт возьми?

Моя челюсть ударяется об пол. Не. Может. Быть.

Наклонившись вперед, я шепчу:

— Ребята, вы занимались этим втроем?

Дэйва щурится от моего выпада. Он быстро понимает, почему Никки пихнула его локтем, что это было для того, чтобы он закрыл рот. Медленно подходя ко мне, он осторожно смотрит на меня, и говорит:

— Да, крошка. Такое было.

Это немного обидело меня, что я не знала этого. Лучшие друзья делятся подобными вещами. Когда он замечает мою очевидную обиду, он притягивает меня в объятия:

— Это не имеет ничего общего к нашему отношению к тебе, крошка. Мы просто делали то, что нам нравится, и не хотели, чтобы ты нас осуждала за это. Я не говорю, что ты сделала бы это, но такой возможности было достаточно, чтобы умолчать. Мы любим тебя.

Около минуты я обдумываю то, что он сказал, а затем обнимаю его за талию, и крепко сжимаю. Никки обнимает меня со спины и целует в волосы.

— Мы действительно любим тебя, Лекс. Мы думали, что ты не поймешь этого, или будешь считать нас чудаковатыми, это сильно пугало нас. Ну как, ты думаешь, что мы странные?

Боже, они правы? Я осуждаю? Я думала, что была достаточно непредвзятой, но моя первая реакция показала, что это не совсем так.

Если бы они только знали о тех штучках, которые Твитчу нравится проделывать со мной...

Дорогой Боже. Я тут молчаливо осуждаю их, в то время, как сама поступаю так же. Я не говорила им о моих сексуальных отношениях с Твитчем. Все, что я сказала им, что он любит грубый секс. Они ничего не знают о его постоянном контроле, или о ремне....

Вздых.

Ремень. Я люблю ремень.

С трудом сглатывая, я понимаю, что мало чем от них отличаюсь. И теперь, когда я могу собраться, говорю им:

— Нет! Ребята, я не думаю, что вы странные. Это просто неожиданно. Я думаю, что почувствовала себя немного ненужной. Так что если уж хотите, то это... Я тут одна странная!

Немного пообнимавшись, мы отпускает друг друга, и тратим большую часть вечера на болтовню, и поедание «никнака». Около одиннадцати, мои друзья уходят. Помахав им, я закрываю дверь, и по коридору иду в спальню.

Как только дверь открывается, мое сердце пропускает удар.

Улыбаясь, я слушаю шаги, которые потихоньку приближаются ко мне. Как только мой неожиданный посетитель останавливается у меня за спиной, он обнимает меня за талию, притягивая к себе. Отклонившись назад, я нежно поглаживаю его волосы, и тихо спрашиваю:

— Майкл. С ним все в порядке?

Твитч вздыхает:

— Большую часть этого гребаного вечера я ждал, когда уйдут твои друзья. Так что, Ангел, я не хочу говорить об этом прямо сейчас.

Он ждал? Терпеливо ждал, как джентльмен? Вау. Это круто. Нет. Это суперкруто.

Поворачиваюсь в его объятиях и смотрю на него. Свет в моей комнате выключен, и только слабый свет из кухни освещает его лицо.

— Ты ждал?

В раздумьях, он морщит лоб, как будто даже не задумывался об этом:

— Да, я предполагаю, что делал это.

И я не могу остановиться. Подтянувшись повыше, я обнимаю ладонями его лицо, и притягиваю поближе к себе. Наши губы соприкасаются. Руки Твитча сжимаются вокруг моей талии, но губы не отвечают моим.

— Поцелуй меня, — умоляя, шепчу я.

В ответ, он шепчет почти в мои губы:

— Нет. Мне нравится, когда ты целуешь меня.

Улыбаясь напротив его губ, я чувствую, как возвращается его улыбка, и мое сердце переполняют чувства.

Что-то изменилось в Твитче сегодня ночью. В этот раз, от него исходит что-то большее. Что-то теплое.

Его хватка ослабевает, руки скользят вниз по моим бедрам, и он медленно обхватывает ладонями мою попу, и сжимает ее. Цепляясь большими пальцами за резинку моих пижамных шортиков, он снимает их вместе с трусиками. Мое самое чувствительное место пульсирует, и я становлюсь влажной.

Подведя меня к кровати, он толкает меня, и я приземляюсь на нее спиной. Смотря мне в глаза, он заявляет:

— Ты двигаешься, я останавливаюсь, — опуская свое лицо к моей уже готовой сущности, он говорит: — Будь громкой. Мне нравится тебя слышать.

Закинув мои ноги себе на плечи, Твитч встает на колени перед кроватью, и сильно шлепает по моей киске. Электрический разряд расходится по моим венам. Я вся дрожу, и я негромко вздыхаю. Он лижет два раза, прежде чем заявляет:

— Никогда не пробовал ничего подобного. Никогда не лизал киску, которая на вкус такая сладенькая, — вытягивая язык, он лижет мой вход один раз, потом второй, третий, а затем говорит: — Если бы я мог питаться твоей киской целый день, каждый день, я бы нашел способ, как сделать это моей основной работой.

Его слова, хоть и вульгарные, но все равно самые приятные, которые я слышала выходящими из его рта с тех пор, как познакомилась с ним. Опуская руки к его голове между моими ногами, я провожу пальцами по его волосам, и его полизывания превращаются в посасывания. Я непроизвольно дергаю бедрами, толкая его лицо в себя еще глубже.

Я громко стону. Он рычит, и сосет в идеальном ритме.

Я закатываю глаза, когда он щелкает языком по клитору. Мое дыхание становится тяжелым, а бедра сжимаются вокруг его головы.

— Не кончай, Лекси.

Ах, ты ублю..., мать твою.

Я так близка, что могла вкусить это. Чуть громче шепота, я говорю:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

С финальным щелчком языка, Твитч встает. И я хочу пнуть его за то, что он меня дразнит. Так я и делаю.

Я пинаю его ногой в бедро, и в тот момент, когда я ударяю по нему, он сначала сердито смотрит вниз на свое бедро, потом вверх на меня. И внезапно, мое раздражение сменяется беспокойством. И все что я могу — это думать "О блин. Я в беде".

Рыча, он бросается на меня, и я визжу. Он обнимает меня, и переворачивает таким

образом, что я оказываюсь сверху. Я хочу закричать. Я знаю, у него проблемы с управлением гневом, и я спровоцировала его. Что, твою мать, со мной не так? Мое сердце ускоряется. Я ошеломлена. Потом я слышу то, из-за чего из беспокойной превращаюсь в обезумевшую за одну секунду.

— Над чем ты смеешься? — вызывающе спрашиваю я.

Ёрзая между его коленями, я пихаю его в грудь, а он смеется еще сильнее:

— Это не смешно, Твитч! Я могла причинить тебе боль.

Его смех граничит с истерикой. Скрестив руки на груди, я пялюсь на него, и жду, пока он успокоится. Когда он глубоко вздыхает и улыбается мне, мой гнев просто испаряется. Заправляя мне волосы за ухо, он говорит:

— Сегодня был нехороший день. Так что я пришел сюда расслабиться, и хотел побывать своим ртом на тебе, ожидая потом твой ротик на мне. Я не приходил сюда, чтобы вот так посмеяться. Последний раз я так смеялся тогда, когда был подростком. И в большинстве случаев, когда я был подростком, я так смеялся, когда был под кайфом.

Это меня расстраивает.

Когда Твитч видит мое помрачневшее лицо, он улыбается еще шире:

— Чертовски забавно.

Внезапно его глаза темнеют, и он садится так, что мы оказываемся напротив друг друга.

— Не думай, что я забыл о твоей выходке.

Положив одну руку мне на спину, другой рукой Твитч находит мою голую попу, и сжимает ее так сильно, что я вздрагиваю. Начиная от шеи, он прокладывает дорожку из поцелуев к моей челюсти, затем, наконец, целует в уголок рта.

— Поцелуй меня, Ангел.

Я тяжело дышу, прикрываю глаза, и хриплым шепотом отвечаю:

— Конечно, малыш.

Губами, но вскользь касается моих. Я слегка наклоняю голову, и прикасаюсь к нему. Целую его медленно, но глубоко, и когда его губы сливаются с моими, я понимаю, что на этот раз, он целует меня в ответ. Он массирует мою попу, и я попадаю в сказочное государство. Сказочное государство, которое очень быстро исчезает.

Шлепок!

Я вскрикиваю в его рот, и он целует меня сильнее, а попа немеет на секунду, прежде чем начинает пульсировать.

Шлепок!

Я хныкаю, и кривлюсь от боли. Он ласкает пульсирующее место удара, и внезапно, мой мозг прекращает распространять боль, думая: “Ух, ты. Это должно было быть приятно?”

Шлепок!

Сильнее, чем во второй раз. Я отстраняюсь от его рта, откидываю голову назад, я вскрикиваю. Мои глаза округляются. Между ног становится влажно.

Шлепок!

Мой рот в безмолвном крике превращается в букву “О”. Наши взгляды встречаются, не отпуская друг друга. Твитч прикасается рукой к больному месту, жарко опаливая, прежде чем двигается ниже, и еще ниже, достигая сморщенной плоти. Я напрягаюсь. Его пальцы задерживаются там на мгновение, прежде чем кончиком одного он проверяет, насколько я возбуждена.

Мои щеки горят. Те, что на моем лице. Нормальные люди не возбуждаются от подобных

штучек.

Кончиком пальца, Твитч скользит вверх и вниз по моей влажной и теплой плоти. Его глаза вспыхивают, затем темнеют, и он закрывает их, издавая стон:

— Тебе нужно сесть на мой член.

Перевернув меня на бок, он отстраняется, неистово расстегивает ремень, и стягивает слаксы, рубашку, и подтяжки за рекордное время. Встав передо мной, он гладит свой толстый и длинный член; серебряные шарики в нем мерцают в приглушенном свете. Ложась рядом со мной, он продолжает гладить свой член. Повернувшись, Твитч приказывает:

— Оседлай меня.

Ему не надо просить дважды. Поднявшись на четвереньки, я сначала перекидываю одну ногу, а потом взбираюсь на него. Мы оба готовы. Нам не нужно напрасно тратить время. Отвожу руку за спину, и обхватываю его член, подводя его как раз под мой вход, и медленно сажусь, вбирая в себя головку.

Позволяя себе привыкнуть, я кладу руки ему на грудь, потом смотрю на него, в то время, как он впивается в мои бедра. Твитч наблюдает за мной жаждущими, полуприкрытые глазами. И внезапно, меня накрывает неожиданная волна эмоций. Я протягиваю руку, и поглаживаю цифру «13» на его щеке, ощущая травмированную кожу под татуировкой.

Ты и не подумала бы, что цифра «13» скрывает шрам от окружающих.

Качая головой, я закрываю глаза, и убираю руку. Его рука сильно сжимает моё запястье, останавливая меня, и возвращая мою руку обратно на свою щеку. Он прижимается к моему прикосновению, как кот. Повернув голову, Твитч целует внутреннюю сторону моего запястья. И в моем горле застревает комок.

Не влюбляйся в него!

Да. Это бы все испортило.

Нуждаясь в отвлечении от этого насыщенного момента, я сажусь на него глубже, и еще глубже, пока моя попа не встречается с его промежностью. Я чувствую себя цельной, и разгоряченной, мои веки трепещут. Он так невероятно ощущается.

Смотрю на него, и он хмурится.

Он берет меня за руки, переплетая наши пальцы, и опускает их на кровать над своей головой.

Это уже слишком. Комок в горле поднимается, и я не могу глотать. Он отдает мне контроль.

Из меня вырывается хриплый шепот:

— Не играй со мной.

Вместо того, чтобы ответить мне, он приподнимает голову, и в моей груди поселяется тупая боль. Наклонившись, я сливаюсь с ним в сладком и нежном поцелуе. Потом он бормочет напротив моих губ:

— Идеально.

Дерьмо. Это впечатляет.

Углубляя наш поцелуй, я начинаю раскачиваться, и проглатываю его низкий стон. Я двигаюсь медленно и уверенно, вверх и вниз, и он полностью позволяет мне контролировать все, что здесь происходит. Мы раскачиваемся, целуемся, прикасаемся, сливаемся так, как я никогда не думала, что это возможно с таким мужчиной, как он. Немного отстранившись, я нежно целую его губы. Затем оставляю крошечные поцелуи по всему его лицу. На щеках, глазах, носу, и наконец, вновь на мягких, полных губах, в то же время, глубоко насаживаясь

на него.

Выпрямившись, я задыхаюсь, когда нахожу точку. Ну, знаете? Ту самую точку.

Его взгляд на мне повсюду, он наблюдает, как я двигаюсь все ближе и ближе к своему освобождению. Я сжимаюсь вокруг него, и я там. Позвоночник напрягается, глаза закрываются, белые пятнышки искрятся передо мной, и я стону. Внезапно, я открываю глаза, и смотрю на него вниз, сдерживая свое освобождение. Он приоткрывает рот, потом кивает, давая то, что мне нужно.

Разрешение.

Мое сердце колотится. Откинув голову назад, я стону долго и низко, когда первое сокращение сильно сжимает его. Отпустив мои руки, он обхватывает мои бедра. Он крепко меня держит, толкаясь в меня. Моя сущность сжимается вокруг него, и исступленный восторг затопляет меня.

Мое самое последнее сокращение стихает. Я чувствую, что его член во мне увеличивается. Он тянет мои бедра вниз, и наши взгляды встречаются, когда он тихо выпускает свое освобождение, не отводя от меня своих нежных, карих глаз.

Тяжелое дыхание заполняет комнату. Никто из нас не делает ничего, чтобы разьединиться. Мысль о том, что он выйдет из меня прямо сейчас, меня беспокоит. Как будто чувствуя это, он перекачивает нас так, что теперь я лежу на спине. Не отрываясь от меня, он прижимается лбом в изгиб моей шеи, целуя ключицу, и я полностью расслабляюсь.

Прижимаясь к нему, одной рукой я обнимаю его за шею, а другой поглаживаю его волосы. Мои руки на Твитче, и подсознательно, он сжимает меня сильнее.

Я могла бы делать это вечно.

Это было моей последней мыслью, прежде чем я провалилась в сон.

По дороге на работу, я чувствовала взгляды людей, стреляющие в меня, как лазеры, и точно озадаченные моими шагами вприпрыжку.

— Всем доброе утро, — поприветствовала я с хитрой улыбкой на лице. Я практически уверена в том, что мои сотрудники думают: «Ну, дерьмо. Кое-кто попал под раздачу».

И я попала под раздачу.

Твитч очень хорошо задал мне трепку. Но прошлой ночью было что-то большее.

Он отдал мне контроль над тем, над чем прежде не отдавал. И больше того, он не беспокоился из-за этого. Он не был злым или расстроенным. Едва различимым способом он показал мне, что доверяет. И это было фантастическим.

И потрясающим. Это было также сверхэмоциональным. Как наблюдать за тем, как маленькие черепашки вылупляются из яиц, и пробираются к океану. Это было медленным. Мы не торопились. Но это точно того стоило. Если бы мне хватило сил, я бы в конце зааплодировала и закричала «Ура».

Ты не можешь торопить человека продвигаться вперед. Все должно происходить в свое время. Ты можешь заставить человека измениться, но только тогда, когда он достигнет этого самостоятельно, и будет придерживаться этих изменений.

Когда утром я проснулась одна, вытаскивание своей внезапно-несчастной задницы из кровати заняло у меня какое-то время. Я притопала на кухню, и заметила свернутый кусочек бумажки, прикрепленный к дверце холодильника. Прищурившись, я посмотрела налево, затем направо, проверяя, что за мной не наблюдают, оторвала бумажку от дверцы и

развернула ее.

И то, что я увидела, подняло мое настроение от «Степени А — «хмурый человечек» до «Степени Б — «радужная фея». И радужные феи были просто чертовски счастливы.

Ну если и нет, то должны. Ради всего святого, они же делают радугу.

Перечитывая записку уже во второй раз, я прислонилась к столешнице, и вздохнула.

Ужин. 6 вечера. Останешься на ночь у меня. Я пришлю машину. Оденься прилично.

Хихикая, я посмотрела на приказ, который я получаю почти каждый раз, когда мы вместе.

Оденься прилично.

Сегодня мне отчаянно нужно побегать по магазинам. И вот почему я пишу Никки, прося ее встретиться со мной в обед. Заходя в кабинет, я останавливаюсь, когда вижу Майкла, сидящего за моим столом. Смотрю на него в упор, сжимая по бокам кулаки, и свистящим шёпотом, сквозь зубы, произношу:

— Майки, для школьного прогула у тебя должна быть стоящая причина.

Он ухмыляется:

— У учеников выходной.

Мой гнев испаряется, и я прохожу дальше в свой кабинет.

— Ну, я бы сказала, это стоящая причина, — подмигивая, подхожу к нему и вздыхаю. Твитч рассказал мне, что его избили. Он также рассказал мне, что разобрался с этим. Когда я спросила, что произошло, он заметил мою серьезность, но абсолютно спокойно ответил:

— Не спрашивай, и не говори об этом.

Это, ясно-понятно, заставило меня расслабиться так же, как и человека с опухшим глазом.

Положив ладони по обе стороны от лица Майкла, смотрю в его печальные глаза:

— Дайка я посмотрю на тебя, дорогой.

Его нос опух и деформирован, губа порвана с левой стороны, глаз черный от гематомы, но опухоль, кажется, сошла. И я решаю сыграть в хладнокровие, и не показывать, как сильно взбешена тем, что одного из моих детишек избили. И хорошо избили.

Все еще держа ладонь на его щеке, другой рукой касаюсь его короткой и аккуратной стрижки:

— Ты в порядке?

Он закрывает глаза, ощущая мои пальцы в своих волосах.

Моя душа болит.

Как много времени прошло с тех пор, как кто-нибудь проявлял к Майклу материнскую любовь? Мое предположение — этого времени было ужасно много.

Он бормочет, с закрытыми глазами:

— Я в порядке. Ничего такого, через что бы я прежде не проходил. Я люблю свою работу.

Это заставляет меня улыбнуться по-настоящему.

Освобождаю его от моих ласковых прикосновений, и говорю:

— Хорошо! Нет, отлично! Как тебе новый босс?

Ладно. Я официально добываю информацию. Разве можно меня осуждать?

Майкл опускает подбородок, и мягко улыбается:

Я не знаю, откуда этот парень, мисс Балентайн. Но я благодарен, — он смотрит вверх, на меня, и его лицо становится серьезным: — То, как он позаботился о том, что

произошло... — его глаза расширяются, и он качает головой: — Seriously, ваш парень чертовски страшный.

Вместо того, чтобы исправлять его предположение, я хмурюсь:

— Следи за языком.

Изучая меня невозмутимым взглядом, он встревоженно бормочет:

— Извините. Он был весь такой "резать, колоть ножом, выбивать", а я просто был, как кто? А потом он весь такой вновь улыбающийся, как будто ничего не случилось, и я серьезно забеспокоился, — его взгляд встречается с моим, и Майкл возвращается из далекого путешествия в свой мозг. — Но думаю, я ему нравлюсь.

Он улыбается.

Он выглядит счастливым. Но я все еще задерживаюсь на словах «резать, колотить ножом, выбивать». Моя кровь застывает в жилах.

Откашливаясь, я поворачиваюсь к нему спиной, и спрашиваю с фальшивой радостью:

— Какие планы на сегодня?

Я слышу, как Майкл встает.

— Работать. Я должен спешить к мистеру Т, и он не будет счастлив, если я опоздаю.

Притворяясь, что беру с полки какие-то книги, я говорю:

— Хорошо, Майки. Береги себя.

Дверь за ним закрывается, а я кладу руку на вздымающуюся грудь. Интересно, как я собираюсь сегодня пережить ужин.

Отменить ужин с Твитчем — не вариант.

Сидя на заднем сиденье автомобиля, я приглаживаю свое черное платье, которое, правда, не нуждается в этом, немного учащенно дышу, и думаю, как завести разговор о том, что сегодня рассказал мне Майкл.

Решаю подождать до окончания обеда, и, прилагая усилия, делаю невозмутимое лицо, в то время, как дверь машины открывается, и сидящий водитель протягивает мне руку. Подаю ему руку, выхожу из машины и лицом к лицу встречаюсь с Твитчем. Его глаза чуть прищурены, но потом улыбка исчезает с его лица, когда он осматривает мое платье и туфли. Его уже полуприкрытые глаза закрываются еще сильнее, и он наклоняется ко мне, оставляя поцелуй на моей щеке. Этот жест привязанности меня озадачивает.

По мне начинают бегать мурашки, я дрожу и закрываю глаза.

Твитч берет мою маленькую руку в свою большую татуированную, и ведет меня к входной двери в маленький старомодный итальянский ресторанчик.

Меня удивляет его выбор ресторана. Это не похоже на то, что он бы выбрал. Он выглядит, как парень, который выбирает что-нибудь модное. Или дорогое. И современное.

Не милое, теплое и очаровательное.

Мы стоим в очереди, ожидая, когда нас пригласят присесть, и в этот момент, к нам направляется пожилой мужчина, одетый в белую рубашку и белый поварской колпак. Свои влажные руки он вытирает кухонным полотенцем, и что-то бегло говорит по-итальянски.

Твитч ухмыляется ему в ответ, перед тем, как выпустить мою руку, и делает шаг к нему навстречу. Пожилой мужчина целует его в обе щеки, продолжая быстро говорить. Я не могу не улыбнуться, видя его оживленные жесты руками и игривое нахмуривание. Он хватается Твитча за щеку, немного ее треплет, затем хлопает по ней и отпускает.

И мысль о ком-то, кто вот так с ним обращается, меня поражает. Так сильно, что мои глаза расширяются, и, сдерживая смех, я сильно прикусываю губу.

Когда мужчина замечает меня, он вглядывается пристальнее, и замолкает. Мило улыбаясь, он говорит:

— Привет. Я — Джо.

Он протягивает мне руку, и я, улыбаясь, принимаю ее:

— Я — Лекси. Приятно познакомиться, Джо.

Твитч, глядя на мужчину, закатывает глаза:

— Просто дай нам столик, старичок. Мы голодны.

Толкая Твитча локтем, мужчина бормочет:

— Я покажу тебе старичка.

Он провожает нас к столику в дальнем углу, подальше от других клиентов, а я озираюсь по сторонам, и благодарю Бога за уединение. Я хотела бы, чтобы сегодня ночью, мы наконец поговорили о чем-нибудь большем, чем просто о делах. Я хотела бы узнать больше о Твитче, но должна действовать по-хитрому.

Я должна вынудить его ответить на вопросы, но, чтобы при этом не казалось, будто я что-то спрашиваю.

Схватив моё меню, Джо, с обиженным видом, выхватил его у меня из рук.

— Ну, нет, леди. Нет. Это твоя первая ночь с нами, так что для меня — честь выбрать то, что ты будешь есть.

Моё сердце пропустило удар. Что, если он выберет то, что мне не понравится? Это может плохо закончиться. Увидев моё обеспокоенное лицо, Джо улыбается.

— Не смотри так на меня. Тебе понравится. Я обещаю.

Через маленький столик, я смотрю на Твитча. Он ставит локти на стол, скрестив руки под подбородком. Потом приподнимает брови, как бы говоря: «Даже не трудись спорить».

Так и не буду.

Сверкая яркой улыбочкой, я говорю Джо:

— Это мило. Но я должна предупредить вас, что не люблю морепродукты.

Уже уходя, Джо отвечает:

— Заметано.

Твитч говорит:

— Я уже сказал ему о морепродуктах. И о перце. И о горохе.

В замешательстве, на мгновение я морщусь, прежде чем вспоминаю, что у Твитча привычка за мной наблюдать.

Я выпаливаю:

— Ты по-прежнему за мной наблюдаешь?

Мой мозг хлопает себя по лбу.

Твитч берет кусочек хлеба, и откидывается на спинку стула, уставившись на меня. Откусывая кусочек высокоуглеродного совершенства, он один раз кивает. После этого я спрашиваю спокойнее:

— Когда ты в последний раз за мной наблюдал?

Проглатывая, он выпрямляется на стуле:

— Сегодня. Ты и Николь ходили по магазинам.

Такого я не ожидала. Поэтому бормочу:

— Понятно.

Я смотрю, как он достает из кармана уже открытый пакетик с шоколадными конфетками, засыпает горстку в рот и жует.

Отвлекаясь от хода своих мыслей, слегка улыбаясь, я говорю:

— Я чего-то не понимаю? Ты не похож на любителя разноцветных шоколадных конфеток.

— Ага, ну это лучше, чем принимать до хера кокаина.

Это меня затыкает. Улыбка сползает с моего лица.

— Я был наркоманом. Я видел, что это делало со мной, и бросил. Резко бросил. Заставил Хэппи увезти меня в Кимберли5, закрыть в хибаре, и охранять дверь под дулом пистолета. Я сказал ему, что, если попытаюсь сбежать, чтобы стрелял в меня.

Хэппи? Невозможно. Я усмехаюсь:

— Это жестко. Как будто он бы в тебя выстрелил.

Прожевывая еще горстку шоколада, он, смеясь, закашливается:

— Черт, девочка. Он использовал всю обойму, сдерживая меня внутри, — его улыбка исчезает, лицо серьезнеет, а глаза теряют фокус: — Ты понятия не имеешь, на что похож отказ от наркотиков. Клянусь, я мог бы убить кого-нибудь за дозу в первый день. Три дня меня рвало, и я чувствовал себя, будто умираю. Расчесывал кожу. Я царапал все тело, раня себя. Это было неприятно. Я полностью отколупал ноготь, просто для отвлечения. Это было ужасно. Но все закончено.

Я открываю рот от удивления:

— Ты рассказываешь мне, что испробовал DIY (прим. пер. Do It Yourself — сделай сам) реабилитацию на себе?

Он торжественно кивает.

Я не могу в это поверить. Большинство детей, которых я встречала на улицах, увлекаются этим же или подобным, и они проходят интенсивную реабилитацию, иногда в течение многих месяцев, чтобы избавиться от этой привычки. Некоторые все равно возвращаются к употреблению. Так что слышать, что Твитч насильственно сам себя реабилитировал... это потрясающе. Правда, потрясающе.

Я свехвпечатлена его самоконтролем.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Это самое серьезное из того, что он мне о себе рассказывал, и пока мне везет, я шепотом спрашиваю:

— Почему я?

От этого вопроса ему стало не по себе. Я поняла, потому, как он внезапно скривился, и на мгновение, мне стало интересно, не зашла ли я слишком далеко. И не поспешила ли я? И в этот момент он ответил мне:

— Потому что ты — это ты.

Он сказал это так, как будто это все объясняло. Но мне этого недостаточно. И я спрашиваю:

— Как долго ты за мной наблюдаешь?

Отвечая, он смотрит мне прямо в глаза:

— Давно.

Откашливаясь, потом он наклоняется вперед, и говорит то, чего я никогда не ожидала услышать:

— Когда ты — наркоман, легко стать зависимым от каких-то вещей. И это отчасти

похоже на меня. Я — личность со склонностью к привыканию. Так что я перестал наркоманить, но пристрастился к конфеткам. Затем, раз в неделю, я начал посещать тренажерный зал, чтобы отделаться от конфеток. Но это стало навязчивой идеей. Мне нужно тренироваться три раза в день. Потом ты... — его взгляд смягчается, — я сказал себе, что какое-то время должен за тобой понаблюдать... — и он замолкает.

И хотя он ничего не произносит, я и так понимаю, что он хочет сказать.

Это должно было заставить меня вспотеть, а не заставить мое сердце наполниться подобными чувствами.

— Я — привычка?

И он тихо отвечает:

— Худшая. Не существует никакого лекарства от этой зависимости.

Я хрипло отвечаю:

— Ох.

Внезапно нахмурившись, он заявляет:

— Я нехороший человек.

Отстранившись от меня, он добавляет:

— Ты думаешь, что такой человек, как я, заслуживает такого совершенства, как ты? Нет. Я расскажу тебе прямо сейчас, что не заслуживаю.

Он кажется расстроенным собой, покусывая ноготь большого пальца:

— Дело в том, что я эгоист. И мне плевать на то, чего я заслуживаю. Все, что меня беспокоит — это то, чего я хочу. И я так чертовски сильно тебя хочу, что сделаю все, что угодно, чтобы тебя удержать.

В моей голове звучит тревожный сигнал, но сердце машет ему руками, утихомиривая его. Еще раз.

— Ох, — я говорю так тихо, что едва себя слышу.

Я открываю рот, готовая задать следующий вопрос, когда замечаю Джо, идущего к нам с двумя мужчинами, руки которых заполнены тарелками с едой. Не могу сдержать смехок, и Твитч поворачивается, чтобы посмотреть в их сторону. Он улыбается и качает головой.

К Джо подходит еще один официант, который пододвигает дополнительный стол под все наши тарелки. В тот момент, когда он их ставит, он подробно объясняет состав каждого блюда, и из какой части Италии оно родом. Нам принесли: стейк, пасту, ньоккиб, суп, тарелку сырной нарезки, и тонко нарезанную прошутто⁷.

Все это выглядело божественно.

Подмигивая, Джо нас оставляет, чтобы мы поели, и я не жду Твитча, накидываясь на ньокки с розовым соусом. Я люблю ньокки. Я думаю, что ньокки серьезно недооценивают. А эти ньокки — легкие и воздушные, как маленькие облачка, которые тают во рту. Я полагаю, что мое мнение нужно озвучить:

— Ньокки такие вкусные. Я думаю, это одно из самого недооцененного блюда. Люди должны знать, насколько вкусны ньокки.

Твитч жует свою пасту, и дразнится:

— Я думаю, тебе просто нравится говорить «ньокки».

Я подтверждаю его догадку, с практически королевским поклоном, тихо говоря:

— И это тоже.

К моему восхищению, мы много болтаем, и я узнаю, что Твитч сбежал из дома, потом на четыре года попал в тюрьму для несовершеннолетних, до своего шестнадцатилетия. Мне

хотелось бы возразить, что эта история неправдоподобна, но по опыту своей работы, подобное я вижу постоянно.

— За что ты попал в тюрьму для несовершеннолетних? — спрашиваю я, жуя небольшой кусочек сыра.

— Нападение с нанесением побоев.

— Слишком много для ребенка за нападение.

Тут он, вспоминая, добавляет:

— Нападение на офицера полиции.

Я сжимаю губы. Да. За это могут.

Сворачивая кусочек прошутто, я вожусь с ним дольше, чем полагается:

— А татуировки?

Он пожимает плечами:

— Первую я сделал в тюремной камере, когда мне было четырнадцать. Потом это вошло в привычку, — он поднимает брови на слове «привычка». — У нас не было нужных инструментов, чтобы хорошо все сделать. Мы использовали чернила от ручки и булавки. Как правило, все они были заражены, — он смеется: — Много первичных татуировок я покрыл новыми, но у меня все еще осталось несколько, которые для меня кое-что значат. Они важны. Я сохранил их, чтобы быть уверенным, что не забуду.

Хотя мой разум хватает меня за плечи, и трясет, визжа: «Забыть, что? Спроси его! Пожалуйста, спроси!», я не спрашиваю. Кажется, это слишком много для сегодняшнего вечера. Поэтому улыбаясь, я позволяю разговору перейти в удобную тишину, пока мы едим.

Заканчивая нашу трапезу, я облокачиваюсь назад на свой стул, а Твитч смеется. Я быстро впадаю в пищевую кому. Когда я замечаю Джо, приближающегося к нам еще с одной тарелкой, имитирую рыдания, и говорю ему, когда он подходит:

— Больше не надо. Пожалуйста. Не надо. Если я съем чуть больше, я взорвусь. И тогда ты должен будешь отовсюду счищать все части Лекси, и я уверена, что это было бы нарушением правил техники безопасности. Не говоря уже о впустую потраченной восхитительной пище, которую я хотела бы сохранить в желудке.

Поднимая свои апатичные глаза к обоим мужчинам, смотрящим на меня сквозь прищуренные глаза, я бормочу:

— Это правда. И это было бы печально.

Джо, вместе со счетом, ставит тарелку перед Твитчем, и я смотрю, как Твитч ест весь тирамису сам, наблюдая за мной. Он кладет несколько сотен долларов под тарелку, подходит ко мне, и помогает мне встать.

Сплетая наши пальцы, он притягивает меня ближе к своему боку. Люди смотрят на нас, должно быть, думая, что мы вместе. И мне нравится эта мысль.

Провожая меня до своего гладкого, спортивного черного “Мерседеса”, он помогает мне сесть в машину, затем садится сам. Внутри он чуть наклоняется, и копается в бардачке. Вытащив маленькую жестяную баночку, он открывает ее, а мои глаза расширяются от шока. Наклоняясь к нему, я шепчу:

— Ты серьезно крутишь дуби8?

Тело Твитча сотрясается от тихого смеха:

— Они не называются дуби уже лет так десять. Но да, я это делаю.

Внезапно, я чувствую себя, как черлидерша, зависающая с городским хулиганом. Он смотрит на меня, и слегка усмехается, когда заявляет:

— Держу пари, что ты никогда раньше не курила.

Я морщусь от раздражения из-за его поддразнивания:

— Да. Я курила. Когда-то давно я была подростком.

Он ухмыляется, протягивая мне незажженный косяк. Я долго смотрю на него, прежде чем качаю головой:

— Я не могу. Мы на работе выборочно проходим тест на наркотики.

Твитч ухмыляется сильнее:

— Это всего один день будет в твоём организме. Вы сдаёте слюну?

Я киваю, и он наклоняется ко мне ближе:

— Накурись со мной. Мне нравится видеть тебя раскрепощённой. Раскрепостись сегодня со мной.

Я опускаю подбородок, и мое лицо горит. Я, должно быть, похожа на полную идиотку.

Не позволяя мне подпортить его вечеринку, он зажигает сигарету и глубоко затягивается. В машине распространяется острый запах, и мой рот наполняется слюной.

Я поворачиваюсь к нему, он задерживает дыхание, и вместе с ним и дым, и наблюдает за мной сквозь полуприкрытые глаза. Мой мозг шипит, а затем прекращает работать. Неспособная остановить себя, я наклоняюсь к нему. Он встречает меня на полпути. Так близко, что наши губы соприкасаются, а я закрываю глаза, и открываю губы. Он медленно выдыхает, а я вдыхаю, пробуя сладкий, насыщенный вкус дыма.

Я удерживаю его так долго, что кажется, проходит вечность.

Голова кружится, и я медленно моргаю.

Наконец выдыхая, я поворачиваюсь к великолепному мужчине, смотрю на его слабо освещённое лицо, и спрашиваю:

— Куда мы направляемся теперь?

Не поворачиваясь ко мне, он заводит машину, и отвечает:

— Сегодня у нас вечеринка.

Подъехав по длинной подъездной дорожке к моему дому, я останавливаюсь, и замечаю, как Лекси рассматривает все автомобили, припаркованные в линию на подъездной аллее. Не так много времени прошло с тех пор, как последний раз мы устраивали вечеринку в доме. Хэппи сказал, что давно пора уже устроить вечеринку, и Линг его поддержала. Так что, вот мы здесь. Крутая вечеринка в моем доме.

Я чувствую себя так, как будто приехал на вечеринку без приглашения, потому что я даже не в курсе, кто приглашен. Я позволил им выбирать, кого пригласить.

Мой список гостей включал бы в себя человек 10. Я думаю, маловато для вечеринки. Ну, что тут сказать? Я не доверяю людям. А чаще всего, они мне даже не нравятся.

Паркуюсь, и собираюсь уже вылезти из машины, как вдруг Лекси тянет меня за рукав:

— Прежде чем мы выйдем, пожалуйста, можно кое о чем с тобой поговорить?

Она говорит это так тихо, что я не могу удержаться от ухмылки, мы так хорошо проводили время, и я понимаю, что то, что она хочет сказать — это серьезно. Поворачиваюсь, чтобы видеть ее, и отвечаю:

— Конечно.

Смотря вниз на свои руки, она говорит:

— Сегодня утром ко мне приходил Майкл. И во время нашего разговора, он рассказал,

как ему нравится его работа, и что ему нравится ты, даже если иногда ты его пугаешь. Я могу сказать, что он очень тебя уважает, — быстро моргнув, она начинает говорить сбивчиво: — Это хорошо, потому что в жизни ему нужен хороший мужской пример. В особенности, такой успешный, как ты, поэтому я не хочу, чтобы ты думал, что я критикую тебя, учитывая, что ты дал ему работу, в которой он, безусловно, нуждался, и...

— Переходи к самой сути, — перебиваю её я.

Лекси смотрит на меня, и ее зрачки расширены, а это говорит о том, что травка начала оказывать на нее свое действие, даже при том, что она сделала всего пару затяжек. Она глубоко вздыхает.

— Ладно, — с трудом сглотнув, она шепчет: — Он... он запутался в своих словах и упомянул что-то... про «резать, колоть ножом, бить».

Мышцы моего лица каменеют.

Завтра у нас с мальчишкой будет серьезный разговор.

Она замечает мою реакцию, и дает задний ход:

— Он больше ничего не сказал.....

— Он сказал достаточно.

Закатив глаза, она добавляет:

— Он сказал это только потому, что думал, что ты мой парень.

Потом она усмехается, как будто это самая забавная вещь, которую она когда-либо слышала.

И вот так, все, что я начинал чувствовать к Лекси за последние несколько дней, засохло, сморщилось, и исчезло.

Так вот, что она о тебе думает. Ты недостаточно хорош для нее. Ты никогда не будешь достаточно хорошим. Ты всегда будешь для нее слишком обычным. Она никогда не будет смотреть на тебя так, как ты бы хотел. По понятной причине. Ты ничтожество... и ты это знаешь.

— Иди внутрь, — закипаю я, выходя из машины.

Слышу, как позади меня хлопает дверь, но я не жду ее, и иду в сторону дома. Поднимаюсь по лестнице, и быстрое цоканье каблучков дает мне знать, что я иду слишком быстро, и она за мной не успевает.

Но мне плевать.

Иду по направлению к лестнице в холле, я слышу, как она мне кричит:

— Куда ты собрался?

— Я спущусь через пять минут.

Потому что, честное слово, мне нужны эти пять минут, чтобы взять себя в руки.

Нахожу пустой угол в танцзале, и сквозь розовые очки наблюдаю за веселящимися вокруг меня людьми. Я — девушка, оставшаяся без кавалера, и подпирающая стену. Ну, или по крайней мере, до тех пор, пока не вернется Твитч.

Я не знаю, что из сказанного мной его расстроило, но понимаю, что это было что-то достаточно плохое, раз ему понадобилось побыть одному.

Мой затуманенный разум, кажется, работает в замедленном темпе, потому что раздраженное покашливание позади меня, мне сообщает, что я уже не одна.

Моргая, я оглядываюсь, и вижу Линг, протягивающую мне зеркало. На его поверхности аккуратно разложены шесть дорожек белого порошка, такие симпатичные, которые выглядят очень аппетитно.

Я знаю, что это. До этого я никогда не видела кокаин, но мне сразу становится понятно, на что я смотрю. Я никогда не пробовала такого сильного наркотика. Марихуана была единственным, что я когда-либо принимала, и курила ее я только несколько раз в университете. До сегодняшнего вечера.

Внезапно, во мне просыпается желание.

Вернулись мысли о том, какой свободной я себя чувствовала после курения травки.

Мое тело становится легким. Мой измученный мозг проясняется. Комплексы исчезают.

Линг подставила зеркало мне прямо под нос. Я вполне понимаю, зачем она это делает. Это вызов.

Она хочет посмотреть, как далеко я готова зайти. И сегодня вечером, ради Твитча, я докажу ей, насколько далеко.

Я беру короткую соломинку из ее пальцев, и наши глаза встречаются. Ее брови подняты в безмолвном вопросе. Я опускаю лицо к «белому золоту» и подставляю к носу соломинку.

Прежде чем я могу остановить себя, я вдыхаю. Одну дорожку.

Еле уловимая улыбочка появляется на лице Линг. Она впечатлена. Она не может поверить, что я это сделала. Я тоже не могу в это поверить.

Когда она делает движение, намереваясь уйти, я поднимаю соломинку и делаю еще один вдох.

Она пялится на меня, не веря своим глазам. Какое-то время она моргает, а затем приходит в себя. Практически кланяясь мне, она уходит, чтобы предложить кокс другим гостям.

Несколько минут спустя, по крайней мере, мне так кажется, что прошло несколько минут, я чувствую изменения.

Вау.

Я могу все видеть. И я имею в виду все.

Я могу видеть цвета, выстреливающие из акустической системы, вместе с ударами музыки. Яркие взрывы оранжево-розово-белых вихрей вокруг танцующих гостей. Я в восторге.

Я вижу, как разлетаются мысли из голов танцующих людей. Некоторые из них темные. Некоторые сексуальные. А другие абсолютно похабные.

Я вижу, как движется воздух. Танцует. Он умоляет меня к нему присоединиться.

Рассмеявшись во весь голос, я тру лицо рукой, потом расправляю плечи, и позволяю песне One Republic — Counting Stars завладеть моим существом.

Я в состоянии эйфории.

В состоянии экстаза. И это блаженство.

Музыка зовет меня. Мне нужно потанцевать.

Спустившись вниз по лестнице, я просовываю пуговицу в прорезь на манжете моей рубашки. Я хмурюсь, когда вижу людей, столпившихся в центре танцзала.

Мне любопытно, чем вызвано столпотворение, и я ускоряю шаг. У меня плохое предчувствие.

Мой желудок сжимается, когда я вижу ее.

Лекси танцует совершенно не в такт музыке, в своем собственном ритме. Юбка ее короткого черного платья развивается из стороны в сторону вокруг бедер, задираясь достаточно высоко, чтобы можно было разглядеть ее округлую попку.

Она выглядит потерянной. И в то же время не потерянной.

Пустота в ее глазах подсказывает мне, что она под кайфом. Сильно под кайфом, на самом деле. Она находится в сильном наркотическом опьянении.

Черт.

Обведя взглядом танцзал, я замечаю Линг, прислонившуюся к стене в тени, она ухмыляется, смотря на Лекси. Я направляюсь к ней. Линг замечает меня за несколько секунд до того, как я достигаю того места, где она стоит. Ее улыбка исчезает, а в глазах появляется страх.

Ей есть чего бояться.

Если бы кто-нибудь подошел ко мне с таким выражением лица, какое у меня сейчас, я бы наложил в штаны от испуга.

Иду не останавливаясь, пока мы не оказываемся нос к носу. Наклоняюсь к ее лицу и совершенно спокойным тоном, спрашиваю:

— Что ты ей дала?

Линг открывает рот, чтобы что-то сказать, но не в состоянии вымолвить ни слова. У меня дергается глаз. По моим венам начинает струиться гнев.

Медленно поднимаю руку и кладу ее ей на шею в районе ключицы. Это предупреждение.

— Что ты ей дала?

— Она сама взяла! Я просто предложила, — в панике отвечает Линг.

Сжимая руку на ее шее, я еле себя сдерживаю. Опускаю подбородок, закрываю глаза и глубоко вдыхаю, пытаюсь взять себя в руки.

Отпустив ее, я выпрямляюсь и поправляю пиджак.

— Что она приняла?

Линг молчит. Я смотрю ей прямо в глаза.

Моего сердитого взгляда достаточно, чтобы заставить ее прошептать:

— Кокаин. Две дорожки.

Я стискиваю челюсть.

Слишком много кокаина для того, кто до этого не принимал наркотиков. Неудивительно, что Лекси устроила здесь шоу. Игнорируя испуганное выражение на лице

Линг, я поворачиваюсь в ту сторону, где идет выступление Лекси. Под светом прожекторов я вижу, как пот на ее лбу отражает мерцающий свет. Бедрами она двигает из стороны в сторону, как плавно накатывающие волны океана. Ее руки, лежащие на бедрах, медленно движутся вверх по ребрам к груди, и накрывают ее ладонями.

Она такая красивая. Как ангел, я всегда это знал. Ангел...

Я ненавижу ее за это. Почему она не может быть стервой? Тогда для меня все было бы намного легче.

Руками она легонько сжимает грудь, прежде чем поднять их выше. Глаза её по-прежнему закрыты и, чувственно покачиваясь, одной рукой она сжимает заднюю часть шеи, а другой скользит к уху и запускает ее в волосы. Ее пальцы запутываются в темных локонах, и ее бедра внезапно вздрагивают.

Вида Лекси в сексуальном трансе достаточно, чтобы сильно меня возбудить. Ее губы раскрываются в тихом вздохе.

Рука, которой она сжимала шею, медленно опускается обратно к груди, а затем еще ниже. Когда её рука, скользящая по ее телу, останавливается чуть ниже живота, мой член затвердевает.

Мой взгляд сосредоточен на ее лице. Я рассматриваю ее закрытые глаза и раскрытые губы с единственной мыслью в голове. Я хочу ее. Сейчас же.

Мои грезы рассеиваются, когда я слышу какой-то свист. Оглянувшись по сторонам, я напрягаюсь, когда вновь смотрю на Лекси.

В середине танцзала. Под прожекторами. В тумане.

Одной рукой она забирается под платье, потирая киску через маленькие белые стринги. Другой рукой нежно щипает сосок через белую шелковую ткань платья. Рот её приоткрыт, а голова, в экстазе, откинута назад.

С трудом сглотнув, я смотрю на нее, не мигая. Она чертовски красива.

Ни о чем не переживает. Просто живет под ритм песни.

Высокий парень, которого я несколько раз встречал раньше, в нерешительности топчется у свободного пространства возле нее, а затем пересекает танцзал.

Я хмурюсь.

Он сзади подходит к Лекси, и одной рукой обнимает ее за талию, прижимая. Я не могу слышать, но вижу, как она приоткрывает рот чуть больше, как будто стонет. Она прижимается к нему спиной, берет его руку и двигает ею по своему телу, оставляя на своем холмике вместо своей.

В моей голове шумит.

Она начинает медленно крутить бедрами, и я понимаю, что своей милой попкой она трется об его член. Одна особенность моих мозгов — это то, что они полностью испорчены. Я мыслю не так, как другие люди.

Точнее, термин «думать» ко мне вообще не относится.

Иду через зал и подхожу к Лекси. Хватаю ее за руку, я оттаскиваю от этого ублюдка. С силой дергая в свою сторону.

Она спотыкается, но я этого не замечаю.

Я не замечаю, потому что тот высокий парень уже лежит на спине.

Я методично бью его кулаком по лицу. Сильно и быстро. Лицо искажено от гнева, и моя грудь вздымается с каждым тяжелым вдохом, который я делаю.

Брызги мокрого тепла хлещут по моему лицу.

В ушах ревет кровь. Я не слышу криков, которые просят меня остановиться. Я чувствую запах его страха.

Он поднимает руки. Напрасно пытается заблокировать мои удары. Стиснув зубы, я поднимаю руку к своей голове, затем со всей силы ударяю его локтем в скулу. Ощущение того, что что-то крошится под моими ударами, дарит мне чувство эйфории.

Тело парня трясется и дергается, как будто на электрическом стуле.

Чьи-то крепкие руки хватают меня сзади, и я смутно слышу:

— Какого хрена, Твитч! Ты его убьешь! Остановись!

Я вырываюсь, но меня стаскивают со стонущего, кровавого месива. На сей раз я слышу более отчетливо:

— Ты избил его, бро. Ты почти его убил. Он все понял. Теперь ты в порядке. Время остановиться.

Это говорит Хэппи.

Я задыхаюсь и отталкиваю его от себя.

Повернувшись, сканирую взглядом комнату, натываясь на испуганные лица гостей. Хэппи что-то мне протягивает. Носовой платок.

Беру его и вытираю кровь со своей щеки и лба.

— Убирайтесь, — говорю я, тяжело дыша. — Вечеринка закончена.

Но никто не двигается.

Успокаиваясь, я минуту наблюдаю за ними, прежде чем делаю шаг вперед, и кричу:

— Убирайтесь, мать вашу, из моего дома! Любого, кто через три гребаные минуты еще будет здесь, я выпровожу лично. В долбаном похоронном мешке!

Люди торопятся покинуть дом, понимая, что я, правда, смог бы сделать это, и никто из них не хочет проверять серьезность моих угроз.

Умные.

Иду к Лекси, по-прежнему танцующей в углу комнаты, хватаю ее за плечо и практически тащу за собой. На полпути вверх по лестнице, она спотыкается, и взрывается приступом смеха, как будто это самое смешное, что она когда-либо делала в своей жизни.

Из-за этого моя кровь закипает.

Я ненавижу себя за тягу к такому состоянию, в котором она находится. Как обиженный ребенок, я выплескиваю на нее свою зависть. Тяну ее слишком сильно, и она удивленно взвизгивает. Я, не останавливаясь, тащу ее дальше. Оказавшись в моей комнате, я открываю дверь ванной, и заталкиваю ее туда. Она спотыкается, и в конце концов, падает на колени на коврике ванной. Лекси хихикает, и где-то внутри меня закипает гнев. Иду мимо нее к душе, включаю холодную воду и со злостью, говорю:

— Смой с себя его запах. Сейчас же.

Потом я захлопываю дверь, и начинаю расхаживать, сжав кулаки и стиснув челюсть.

Как только я успокаиваюсь и перестаю помышлять об убийстве, глубоко вздыхаю и в ожидании, когда Лекси помоеется, сажусь на край кровати.

Пять минут спустя, я еще слышу ее пение, поэтому решаю дать ей еще немного времени. Спустя еще пять минут, я нахмуриваюсь. Пение прекращается.

Что-то подталкивает меня проверить, как она, и когда я открываю дверь ванной комнаты, мое сердце останавливается. Она по-прежнему одета в свою одежду, сидит на полу душевой кабинки и ее неудержимо трясет.

Твою ж мать!

Подхожу к ней, и брызги ледяной воды попадают в меня. Она десять минут провела в ледяной ванне.

— Что, на хрен, с тобой такое? — выключая воду, кричу я.

Как будто это ее ошибка, а не моя. Потому что, девушку, которая прежде никогда не принимала кокаин, я оставил принимать душ одной. Я зол сам на себя. Но я никогда в этом не признаюсь.

Губы Лекси посинели, кожа стала мертвенно-бледной, а широко раскрытые голубые глаза смотрят на меня с испугом.

Я кладу руку на бедро, опускаю голову и щипаю себя за переносицу, заставляя успокоиться. Потом так аккуратно, как только могу, я тянусь к ней и говорю:

— Давай, малышка. Мне нужно согреть тебя или ты заболеешь.

Это не предположение. Это уже точно. Но мне надо вытащить ее отсюда. Она выглядит напуганной. Кажется, она начинает приходить в себя.

Лекси моргает, прежде чем протянуть ко мне трясущиеся руки. Я пытаюсь ее поднять, чтобы она встала, но она дрожит настолько сильно, что кажется, как будто у нее начались судороги. Тянусь к подолу ее платья, которое теперь прилипло к ее телу, снимаю его через ее голову, и быстренько расправляюсь с трусиками. Беру большое пушистое полотенце, заворачиваю ее в него и веду ее из ванной к моей кровати.

Усаживаю ее на край, включаю электроодеяло и раздеваюсь догола.

Мне почти стыдно за себя, потому что я тверд, но с Лекси я ничего не могу с собой поделать. Это просто происходит. Снимаю полотенце с ее дрожащего тела, ложусь, прижимаю ее к себе и обнимаю. Я весь покрываюсь мурашками, когда ее тело соприкасается с моим.

Проклятье. Черт!

Она ледяная. Такая чертовски холодная, что все мое тело начинает покалывать от холода. Я напрягаюсь, обнимая ее, и знаю, что это моя ошибка. Я покорно принимаю холод от ее практически замороженного тела. Это мое наказание, если вам так больше нравится. Электроодеяло действует быстро, и несколько минут я растираю ее руки и спину, прежде чем она перестает дрожать. Ее зубы все еще стучат.

— Почему ты ко мне не пришел? — спрашивает она. — Я тебя звала.

У меня в груди возникает такое чувство, будто сквозь нее прошла пуля.

Чувствуя себя последним подонком, я тихо отвечаю:

— Малышка, я не слышал.

Холодным носом, она зарывается в изгиб моей шеи и шепчет:

— Я звала и звала, но ты не приходил.

Если бы у меня было сердце, оно бы разбилось.

Потом я делаю то, что шокирует даже меня. Глядя ее по спине, я впервые в своей жизни извиняюсь:

— Извини меня, малышка. Я должен был приглядывать за тобой.

Она не отвечает, но стучит зубами и кивает мне в шею.

Такой искренний жест пронзает меня в бок, словно нож. Я чувствую за Лекси ответственность. Что за дерьмо.

Ответственность за женщину, да я, наверное, повредился умом. Я придурок. Seriously.

Я не просто слегка ненормальный. Я думаю, что даже не изобрели еще того слова, чтобы описать, насколько я испорчен.

Тело Лекси вдруг резко расслабляется так, что я даже подсакиваю от неожиданности. Хватаю ее за руку, всматриваюсь в ее безжизненное лицо, и с силой её трясусь.

— Лекси! Черт возьми!

Когда она открывает глаза, и испуганно раскрывает их шире, мое сердце снова начинает биться.

— Что? — спрашивает она.

Я думал, что ты без сознания, и это сильно меня напугало.

Качаю головой, и с трудом сглатываю.

— Ничего, малышка. Засыпай. Я не буду больше тебя будить. Обещаю.

Ее лицо до сих пор ледяное, она утыкается им мне в шею и вздыхает. Моя челюсть вздрагивает.

Я никогда не должен был ее сюда приводить.

Подсознательно, я обнимаю ее еще крепче, игнорируя мысли, роящиеся у меня в голове.

Просьпаюсь в крошечной темноте, с дикой головной болью, першением в горле и вздутием живота, прыгаю с кровати и стремительно бегу в ванную. Дверную ручку заедает и мое тело сотрясается в рвотных позывах. Вдруг откуда-то сзади меня появляется чья-то рука и открывает дверь. Залетаю внутрь, а всем своим дрожащим телом падаю к унитазу, и извергаю все содержимое желудка.

О чем очень сожалею.

Мне понравился каждый кусочек, съеденный мною вчера за ужином.

Со стоном утыкаюсь в акриловое сидение унитаза. Кто-то кладет на мои плечи какую-то тяжелую ткань и укутывает ею все мое тело, но я настолько горячая, что сбрасываю это с себя.

— Ангел, тебе нужно укрыться, — доносится сонный голос слева.

Не открывая глаз, я хмурюсь.

— Слишком жарко.

Чья-то прохладная рука трогает мой лоб, я прислоняюсь, и вздыхаю с облегчением. Но в следующую секунду, я слышу:

— Дерьмо, Лекси. Ты вся горишь.

И это последнее, что я помню, перед тем, как отключаюсь, опустив голову на сидение унитаза.

Я точно знаю, когда Лекси отключилась, потому что вижу, как ее руки, прежде обнимающие унитаз, вдруг расслабляются, а лицом она прижимается к сидению унитаза. Сладкий звук ее равномерного дыхания — единственная вещь, способная успокоить меня в данный момент.

Оставив ее на том же месте, иду к тумбочке, хватаю телефон и звоню Хэппи. В 3.57 ночи.

— Лучше бы у тебя было что-то важное, придурок, — полусонно отвечает он.

Проигнорировав его раздражение, быстро говорю ему:

— Мне нужен номер доктора.

Тишина.

— Что ты натворил? — спрашивает он обвинительным тоном.

— Я проигнорирую твой тон и херов вопрос, и спрошу тебя еще раз, — рывкаю я в ответ.

Хэппи тут же отвечает:

— Не будь таким, бро. Извини, хорошо? Что, по-твоему, я могу думать, когда ты звонишь мне посреди ночи, и твой голос звучит так, как будто ты вляпался в какое-то дерьмо?

Я его не виню. Правда, не виню. Я знаю, что у него есть причины думать обо мне самое худшее. Парню доставалось от меня и по менее значительным причинам. И он один из моих лучших друзей.

— Это из-за Лекси, — проведя рукой по лицу, объясняю я. — Прошлым вечером, Лини дала ей две чертовы дорожки кокса. Я посадил Лекси под душ, а когда пришел за ней, то обнаружил ее сидящей на полу душевой, в ледяной воде. Так что не знаю, заболела ли она, или просто у нее такая реакция на кокс. Она... ей нехорошо.

— Чувак, я позабочусь об этом, — его голос смягчается. — Оставайся с ней. Мы скоро приедем.

— Спасибо, бро, — говорю я, и мысленно добавляю: "Я твой должник".

Хоть и не произношу этого вслух, но мы оба об этом знаем...

Доктор осматривает находящуюся без сознания, и прикрытую моей футболкой, вспотевшую Лекси, проверяя ее уже примерно десять минут. Щупает железы, светит фонариком в глаза, и за последние несколько минут, уже четвертый раз меряет температуру. Честно говоря, я в панике.

Был бы это кто-нибудь другой, но она...

Выбросив эти мысли из головы, я внимательно за ним наблюдаю. Мне не нравится, что он к ней прикасается. Ко всему ее телу. Я просто смешон. Я знаю, что он — доктор. Я знаю, что он здесь, чтобы помочь. Но это не избавляет меня от желания оторвать ему голову, видя его руки на ее теле.

На моем теле. Она моя. Она принадлежит мне.

На какую-то долю секунды, я прихожу в ужас от того, что зашел с Лекси слишком далеко. На секунду, я говорю себе порвать с ней все связи. На секунду, я задаюсь вопросом, как глубоко я застрял.

На секунду.

Ко мне подходит доктор, высокий и подтянутый мужчина средних лет, его волосы с проседью. Сбрызгивая руки антисептиком, он потирает ладонью об ладонь.

— Вы сказали, она никогда не принимала наркотики раньше, а потом решила покурить травку, и понюхать кокаин за одну ночь? — он морщит лоб, не веря в то, что я сказал.

— Я предложил ей покурить со мной, и она согласилась, — глядя ему прямо в глаза, я добавляю: — Добровольно.

Принимая это к сведению, он кивает, и я продолжаю:

— Но думаю, что травка достаточно ослабила ее рассудительность и она нанюхалась кокаина. Меня не было рядом, и когда я пришел за ней, она уже была под кайфом. Она переживала даже из-за травки в своем организме, так что я не знаю, зачем ей понадобилось... — я пожимаю плечами. Остальное очевидно.

Доктор смотрит на меня, не мигая, прищуренными глазами. Негодяй заставляет меня нервничать, и прекрасно это понимает. Пробежавшись рукой по волосам, он вздыхает.

— Это похоже на вирусное заболевание. Возможно, наркотики усилили реакцию ее организма на вирус, но как мне кажется, она просто сильно обезвожена. Ей нужна капельница.

Я смотрю на капельницу, прикрепленную к руке Лекси. Хотя будет правильнее сказать, я пожираю ее взглядом.

Мог ли я, на самом деле, довести дело «сделать Лекси больно» до конца, когда не могу даже выдержать вида Лекси, пронзенной иглой?

Я никогда не расскажу этого придурку, но Хэппи был прав. Я никогда не был в порядке. Ни дня в моей жизни. Мой разум... разрушен. И я точно знаю, когда мои мозги, из слегка поврежденных, перешли в стадию полностью разрушенных.

— Я должен остаться здесь, пока она не проснется, — продолжает доктор. — Капельница закончится через четыре часа. Так что, если у вас есть для меня свободная кровать, то я с удовольствием ею воспользуюсь. Предпочтительнее, если кровать будет недалеко от девчонки.

Я борюсь из последних сил, чтобы не двинуть по роже этому парню. Мне не нравится, как он сказал: «девчонка». Он сказал это так, будто она была наркоманкой или какой-то гребаной проституткой, или кем-то в этом роде. Он ни черта не знает, чем она занимается, или как чертовски повезло правительству, что у них есть кто-то, настолько влюбленный в свою работу, как она.

Но все же, я ведь до хрена плачу этому парню, чтобы избежать лишних вопросов.

— Итак, — я продолжаю наблюдать за Лекси, моим ангелом, — с ней все будет в порядке, да?

Доктор берет свой чемоданчик и заявляет:

— Я не могу подтвердить это или опровергнуть. Мне нужно будет осмотреть ее, когда она проснется.

Хэппи, о котором я позабыл, появляется из дверного проема, и жестом руки предлагает доктору следовать за ним. И я остаюсь наедине с девушкой, которой суждено меня возненавидеть. С девушкой, которую я люб...

Ого. Что за хрень?

Я напрягаюсь. Уставившись вниз, на Лекси, я качаю головой, как будто хочу исключить ее из непрошенных мыслей. Мне не нравится то, что она со мной делает.

Злость — это моя реакция на все, что мне не нравится, или чего я не понимаю. И внезапно, я злюсь на Лекси.

Нахмурившись, я поворачиваюсь на пятках и выхожу из комнаты.

Я никогда не должен был сюда её приводить.

Я пытаюсь открыть тяжелые веки, но они очень тяжелые, и я бросаю свои попытки. Прохладный бриз обдувает мое разгоряченное тело, даря капельку облегчения. Кто-то щиплет меня за руку, и это заставляет меня нахмуриться. Такое чувство, будто меня ужалила пчела.

Подняв руку, я медленно тянусь к больному месту в верхней части моей руки, и нащупываю что-то пластмассовое. Хмурюсь еще сильнее. Именно в этот момент, я слышу

голос где-то возле моей постели:

— Она просыпается. Да. Я не знаю. Хорошо.

Открываю один глаз, чтобы рассмотреть моего посетителя, и вижу Хэппи, который осторожно за мной наблюдает. Я, кажется, потратила все свои силы для того, чтобы открыть глаз. Снова закрыв его и перестав двигаться, я бормочу:

— Мне плохо.

Я чувствую, как Хэппи наклоняется ближе, и убирает волосы с моего лба.

— Я знаю, куколка. Тебе немного лучше. Не так горячо. Так что все хорошо.

— Твитч, — шепчу я, с трудом проглатывая слюну.

Хэппи, в нерешительности, замирает, потом наклоняется еще ближе, и шепчет:

— Он скоро будет дома. Хорошо?

Мое тело не мне подчиняется, и я ничего не отвечаю. Я не в состоянии даже кивнуть головой.

Я хочу Твитча.

Я сажусь в кровати, пока доктор смотрит в мою сторону. Он немного отодвигается, и я перевожу взгляд на электронные часы на тумбочке.

16:56

Я проснулась час назад. Мне сказали, что у меня обезвоживание, и что мне поставили две капельницы. Должна заметить, что после того, как я заставила себя не обращать внимания на пощипывание, эти капельницы сделали свою работу. Я уже чувствовала себя лучше.

Но не хватало одной вещи. Или лучше сказать, одного человека.

Слабый свет тускло освещал комнату. Я поворачиваюсь и вижу Хэппи, смотрящего телевизор, сидя на стуле возле моей кровати. Сейчас я чувствую себя намного лучше. Я больше не обезвожена, и даже поела. Доктор, на прощание, дал мне пару советов и пообещал, что запишет их для меня на бумагу. Он внимательно посмотрел на меня, передавая свернутую бумажку. Потом он ушел.

Как только он ушел, я открыла записку и прочитала. Сверху страницы было напечатано: «Рекомендации доктора пациенту». Ниже небрежно написано:

«Не принимать кокаин».

Я сильно покраснела. Я очень смутно помню, что произошло прошлой ночью, но все же достаточно, чтобы съежиться и покраснеть из-за своего вчерашнего поведения. Мое сердце начинает биться быстрее. Мне не избежать последствий. Я потеряю работу. В этом году я не пройду выборочное тестирование на наркотики.

И во всем я виню Твитча.

Беспорядок в его жизни стал беспорядком в моей.

Поворачиваюсь к электронным часам на тумбочке и смотрю на дисплей. 22.45, а он все еще не вернулся домой.

Гребаный трус.

Обняв себя за колени, я тихо говорю:

— Я бы хотела поехать домой.

Я чувствую на себе взгляд Хэппи. Он вздыхает.

— Лекс, тебе не нужно. Ты можешь остаться...

— Я хочу поехать домой, — перебиваю его я. — Если ты сможешь организовать машину, отлично. Если не можешь, то я поймаю такси.

— Детка, даже не думай об этом. Я отвезу тебя сам.

Не проходит и десяти минут, как моя несчастная задница уезжает от мужчины, о котором я думала, что он мог бы измениться. Мог бы.

Я думаю, что ошибалась.

Неделю спустя...

Сказать, что я раздражена, значит, ничего не сказать.

С тех пор, как я видела Твитча, прошла неделя. С тех пор, как я была больна. И с тех пор, как я попробовала кокаин в первый раз.

Сидя за своим столом, я слушаю Чарли, хотя на самом деле не вслушиваюсь, что он говорит. До моего сознания доходят лишь небольшие отрывки разговора, но не все. «Ежегодный тест на наркотики... Каждые полгода... Выборочно... Завтра днем... Обязательный... Приведет к немедленному увольнению... Не о чем волноваться».

Мое сердце обрывается.

Время встретиться лицом к лицу с реальностью.

Завтра — день, когда я потеряю работу. Работу, ради которой я трудилась в поте лица. Работу, которую я люблю всем сердцем.

Чарли всматривается в мое лицо. Затем хмурится.

— Лекс, я знаю, что мы не должны обсуждать личное на работе, но... — он вздыхает, — я просто хочу спросить, все ли в порядке. В последнее время ты сама не своя. Я редко вижу твою улыбку. Я беспокоюсь о тебе.

Резко встаю, и вытираю вспотевшие ладони об юбку. Изображаю свою лучшую улыбку, и говорю:

— Все в порядке. Правда. Просто в последнее время, я плохо сплю. Много мыслей в голове.

Чарли посылает мне сочувствующую улыбку.

— Ладно. Но, ты знай, что можешь поговорить со мной в любое время.

Встав, он уходит из моего кабинета, а я остаюсь за столом, чувствуя в голове пустоту.

Прошедшая неделя была дерьмовой. Дерьмовой, потому что я чувствовала себя паршиво, и дерьмовой, потому что Твитч решил, что ему надоело со мной играть.

Но ему не хватило мужества сказать мне об этом самому. Я всю неделю ждала, когда же он напишет, или покажется в моей комнате. Я даже не чувствовала, что он за мной наблюдает. Он просто... исчез.

Я понимаю, что кокаин — это плохо, и я не должна была его нюхать, но могу сказать со всей серьезностью, что даже не помню, как это делала.

Нет, серьезно, я? Нюхала кокаин? Я-я не знаю, что произошло. Это на меня не похоже.

Я избегала Никки и Дэйва так долго, как только было возможно. Они каждый день звонили, и спрашивали, можем ли мы встретиться, но я отвечала им, что мне нехорошо, и что не хотела бы их заразить. Дэвид, кажется, поверил. Никки? Не очень-то.

Она знала. Она всегда знает, когда что-то происходит. А этот козел. Этот гребаный козел.

Выкинул меня, как ненужный мусор.

Я повторяю себе, что мне плевать, и что так будет лучше. С глаз долой, из сердца вон. Но я бы солгу, если скажу, что это совсем меня не ранит.

Кажется, я нахожусь в стадии «печаль».

Я уже прошла через первую стадию: «отрицание и уединение», и перешла ко второй стадии — «гнев». И в данный момент я разгневана.

Да как он смеет? Кем это он себя возомнил? Мне он не нужен.

Может быть, если ты просто позвонишь ему...?

О, черт. Я уже нахожусь на грани третьей стадии — упрашиваю себя.

Мне плевать, кто он, я не буду ему звонить. Я не сделала ничего плохого!

Сажусь за стол, решаю написать Никки и Дэйву, и попросить их сегодня вечером со мной встретиться. Мне нужен девичник.

— Так ты говоришь, он просто перестал тебе звонить?

Ну, технически, Твитч и не звонил мне, но...

— Да. Так и было, — говорю я Никки.

Дэйв смотрит на меня печальными глазами.

— Может, тебе стоит позвонить ему первой. Может быть, он просто занят.

Закатываю глаза, и говорю:

— Он тебе даже не нравится! Почему ты за него заступаешься?

Дэвид поднимает руки вверх, как бы показывая: "Я сдаюсь".

— Может, он мне и не нравится, но я знаю, что он нравится тебе, и это означает, что он обладает какими-то особенными качествами, иначе, ты бы его не хотела.

Были ли у Твитча такие качества? Я обдумываю этот вопрос попозже.

— А ты не думала, что он просто дает тебе немного времени, чтоб побыть наедине с собой, после того, как тебе стало плохо у него дома? — спрашивает Никки. — Может быть, он думает, что ты из-за этого переживаешь, и придешь к нему сама, когда будешь готова.

Ага. Точно. Я — настоящая завравшаяся дура.

Я не могла сказать своим друзьям, что я — по доброй воле принимала наркотики. Они бы во мне разочаровались. Дэйв и Никки не против употребления наркотиков, но они в курсе, чем я зарабатываю на жизнь. Они знают, что может произойти, если я буду принимать наркотики. Они знают... знают, что я потеряю работу. И завтра произойдет именно это.

Но до тех пор, я подожду.

Закинув в рот картофельные чипсы, я громко жую, вздыхаю, затем выпаливаю:

— Жизнь — отстой.

Женщина, которая собирала слюну с внутренней части моей щеки, была молодая и пухленькая, с татуировками и короткими черными волосами. Татуировки сразу же напомнили мне о ком-то, о ком лучше не думать.

— Здесь ты можешь подождать результат, — сказала она после того, как закончила, и пошла обработать мой положительный результат.

Не в силах усидеть на месте, и зная то, что случится через несколько минут, я практически побежала в свой кабинет, и начала нервно просматривать ящики своего рабочего стола.

Итак, вот я, в ожидании, что кто-то сейчас постучит в дверь, и объявит мне о моем неизбежном приговоре. Слышится стук, и я подпрыгиваю на месте.

— Входите, — кричу я ослабевшим голосом.

В мой кабинет входит Чарли с белым листом бумаги в руках. Положив листок на мой стол, он внимательно не меня смотрит.

— Результат внутри.

О, дерьмо. Вот и все.

Когда его лицо расплывается в широкой улыбке, и он мне подмигивает, я прихожу в замешательство.

— Отрицательно. Как обычно.

А я ошарашено смотрю на захлопнувшуюся за ним дверь. И не понимаю. Я готовилась потерять работу.

Возможно, это какая-то ошибка.

Как так? Вероятность ошибки в таких тестах очень мала.

Это, должно быть, все-таки ошибка. Удачная ошибка.

Я все еще не понимаю. Что, только что произошло?

Мой телефон издает сигнал, пугая меня до смерти.

Моргнув, я смотрю вниз, на экран, и мое сердце принимается бешено стучать.

Твитч: Всегда пожалуйста.

О!

Вот, что случилось.

Не проходит и секунды, как мой телефон снова пищит. И новое сообщение заставляет мое сердце остановиться.

Твитч: Между прочим... Ангел, ты моя должница.

Я не представляю себе, что бы это значило, но точно знаю, что это не хорошо.

Я сижу в абсолютной тишине, и в моей груди болит.

Во что я сама себя втянула?

Ломка, или, когда вы пытаетесь победить зависимость от наркотиков, может быть болезненной. Даже больше, мучительной. С тех пор, как я видел Лекси в последний раз, прошла неделя. И я начинаю беситься.

Мне это не нравится.

Мне не нравится власть, которую она надо мной имеет. Мне не нравится, как сильно я без нее страдаю. Тот факт, что я её избегаю, вы могли бы назвать, своего рода, тестом.

Мне хотелось знать, как глубоко я застрял в этих... этих... можно ли назвать отношениями то, что было между нами?

Лично я бы назвал это взаимовыгодной — ты мне, я тебе. Она дает, я беру.

Тайное наблюдение, что я за ней веду, сводит меня с ума. Глупая женщина пошла на работу на следующий же день после того, как, будучи еще больной, поднялась с моей постели. День. Издали, я наблюдал, как медленно она шагала к зданию, с трясущимися руками, сгорбленная, очень бледная.

За это я готов был отшлепать ее по попе.

Хотя есть в ней что-то, в этой сильной женщине. Что-то, что заставляет меня с гордостью за ней наблюдать. Лекси ничему не позволяет встать у себя на пути.

Сделав пару звонков нужным людям, и узнав, что ее обязательный тест на наркотики назначен раньше, чем я думал, я понял, что мне необходимо в это вмешаться.

Подкупить девушку, проводящую тест, чтобы она заменила слюну Лекси своей собственной, было проще, чем я предполагал. За это я отвалил ей пятьсот тысяч долларов.

Как и в любой зависимости, мой порыв вернуть её, был чересчур сильным, чтобы с ним бороться. Лекси была моей зависимостью. Я написал ей. Как только я это сделал, то положил телефон на стол и зажмурился.

Заявляю вполне официально.

Я никогда не позволю ей уйти.

Идя к шкафу, чтобы взять новый картридж для принтера, я вдруг останавливаюсь, как вкопанный, когда слышу приглушенный разговор, доносящийся из соседней комнаты.

Мои брови сходятся на переносице. Я подхожу поближе, чтобы подслушать:

— Это был твой первый раз?

Линг.

Ответа нет.

— Ничего страшного, если это правда, — продолжает допытываться она. — Ты отлично справился.

— Это у меня не в первый раз.

Майкл.

Он сказал это так, будто защищался.

Гнев закипает у меня в жилах.

— Майки, малыш, — продолжает Линг, — в этом нет ничего страшного. Правда, это....

Открываю дверь и натыкаюсь взглядом на спутанные волосы и полурасстегнутую рубашку Майкла. Я в бешенстве.

— Возвращайся к работе, болван.

Майкл подскакивает по стойке «смирно».

Смотрю на рассерженную Линг, я указываю на нее пальцем, и с угрозой в голосе, и говорю:

— Нам с тобой необходимо это обсудить.

Покидаю место преступления, и слышу, что следом за мной идет Майкл. Заикаясь, он говорит:

— Н-н-но, вы ничего еще мне не поручили, — и быстро добавляет: — Сэр.

Подойдя к своему кабинету, я понимаю, что больше на него не сержусь. Просто теряю к этому интерес.

— Хочешь, чтобы я сказал тебе, что делать? — спрашиваю я. — Возьми-ка из шкафа ручку и записную книжку, вон там, — я указываю в левую часть комнаты, и он бежит туда, пытаясь быть быстрым настолько, насколько это возможно.

Сажусь за стол, и наблюдаю, как ко мне подходит Майкл, глаза его широко раскрыты, а я принимаюсь диктовать:

— Номер 1 в твоём списке «Не делать»....

— В списке «Не делать»? — сморщившись, переспрашивает он.

Игнорируя его вопрос, я поигрываю ножом для вскрытия писем, который обычно лежит у меня на столе.

— Номер 1 — «Не трахаться с Линг».

Наконец, переводя взгляд на Майкла, я вижу, как вспыхивает его лицо.

— Он-она сказала, что вы разозлитесь, если я этого не сделаю, — поясняет он тихим голосом.

О, блин. Мне хочется жестко ее наказать за подобное манипулирование ребенком. Без сомнения, он был еще девственником. Она и правда, больная на всю голову.

Не то, чтобы я был святым.

Выражение моего лица, должно быть, отражает все, что в этот момент я думаю о Линг, потому что Майкл начинает паниковать:

— У нее будут проблемы?

— Номер 2 в твоём списке: «Не делать». Не злить меня, — продолжаю я, не обратив на его слова никакого внимания.

Но он все еще заинтересован судьбой Линг.

— Вы не... — он с трудом сглатывает, — вы ведь не сделаете ей больно?

Усмехнувшись, я высоко поднимаю руку, и резко, с глухим стуком, опускаю на свой стол нож для писем.

Протыкаю мой чудовищно огромный стол так, что нож остается в вертикальном положении. Указывая на него, я выдаю последнюю инструкцию:

— Номер 3 в твоём списке: «Не делать». Никогда, я ясно выражаюсь? Майкл, никогда не задавай мне вопросов.

Он моргает, прежде чем понимающе кивнуть, и записать мои указания. Майкл так напоминает мне самого себя в его возрасте, что у меня появляется некое чувство к этому мальчишке. Что-то почти отеческое.

Закатив глаза, я глубоко вздыхаю.

— Чувак, я могу поднять руку на женщину только тогда... — я ухмыляюсь, когда вижу его заинтересованный взгляд, — когда она сама меня об этом попросит.

Подходя поближе, Майкл оглядывается на открытую дверь, прежде чем наклониться и прошептать:

— А это часто происходит?

Одному Богу известно, что заставила его делать Линг.

— Нет, — отвечаю я, стиснув челюсть. — Такое ты не часто увидишь. Но да, некоторым женщинам подобное нравится.

Желая ударить себя кулаком по лицу за использование ярлыков, я объясняю так, чтобы Майкл смог понять лучше:

— Хотя это и не считается нормальным.

Еще раз кивнув, я переключаю свое внимание на экран компьютера, и небрежно машу ему рукой.

— Свободен.

Запаниковав еще сильнее, он говорит прерывистым голосом:

— Но вы все еще не дали мне никаких поручений!

— Сделай-ка мне кофе. Крепкий, сладкий, и с капелькой молока.

Он мчится делать кофе, а я сам себе улыбаюсь. Он стремится угодить. Он вежливый. Но все еще простоватый. Мне правда, нравится Майкл. В нем есть все, что было во мне до того,

как мир сделал из меня ублюдка, каковым я сейчас и являюсь. Мне только хочется, чтобы жизнь этого мальчика закончилась не так, как моя. Я хотел бы, чтобы его жизнь была счастливой сказкой, а не драмой.

Потерявшись в мыслях, я слышу, как Майкл возвращается с моим кофе. Встаю, встречаю его у стола, забираю кружку из его рук и делаю глоток. Фальшиво кашляя, я ору:

— Что за дрянь ты добавил мне в кофе?

Взгляд, полный ужаса, появляется на его лице, и это заставляет меня громко расхохотаться. Я хлопаю его по плечу.

— Кофе вкусный. Расслабься, Майкл. Ты отлично справился.

Тяжело дыша, он кивает, и я перестаю улыбаться.

— Майки, расслабься, — говорю я ему вполне серьезно. — Здесь ты в безопасности.

Он все еще продолжает кивать головой, когда я ерошу его волосы и мягко толкаю.

— Найди Хэппи и приступай к работе, бездельник.

Если бы у меня был сын, такой, как Майкл, я бы приложил все усилия, чтобы воспитать его правильно.

Он хороший парень.

Майкл уходит, шаркая своими кроссовками, и происходит нечто странное. Это явление я обдумываю целую минуту.

Я чувствую неловкое и нежелательное чувство счастья, нахлынувшее на меня. Оно заставляет меня ощущать себя не в своей тарелке.

Я даже не знаю, нравится ли это мне. Пока что.

Но я знаю наверняка, что весь день продолжаю работать с призрачной улыбкой на лице.

Смотрю в экран компьютера, и слышу легкий стук в дверь.

— Ты хотел меня видеть? — произносит скучающий женский голос.

Линг.

Даже не взглянув в ее сторону, я дергаю подбородком, и фыркаю.

Закрывая за собой дверь, она подходит ближе и садится на стул для посетителей. По ее напряженной позе и стиснутой челюсти, я замечая, что она уже защищается.

— Позабавилась сегодня с мальчишкой? — спрашиваю её я.

Как будто заранее разувзав детали подноготной парнишки, что она, несомненно, и сделала, она механически выпаливает:

— Майклу семнадцать лет. Это не противозаконно. По законам Австралии, он уже миновал половое совершеннолетие. Я не сделала ничего плохого.

С Линг очень трудно ладить. Как и у меня, у нее такое же искаженное представление о том, что правильно, а что нет.

— Нет. Ты права. Это законно. Только безнравственно и неэтично. Не говоря уже о том, что занимались вы этим на рабочем месте.

Наклоняюсь к ней поближе и впииваюсь в нее глазами:

— И убеждать парня, сказав, что я бы разозлился, если бы он тебя не трахнул — это принуждение. Принуждение в этой стране карается практически так же, как и изнасилование. Угрожать ему при этом, было определено, незаконно, и Линг, мне не нужны подобные проблемы. Ты вовлечешь меня в большие неприятности. Я это чувствую.

Смотря в пустоту, она раздраженно вздыхает. Как будто я заноза в ее заднице. Меня

переполняет гнев.

— Ты не лучше, чем твой отец. Или твои братья. Ты такая же, как они.

Она стискивает челюсть, и ее глаза вспыхивают. Я продолжаю:

— Ты хочешь сделать с мальчишкой то же самое, что они сделали с тобой? Трахать его до тех пор, пока он не станет принимать это за норму жизни, а затем продавать его тело каждому педофилу в Сиднее? Это — твой план?

— Да пошел ты! Пошел ты, Твитч! — подпрыгнув, визжит она. — Я не такая, как они.

Сотрясаясь всем телом, она хватается за волосы, и резко сжимает их в кулаке. Издав вопль, полный боли, она кричит:

— Они делали это. Они делали это со мной. Я была еще совсем девчонкой. Я не понимала! — все еще дергая себя за волосы, она шепчет: — Моя семья делала со мной ужасные вещи.

Мне не нравится видеть Линг в таком состоянии, обезумевшей и утратившей самообладание. Она очень сильная, но, когда речь заходит о ее семье, она срывается. Они ее сломали. Во многом так же, как и моя семья сломала меня.

Мы понимали друг друга.

По ее щекам текут слезы, пропитанные тушью, и она дрожит от ярости. Я обхожу стол, и кладу руки ей на бедра. Потом притягиваю ее к себе.

— Я знаю, Линг. В этом нет твоей вины.

Всхлипывая, она шепчет мне в шею:

— Ты спас меня.

Она называет это спасением. Я называю это — заполучить безжалостного работника.

Когда я встретил ее, Линг работала на улице. Она была под кайфом, когда подошла ко мне той ночью. После того, как я её отшил, она приставила мне к горлу нож. Даже не угрожала. Глупая сука была так обдолбана, что попыталась перерезать мне горло, пока старалась вытащить бумажник из кармана моих брюк.

У меня было два выхода. Убить суку.

Или нанять суку на работу.

Я выбрал последний вариант. Она ко мне переехала. Я принудил ее вылечиться от наркомании и нанял медсестру, чтобы та месяц за ней присматривала. После этого, Линг частично стала человеком. Первыми словами, которые она от меня услышала, были:

— Ты моя должница.

Я кормил ее, дал ей крышу над головой, и наряжал в одежду самых лучших марок. И она была благодарна.

Практически в любое время, когда могла, она доказывала мне, насколько благодарна. Никогда мне не докучая. До недавних пор.

Линг не скрывает, что одержима сексом. Я однажды попытался ей помочь. Однажды. Потом я обнаружил, что она занимается оральным сексом с доктором Лаурой МакКалло.

Доктор была достаточно любезна, чтобы пососать мой член, пока я наблюдал, как ее вылизывают всеми возможными способами. Хотя это и было горячо, я решил больше не возить туда Линг.

Линг отталкивает меня.

— Ты сукин сын. Больше никогда не упоминай мою семью.

Еще больше рассердившись, она влепляет мне пощечину и вопит:

— Больше никогда!

Слышен стук ее каблучков, когда она удаляется из моего кабинета и с силой хлопает дверью. Я тру свою красную, горящую щеку и ухмыляюсь.

Ей потребовалось не так много времени, чтобы снова стать самой собой.

Достаю телефон и звоню Хэппи. После двух гудков он берет трубку.

— Эй?

Я морщусь и спрашиваю:

— Что ты знаешь о нижнем белье?

На том конце провода слышится взрыв смеха.

— Ух, я знаю, что женщины выглядят в нем потрясающе.

— Не, — рассмеялся я, — я имею в виду, что ты знаешь о брендах нижнего белья? Какое самое лучшее и все такое?

— Может, тебе лучше поговорить об этом с Линг? — в его голосе слышится веселье.

Я тру рукой заднюю часть шеи и отвечаю:

— Нет уж. Я её разозлил.

Хэппи вздыхает.

— Что она натворила на этот раз? Ты ведь знаешь, что она настоящая заноза в заднице, так ведь?

— Знаю, но я тоже не святой.

Пауза. Затем признаюсь:

— Я хочу купить Лекси что-нибудь из нижнего белья.

Хэппи с секунду молчит, затем, нараспев, произносит:

— Тогда я предлагаю тебе прогуляться по магазинам. Удачной охоты.

И кладет трубку.

Я смотрю на свой телефон, потом кидаю его на стол и вздыхаю. Шопинг.

Хуже просто быть не может!

Вся еще на нервах после вчерашнего допинг теста, я подскакиваю, когда слышу, как открывается входная дверь. У меня имеется три предположения, кто бы это мог быть.

Никки, Дэйв или Твитч.

Вспоминаю, что разговаривала с первыми двумя, и знаю, что сегодня вечером они заняты, и методом исключения, склоняюсь к третьему варианту.

О, боже, мы что, сможем наконец-то сегодня поговорить.

Как только я вижу, как он проходит через входную дверь, приветствую его словами:

— Ты набрался муж.....

Осекшись на полуслове, открываю рот от удивления. Твитч тащит пакеты, еще пакеты, и те, что стоят за ними. Пинает дверь, чтобы она захлопнулась, и говорит:

— Ангел, я бы не отказался от помощи.

То, как он называет меня Ангелом... ему надо запретить называть меня Ангелом.

— Конечно, — вздыхаю я.

Я, одетая в спортивное трико и топик, с крысиным хвостиком на голове, и в очках для чтения, подхожу к нему, такому статному и одетому в деловой костюм, и беру несколько пакетов. Он проходит в мою спальню и ставит пакеты на пол. Поставив свою кипу пакетов рядом с его, я смотрю, как он принимается вытряхивать их содержимое.

На мою кровать вываливаются одежда, аксессуары и коробки с обувью.

А я просто стою и думаю: «эээ... мы разве не в ссоре?»

— Что все это значит? — шепчу я срывающимся голосом.

— Ты знала, что в торговом центре есть женщина, — выпаливает он, так и не ответив на мой вопрос, — которую можно нанять, чтобы она помогла с покупками? Все, что ей надо знать — это размеры, и бам, ее уже и след простыл. Как чертова машина. Ты говоришь ей не экономить, и она не обращает внимания на цены, — он оглядывается на меня через плечо и выразительно смотрит. — Понимаешь, о чем я?

Все еще смотрю на него с полуоткрытым ртом, и мне удается произнести только:

— Гммм.

Он указывает на вещи на кровати:

— Вечерние наряды. Обувь на выход. Рабочая одежда. Рабочая обувь. Несколько платьев и повседневная одежда. Украшения и прочие побрякушки. Штучки для волос, — он ухмыляется. — А вот это самые деликатные предметы твоего нового гардероба.

Деликатные предметы моего гардероба?

Смотрю на него, нахмурившись, наклоняюсь и изучаю содержимое пакета, на который он показывает. Вытаскиваю прозрачное, кружевное боди.

— Нижнее белье, — лепечу я.

Качаю головой, затем сердито спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь? От тебя не было вестей целую неделю. Ты в курсе? После того, как ты бросил меня больную, в своей кровати, и даже не позвонил, чтобы узнать, как я?

Твитч даже глазом не моргает.

— Может быть, я и не звонил тебе, но знал, что с тобой все в порядке. Я всегда знаю. Точно так же, как и знал, что тебе нужна помощь с твоим обязательным тестом на наркотики, крошка.

— А тебе не пришло в голову, — рявкаю я в ответ, — что я хотела бы тебя увидеть? Что, может быть, я нуждалась в те...

Я затыкаю себя. Не хочу, чтобы он знал, как сильно я тогда в нем нуждалась. Как сильно это разрывало мне сердце, что он вот так со мной порвал, как с любой другой женщиной.

Твитч замирает, а затем резко разворачивается.

— Нуждалась в чем?

— Я бы хотела, чтобы ты ушел.

Его глаза темнеют.

— Сначала я получу то, зачем пришел.

Мой голос внезапно сипнет:

— Зачем ты пришел?

Он подходит ко мне медленно и решительно, и я точно знаю, что он собирается сказать, еще до того, как он это произносит.

— Получить свой должок.

Я сажусь на край кровати, подпираю руками голову, а локти в колени. Слегка покачиваясь на кончиках пальцев ног, я спорю сам с собой:

Какого дьявола ты делаешь? Достаточно. Пора с этим кончать.

CD-плеер на комодe тихо играет. «One More Night» группы «Maroon 5»

«...Ты собираешься вновь заставить меня полюбить тебя.

Ты прилипла к моему телу, ты на моем теле, как татуировка...»

Я еще сильнее раскачиваюсь из стороны в сторону, до ярости. Сжимаю челюсть и крепко зажмуриваю глаза. Чувствую ненависть и гнев. Мои руки, сжимающие голову, потом сжимаются в кулаки. Сжимаю зубы и с силой впечатываю кулаки в лоб.

Во мне закипает ярость.

Резко встаю, подхожу к комоду, и хватаю плеер, выдергивая шнур из розетки. Иду к открытому окну, забрасываю плеер так далеко, как только могу, и закрываю окно.

Слышится глухой стук. Кажется, плеер разлетелся вдребезги.

Закрываю глаза, глубоко вздыхаю и терпеливо жду, когда восстановится мой сердечный ритм. Поворачиваюсь и смотрю на кровать, где спит Лекси.

Только она совсем не спит, а ее ясные, голубые глаза широко раскрыты. Она видела то, что я только что сделал. Я не привык, что кто-то присутствует во время вспышек моей злости.

Она лежит на животе, и ее голая спина выглядит бледной в лунном свете. Покрывало сползло вниз, обнажая спину и едва прикрывая ее милую попку. Она смотрит на меня без осуждения или злобы.

И на секунду, я возвращаюсь в те давно забытые времена. В те времена, когда жизнь была хороша.

Провожу рукой по волосам, вздыхаю и иду к кровати. Сажусь рядом с ней, убираю темные волосы с её плеча, нежно касаясь его кончиками пальцев, потом прикасаюсь к локтю, и отстраняюсь.

— Хей, — тихо говорю я.

— Хей, — осторожно отвечает она.

Злость исчезает с моего лица от звука ее голоса. Черт!

— Я куплю тебе новый плеер.

Лицо Лекси остается безучастным. Она ласково отвечает:

— Все в порядке. В любом случае, я хотела купить новый, и ты лишь ускорил это событие.

Проклятие.

Есть ли хоть один мой поступок, который выглядел бы плохо в глазах этой женщины?

Кажется, остатки прежней вспышки злости снова закипают во мне, и я смотрю на нее. Она тут же замирает, а в ее глазах появляется страх. Я горько усмехаюсь:

— Детка. Серьезно. Ты слишком умна, чтобы быть с таким типом, как я, и ты определенно умнее, чем те пустышки, которые трахаются с такими парнями. Но я понимаю, что ты готова довольствоваться и такой малостью, — я жестоко улыбаюсь. — В конце концов, хорошие девочки всегда хотят плохих мальчиков, не так ли?

Она садится на кровати, от этого движения, простыня спадает с нее, и я люблю ее обнаженной красотой.

Красивые глаза Лекси теперь печальны и затуманены. На ее лице чистейшая ярость. Она настолько зла, что аж дрожит.

— Убирайся, — шепчет она.

Я подавляю смех и закатываю глаза, предвидя сцену, которую она собирается устроить. Внезапно замолкаю, когда в меня летит прикроватный светильник, и врезается в стену над моей головой. Осколки стекла падают на пол к моим ногам.

Я перевожу на нее взгляд:

— Лекси, ты могла бы выбить мне глаза. Какого хрена!

Она встает, и, пересекая комнату, берет хрустальную вазу, и со всей силы ее в меня бросает. Я ловлю вазу в воздухе, а она в это время кричит:

— Я сказала, пошел отсюда на хрен, Твитч.

По ее разгневанному лицу текут слезы, она вся трясется от злости, и я чувствую себя мудаком.

Хоть и не могу себе позволить, чтобы она это заметила. Это не часть меня. В любом случае, больше не часть меня.

Ставлю вазу на стол около двери, молча, натягиваю брюки, затем туфли, беру свою рубашку и пиджак, и ухожу.

Как только я закрываю за собой дверь, слышу стон Лекси, полный боли и страдания. И на этом все.

Это будет мне напоминанием, почему мы никогда не сможем быть вместе.

Я лго и скрупулёзно обдумывала все, что произошло с Твитчем прошлой ночью. Час за часом я пыталась понять, как я ко всему этому отношусь и решить, как мне теперь быть.

Взвесив все «за» и «против», я решаю навестить его на работе. И только тогда, когда я приближаюсь к его офису и останавливаюсь перед дверью, понимаю насколько я глупая.

Но если я не сделаю этого сейчас, то никогда уже не сделаю. Так что я решаюсь. Прямо сейчас. Я бы солгала, если б сказала, что мне не страшно.

Вхожу без стука, и он бросает рассерженный взгляд в сторону двери, чтоб посмотреть, кто же посмел его прервать. Когда замечает меня, его брови удивленно взмывают вверх, но его выражение лица быстро снова становится серьезным и непроницаемым. Смотря обратно в компьютер, он печатает и бормочет:

— Я как бы занят. Что тебе надо, Лекси?

Лекси. Не Ангел.

Закрываю за собой дверь и делаю два шага вперед. Моя напускная храбрость тут же выпрыгивает в открытое окно.

— Я-я думаю, тебе нужна помощь, — говорю я слабым голосом.

Выражение его лица ожесточается. Взгляд становится холодным.

Потеряв то небольшое, что я думала еще оставалось от моей храбрости, мой голос дрожит:

— Ходить к психиатру не так уж и плохо, Твитч. Я тоже хожу.

Он резко поднимается со своего места. Его стул врезается в стену. Меня начинает трясти.

— Выметайся, — произносит он приказным тоном.

Когда он видит, что я даже не шелохнулась, он медленно обходит стол, словно хищник. Лев, который собирается накинуться на свою жертву.

Я цепенею от мысли, что антилопой буду я.

Когда он останавливается в футах от меня, я шепчу:

— Ты не должен так жить, Твитч.

Он закрывает глаза.

— Я сказал — выметайся.

— Там тебе помогут.

Он стискивает челюсть.

— Выметайся, Алекса.

— Ты почувствуешь себя новым человеком.

Он открывает глаза. Наклоняется, пока мы не оказываемся нос-к-носу, стискивает свои зубы и шипит:

— Выметайся отсюда на хрен, сука.

Я не обращаю никакого внимания на его грубое оскорбление. Работая социальным работником, я знаю, как действуют защитные механизмы людей, и к тому же, меня называли словечками и похуже. Дрожа, я решаюсь кое-что попробовать.

Кое-что невероятно глупое.

Медленно поднимаю трясущиеся руки вверх, и нежно беру его лицо в свои ладони. Его челюсть сильнее сжимается под ними, а его холодные, сердитые глаза встречаются с моими.

Я шепчу:

— Ты не хочешь причинить мне боль.

Он выплевывает:

— Если кто-то и причинит тебе боль, так это буду я.

Мое сердце пропускает удар. Жестокая ухмылка появляется на его лице.

— В чем дело, Лекси? Испугалась?

Я моргаю.

Мое дыхание сбивается.

— Ты вселяешь ужас.

— Тогда почему ты все еще здесь?

— Потому что тебе нужна помощь.

— Не от тебя.

— Если не от меня, то от кого?

Его глаза вспыхивают еще раз, прежде чем он закрывает их и наклоняет свой лоб к моему. Он хрипло произносит:

— Я собираюсь причинить тебе боль. — Констатация факта.

Мое сердце ускоряет ритм, а руки сильнее сжимают его щеки.

— Ты не сделаешь этого. Я верю в тебя. — Я наблюдаю как он еще плотнее зажимает свои глаза.

— Тогда ты еще более глупая, чем я предполагал.

Он опускает свои требовательные губы к моим, и я впииваюсь в него. Он грубо, как бы наказывая, целует меня. И я принимаю его поцелуи, также яростно целуя в ответ. Его язык ласкает мою нижнюю губу, пока я своим бедром чувствую его эрекцию.

Жар испепеляет мои внутренности.

Я скольжу руками с его лица вниз, чтобы обнять за шею. Мне нужно прижаться ближе к нему.

Притянув его голову, я соединяю наши губы снова и стону. Он такой вкусный. Как конфетка с виски. Я никогда не пробовала ничего более опьяняющего в своей жизни.

Я начинаю понимать фразу «опьяненная любовью».

Без предупреждения, его мускулистые руки оборачиваются вокруг моей талии, приподнимая меня. Я обхватываю ногами его худые, мускулистые бедра, и он несет меня к столу.

Я знаю, что произойдет. Я должна остановить это. Правда должна. Но не могу.

Я хочу этого. Очень сильно.

У меня между ног становится влажно. Твитч всегда оказывает подобное низменное влияние на меня.

Бесцеремонно развернув меня, он резко толкает меня в спину, и я приземляюсь животом на стол. Мои руки, живя своей собственной жизнью, встречаются за спиной, и он крепко зажимает их своей рукой. Задрав мою юбку, он дергает мои трусики вниз, избавляясь от последней преграды между нами. Вот так просто.

Хоть я и не вижу его, я чувствую. Его свободная рука скользит вниз по моей спине к попе, сжимает ее, прежде чем я слышу, как он тяжело выдыхает, пока кончики его пальцев путешествуют по внутренней части моих бедер. Отпустив мои руки, он грубо приказывает:

— Держи их вот так. Ни одного гребаного движения, Лекси.

Сцепляю мизинчики за спиной, моя киска сжимается, когда кончик его пальца

прикасается к моей влажной щелке. Я дрожу. Я слышу, как он посасывает свой палец, издавая звук «мम्म». Мои бедра дергаются.

Я так сильно его хочу. И я знаю, что он прекрасно это понимает. Он намеренно мучает меня. Я надуваю губы. Эта демонстрация его власти совсем не к месту.

Внезапно, половинки моей попы раздвигаются, и я чувствую его влажный язык между ними. Сильней сжав руки, я широко распахиваю глаза и выдыхаю:

— О, боже.

Он рывкает:

— Не единого долбаного слова. Иначе я остановлюсь.

Прикусив губу, я тихонько стону, но повинуюсь. Как обычно.

Еще крепче сжимая мои ягодицы, он раздвигает их, его язык проталкивается в мой вход и мои ноги становятся ватными. Горячая влажность его языка доводит меня практически до безумства. Протолкнувшись глубже в меня, его нос врезается в мой «черный вход», в то время как его язык описывает круги вокруг моей киски.

Он целует мою киску, как будто это мой рот. С такой радостью. Так требовательно. Это божественно. Я никогда не чувствовала себя более желанной за всю свою жизнь.

— Тебе нравится, малышка? — спрашивает он.

Я молчу. Это ловушка.

Я уже знаю Твитча. Он хитрец. Жулик и мошенник. Но, внезапно, я начинаю нервничать и у меня потеют руки.

Так и не получив ответа, он одобряюще говорит:

— Хорошая девочка.

И несмотря на то, что я ненавижу эту фразу, произнесенную им, она кое-что для меня значит. Мое тело расслабляется на столе, и он продолжает «кушать» меня, будто я его последняя пища.

Вот, каким должен быть оральный секс. Раскованный и освобождающий. Не неловкий и неуклюжий, какой у меня был всегда.

Его язык скользит вверх до тех пор, пока влажное тепло его языка не встречается с тем местом, которое я еще не испробовала в сексуальном плане, и он облизывает его вновь и вновь. Это что-то новенькое для меня. Я не уверена, что именно я должна чувствовать, но мой желудок сжимается, а спина напрягается.

— Остановись, — шепчу я.

Но, конечно же, он не останавливается. Что он делает, так это массирует мою ягодицу одной рукой, а другой дотрагивается ниже. Его пальцы находят мой клитор, и он гладит его медленно и нежно. Почти с любовью.

Ощущения начинают меняться. Я больше не чувствую дискомфорт. Даже наоборот, я завожусь.

Мое дыхание учащается, и я начинаю тереться о его пальцы. Он напрягает язык и проталкивает его в меня.

Мои внутренности делают сальто.

Это не должно быть настолько приятно.

Мои мизинцы сжимают друг друга все сильнее. Мое тело дрожит.

Он проталкивается все глубже и его дыхание обжигает мне кожу. Я двигаюсь навстречу ему, и он рычит, облизывает меня еще раз и затем выпрямляется.

Я точно знаю, что сейчас, наконец, он трахнет меня и готова разрыдаться от счастья.

Я слышу, как он расстегивает молнию. Этот звук раздается громом в тишине комнаты. Но когда его член прикасается ко мне, мои глаза широко раскрываются, и я стараюсь отодвинуться подальше от него.

Шлепок ладонью по моему задку заставляет меня вздрогнуть и подскочить. Он протягивает руку и берет меня за волосы и осторожно потянув их на себя, произносит:

— Ты хочешь этого.

Я? Правда хочу? Я не уверена в этом.

Головка его члена вновь устраивается у моего «черного входа» и он бормочет:

— У тебя есть последняя возможность отказаться. Ты так уверена, что я не сделаю тебе больно? Ты правда настолько глупа, чтобы остаться?

Черт!

Это проклятая проверка! И, кажется, я ее не прохожу. Твою мать!

Я не готова к этому. Не туда. В другой раз, возможно, но не сейчас.

Слезинка выскальзывает из уголка моего глаза, и я неубедительно говорю, прерывисто дыша:

— Я доверяю тебе.

Какого хрена я это сказала, не знаю. Но эти слова уже не вернуть обратно. Слишком поздно теперь поворачивать назад. Я чувствую, как его тело напрягается, и он шепотом говорит:

— Ты сделала неправильный выбор.

Самый кончик его входит в меня, и я тихо взвизгиваю. Это немного больно, но мой анус настолько скользкий от его слюны, что возможно мне больно просто от неожиданности. У меня перехватывает дыхание и еще одна слезинка скатывается по щеке. Он вздыхает позади меня и, зажав мои руки, сцепленные за спиной своей рукой, он наклоняется вперед и это движение проталкивает его член еще чуть глубже в меня. Это приносит острую боль, и я закрываю глаза, нахмутив брови от боли.

— Если ты не хочешь, чтобы тебе было больно, — шепчет он, — то немного наклонись и расслабься. Давай.

Закончив свою фразу, он медленно проталкивается внутрь, и я выполняю то, что мне сказали — я прогибаюсь и двигаюсь ему навстречу. Шарики его пирсинга проскальзывают в меня без проблем. Мой желудок сводит от острых ощущений. Я никогда не чувствовала себя настолько заполненной прежде. Это не больно, просто немного саднит. Он останавливается на секунду, тяжело дыша. Свободной рукой он гладит меня по волосам и нежно говорит:

— Хорошая девочка.

Не проходит и минуты, прежде чем он отпускает мои руки и берет за плечи. Он шепчет:

— Держись, малышка.

Вот тут-то все и начинается.

Он входит в меня настолько глубоко, насколько может, немного выходит, затем опять проталкивается внутрь. Белые пятна появляются перед глазами.

Он двигается во мне в равномерном ритме и все, что мне остается делать, так это держаться за стол пока меня трахают. Я в замешательстве от захлестнувших меня ощущений. Это так потрясающе. Хотя, все, что касается Твитча дарит потрясающие ощущения.

Край стола касается моего клитора с каждым толчком, и непонятно от чего, но я чувствую, как мое тело напрягается, а дыхание учащается. Я сжимаюсь вокруг него, и он стонет:

— Черт, Ангел. Сделает это. Кончай.

Неспособная больше сдерживаться, я кончаю.

Мое тело сжимается в судорогах, и я чувствую, будто я падаю. Падаю с высокой горы. В океан чистого наслаждения.

Я пульсирую с каждым толчком и прикусываю язык, чтобы не закричать.

Так же быстро как это приходит, так же быстро и испаряется. Я становлюсь вялой и обида на человека, который меня трахает, снова возрождается во мне. Как ему это удается? Он так легко манипулирует мной.

Глаза жжет, я зажмуриваюсь, смущенная тем, как сильно его хочу. Тихо плачу на столе и во мне закипает гнев.

Внезапно он замирает. Из него вырывается протяжный стон, и теплая жидкость заполняет меня. Я закусываю губу, чтоб не разрыдаться.

Спустя какое-то время, он осторожно выходит из меня и вручает мне стопку бумажных салфеток. Не спрашивая, я прикладываю салфетки к тому месту, откуда вероятнее всего будет капать, иду в его уборную комнату и запираю за собой дверь.

Привожу себя в порядок и, наконец закончив, опускаю крышку унитаза и сижу на ней какое-то время. Хлюпая носом, я промокаю глаза и задаюсь вопросом, почему этот мужчина вытворяет со мной подобные вещи. Моя жизнь была прекрасной до встречи с ним. Теперь же она превратилась в хаос. И что самое ужасное — я позволяю всему этому происходить. Мой мозг подсказывает мне словечко, которое я хороню глубоко в себе.

И хоть я не хочу, чтобы это было правдой, в глубине души понимаю, что по каким-то извращенным причинам, я хочу Твитча, несмотря на то, что он безвозвратно испорчен.

Я приехала сегодня сюда, чтобы прояснить кое-что.

Иногда, когда ты приглядываешься к человеку, надеясь найти вышеупомянутую ясность, личность этого человека становится такой туманной, такой искаженной и все, что у тебя остается — это непонятные мысли и куча вопросов.

Вот так и случилось, когда я попыталась понять Твитча.

Этот мужчина непредсказуем. Я в курсе, что он испорчен. Я знаю, какой он сложный. Но я не могу не спрашивать себя, что произойдет с ним, если я вдруг его оставлю. Но это просто мысли.

Очень глупые мысли.

Я не могу бросить его. Я не хочу бросать его. Он нуждается во мне.

Ты нуждаешься в нем.

Я нужна ему больше. И я никогда его не оставлю.

Кивнув своей внутренней зажигательной речи, я выхожу из уборной комнаты и замечаю Твитча, который сидит за своим столом. Он что-то печатает, как ни в чем не бывало. Я открываю рот, чтобы заговорить, когда он заявляет:

— Как я уже сказал, я занят. В следующий раз предупреди о своем визите.

Я стою в абсолютной тишине. Мое сердце трескается по швам. Меня выставляют вон?

Чем дольше я там стою, тем больше разрастается мой гнев. Как только я уговариваю себя развернуться, уйти, и никогда больше не возвращаться, я неожиданно для самой себя выкрикиваю:

— Боже, ну ты и мудак!

— Боже, ну ты и мудак!

Я резко поднимаю голову, брови нахмурены. Она замолкает на секунду, тяжело дыша, а потом продолжает:

— И я ненавижу себя за то, что люблю тебя.

Что она сейчас сказала?

Ее губы дрожат, она задыхается.

— Потому что я не могу отказаться от тебя.

Одинокая слезинка скатывается вниз по ее щеке.

Постой-ка. Ну-как еще раз. Что она сейчас сказала?

Лекси любит меня? С каких это пор?

Медленно встаю, иду к ней, всматриваясь в ее заплаканное лицо. Когда мы оказываемся почти нос-к-носу, я поднимаю руку, чтобы прикоснуться к ее щеке. Но она отстраняется.

И это бьет меня в самое сердце.

Его рука нежно прикасается к моей щеке.

— Не надо, малышка. Не смотри так на меня. Я не сделаю тебе больно. Только не так.

Я не знаю почему, но верю ему.

— Я убью любого, кто попытается, — шепотом добавляет он.

— Знаю, — тут же отвечаю я.

Что я не добавляю, так это: «И это очень сильно пугает меня».

Взгляд Твитча впивается в мой. Понимая, что произойдет далее, я поднимаю лицо, пока он опускает свое, и захватывает мои губы в требовательном поцелуе.

И этот поцелуй говорит о намного большем, чем могли бы сказать слова. Я ненавижу себя за то, что люблю этого мужчину.

Целуя Лекси со всей пылкостью и страстью, на какую я только способен, я практически чувствую, как ее любовь скользит сквозь меня. Я чувствую себя опьяненным. Опьяненным любовью.

Прислоняю свою лоб к ее и шепчу:

— Ты должна пообещать мне, что никогда не оставишь меня. Я..я...ты просто должна.

— А ты должен пообещать, что постарайся полюбить меня в ответ, — отвечает она. — То, как ты относишься ко мне.....это... так не обращаются с человеком, которого любят, Твитч.

Я люблю тебя с тех пор, как тебе было 6 лет.

Поцеловав ее еще раз, не раздумывая отвечаю:

— Если ты обещаешь никогда не оставлять меня, я полюблю тебя. И буду заботиться о тебе. Я буду обращаться с тобой, как с королевой.

Моей королевой.

Я где-то слышал, что король преклоняется только перед своей королевой.

И я буду преклоняться перед Лекси.

Моя грудь начинает болеть. Я еще не решил, нравится ли мне вся эта любовная ерунда или нет.

— Я обещаю, что не оставлю тебя, — шепчет она волшебные слова.

И таким вот образом...
..Лекси становится моей.

Вернувшись на работу, я жую кончик ручки, сидя за своим столом и вспоминаю остальную часть нашего сегодняшнего разговора. Я должна работать, но мой разум застопорился на одном человеке. Твитч. Наша беседа была короткой, но казалось, что так много уместилось в этой немногословности.

Он целовал меня вновь и вновь, а затем спросил:

— Ты моя? Только моя?

И то, как он это спросил, с такой неуверенностью в голосе, как будто не знал ответа на свои вопросы. И это успокоило меня, осознание того, что он был также не уверен во всем этом, как и я. В его вопросах не хватало обычной для него уверенности, и они звучали почти наивно. Я искренне ответила ему:

— Если тыпустишь меня и пообещаешь попытаться для меня, то да. Я твоя.

Отстранившись и взглянув на меня сверху вниз, в уголках его глаз появились морщинки.

— Так что, мы все решили? Ты — моя девушка?

Покраснев, я опустила подбородок.

— Я-я думаю да. Обычно это так и происходит. Я знаю, ты не любишь меня...

— Я люблю тебя, — перебивает он.

—...пока что, но это не столь важно для меня. Я готова поработать над этим, если ты думаешь, что сможешь рассказать достаточно, чтобы я смогла понять тебя. Это все, что мне нужно, Твитч. Помоги мне понять тебя, — прошептала я у самого его уха. — Простопусти меня внутрь.

Обняв, он крепко сжимает меня, пряча свое лицо в изгибе моей шеи и бормочет:

— Я попытаюсь, малышка. Я попытаюсь.

И я поверила ему.

Как все это произошло так быстро, я, правда, понятия не имею.

В одну секунду — я прихожу, чтобы предложить Твитчу помощь — помощь, в которой он отчаянно нуждается, — а в следующую секунду я теряю анальную девственность. Потом я кричу на него и в итоге, я становлюсь девушкой Твитча.

Невесело хихикнув, я качаю головой. Это может стать самой большой ошибкой в моей жизни.

Или это может стать самым прекрасным подарком. Тем, который я заслужила.

Есть что-то такое в Твитче. Он просто...неукротимый.

Все в нем неукротимо. И бескомпромиссно. И беспредельно.

Он — бушующий огонь, а я — мотылек, летящий на свет этого пламени.

Рано или поздно я обожгусь.

Смогу ли я перенести этот опаляющий жар?

Как я могу довериться этому мужчине после всего, через что мы прошли за такое короткое время? Мое сердце даже не пропускает удара, как мой мозг выдает ответ.

Легко.

Из-за того, что я провожу послеобеденное время пересматривая свое решение связать

себя с таким мужчиной как Твитч, мой мозг превращается в кашу.

Я несу моральную ответственность в рамках моего сектора, помогая всем, кто нуждается в этом. Я знаю, Твитчу нужна помощь, даже если он и не верит в это. Это не секрет, что у этого парня проблемы с контролем своего гнева, граничащие с жестокостью. Мне интересно, во что я вовлекаю себя. У него есть секреты. Секреты, которые глубоко зарыты.

Размышления о том, что возможно произошло с ним, заставляют мое сердце сжаться. Люди не становятся такими как Твитч беспричинно.

Что-то ужасное привело его к этому. И я буду терпеливо ждать, когда он, наконец, захочет открыться мне. Что-то подсказывает мне, что, давая ему обещание, о котором он практически умолял, не оставлять его, его доверие ко мне возросло до небывалых высот.

Твитч попросил подождать его у меня дома, после работы. Он сказал, что освободиться после обеда, и мы проведем эту ночь в его доме.

Все внутри меня говорит мне не ехать. Не быть всецело в его распоряжении. Мне нужно быть независимой.

Но все, о чем я могла думать — это то, как много потерянного времени нам предстоит наверстать. Честно говоря, разузнать о Твитче побольше было для меня важнее всего остального. И сегодняшняя ночь отлично для этого подходила.

Я написала ему, что поеду с ним, и что ему лучше всего подготовиться к серьезному разговору.

И это именно то, чем мы занимаемся — разговариваем.

Я нашла его в своей комнате, когда вернулась домой, роющим в моем нижнем белье. Он прикусил губу от отвращения:

— Серьезно, малышка?

— Что? — спросила я.

Он вытащил мои розовые хлопковые трусики и растянул их между своих пальцев. Делая из них рогатку, он отправил мои трусики в полет через всю комнату, потом подошел к кровати.

Сев, его глаза принялись рассматривать мое тело, как будто он раздевал меня взглядом. Это заставило меня почувствовать себя немного не в своей тарелке. Я не привыкла, чтоб меня так тщательно обсматривали.

Он притянул меня к себе так, что я оказалась между его ног. Его руки путешествовали по моим бокам, затем по моей груди и потом обратно вниз. Он рассеянно пробормотал:

— Такое тело.

Выйдя из своего задумчивого состояния, он продолжил:

— Такое тело — это подарок. Поэтому оно должно быть завернуто в подарочную упаковку. Мне нравится, когда мои подарки сексуально завернуты, — проведя кончиком пальца от моего пупка до холмика, он произнес: — Мне нравятся, когда мои женщины одеты в шелка и кружева, в оборочки и бантики. Я не наряжаюсь в красивую одежду, но я люблю женщин, которые красиво одеваются.

Затем взглянув на меня снизу-вверх, он заявил:

— Будешь красиво одеваться и тебе никогда от меня не избавиться.

Из его уст это все прозвучало очень мило. И очень по-мужски. И по-настоящему дискриминирующе.

Феминистка внутри меня шикнула и зашипела, в то время как сексуально возбужденный

подросток внутри меня прислонился к стене и мечтательно вздохнул.

Не желая, чтобы он прочел мои мысли, я поддразниваю его:

— Ты — мой сталкер. Я не смогу избавиться от тебя даже если попытаюсь.

— Мне нравится Лекси, — скривил он губы. — Она забавная. Хотя я и не большой поклонник Алексы. Она, как бы, отстойная.

Я была сбита с толку.

— Но я — Алекса. И Лекси. Мы одна и та же личность.

— Нет, — усмехнулся он. — Точно так же, как я иногда Твитч, а иногда... — мои глаза распахнулись шире.

Пожалуйста, скажи мне. Откройся мне. Пожалуйста.

Его улыбка на секунду дрогнула перед тем, как он произнес:

— Давай. Поехали домой.

Домой.

С Твитчем.

Это показалось мне таким правильным, что мой мозг отказался работать. Открыв рот, я просто кивнула, и мы ушли.

Домой.

Провести день с Лекси было замечательно.

Это было замечательно, потому что я не помню, когда бы я так много смеялся или так искренне улыбался. Эта женщина была настоящим шутком. Она восхитительно чокнутая. И я люблю это черту в ней.

Я никогда не думал, что такое будет возможным между нами.

Она говорит, что любит меня. И когда она бросила мне эти слова в порыве своей злости, я понял, что это правда. Я пока что не могу сказать ей, что именно я чувствую к ней. Мне нужно, чтобы она сперва узнала меня — всего меня — прежде чем я скажу ей эти слова. У меня есть на то свои причины.

Мы провели весь день на свежем воздухе. Она одела светло-желтый сарафан, который я купил ей, после того, как она почти час отчитывала меня за то, что я покупаю ей вещи. Она читала мне нотации о людях, голодающих во всем мире и о детях, живущих на улице. Как только она выговорилась, я выпалил:

— Я знаю, Лекс. Я тоже был уличным ребенком. Так что я знаю обо всем этом.

Выражение ее лица смягчилось, а все ее аргументы исчерпали себя.

— Мне просто хотелось сделать что-нибудь приятное для моей девушки, ладно? — добавил я.

Стоя у комода, она тихо ответила:

— Хорошо, милый.

Как я и говорил — я всегда выигрываю.

Я показал ей несколько своих любимых мест в городе, включая маленькое итальянское кафе, в котором мы пообедали.

— Тебе нравится итальянская кухня, а? — улыбаясь, сказала она.

Откинувшись на спинку стула, я ответил ей:

— Я думаю, что это у меня в крови. Я обожаю итальянскую еду. Она моя любимая.

Она улыбнулась еще шире. Я уверен, что это от того, что я рассказывал ей кое-что о

себе.

— Хорошо. Я запомню это, — ответила она.

Рука в руке, мы шли, в основном молча, но время от времени рассказывая друг другу какие места нам нравятся и почему.

Я узнал, что Лекси любит мексиканскую еду. Чем острее, тем лучше. Она так же рассказала мне, что готовит убойное какао, с огромным количеством спиртного в нем. Она упомянула о своем брате, и это привлекло мое внимание. Она сказала, что он был хорошим братом и чрезвычайно оберегал ее. Когда я спросил, где он, она глубоко запрятала свои чувства и безучастно сказала, что она не общается с ним вот уже какое-то время, но, когда она в последний раз справлялась о нем, он был в США.

Моя сердце обливалось кровью.

Самое забавное было то, что даже зная всю ее историю, вся эта информация, что слетала с ее уст, казалась мне совершенно новой.

Ее глаза засветились, когда она принялась рассказывать мне о своих друзьях, Никки и Дэйве.

Никки и Лекси были соседками по комнате в университете. Дэйв, оказывается, учился в том же университете и работал в кафе в кампусе. Дэйва, который был геем, ежедневно изводили, и однажды он пролил кофе на клиента-мужчину. Не раздумывая он схватил горстку салфеток, и извиняясь, принялся вытирая кофе с клиента. Потом клиент обозвал Дэйва педиком, отпихнул его и начал избивать. Лекси и Никки в ужасе смотрели на это секунд десять, прежде чем схватили свои сумки с книгами и принялись бить ими мужчину, напавшего на Дэйва.

— Нас арестовали, — с улыбкой объяснила она, — но вскоре все обвинения были сняты. Дэйв пришел к нам на следующий день в общежитие, и начал беседу с «да, вы просто парочка сумасшедших сучек!» — она искренне рассмеялась. — И с тех самых пор мы стали друзьями, даже при том, что у Никки с Дэйвом продолжается это глупое соперничество.

Я собирался расспросить ее о семье, когда она выпалила:

— Итак, Хэппи? Он как бы гей или бисексуал, или как?

Это сбilo меня с толку.

— Что? — я был озадачен.

Она играла с моими пальцами.

— Что тебе известно, Ангел? — спросил я, прищурившись.

— Ну, только то, что он наслаждается компанией Дэйва. И Никки. Так что я просто предположила, что он гей, но он все-таки, определенно, би, ага?

Я сказал ей язвительно:

— Он — ничего из вышеперечисленного. Он просто Хэппи. — Она посмотрела на меня как будто я тронулся умом, когда я напомнил ей мягко, но решительно:

— Ты ведь знаешь, что я думаю на счет этих ярлыков. Хэппи нравится то, что нравится. Ему не нужен ярлык.

Она подняла брови, размышляя. Затем кивнула головой.

— Чудненько.

— Чудненько?

— Ну знаешь, это что-то типа «хорошо», но прикольной.

Уставившись в ее беззаботные глаза, я пробормотал:

— Чудненько?

Она расхохоталась, а я наблюдал как ее лицо засветилось от удовольствия. Ее полные губы обрамляли прямые, белые зубы и именно тогда я понял, что пропал.

В данный момент мы валяемся с моей девочкой на моей кровати и смотрим телевизор.

— Почему ты такой? — мягко спрашивает Лекси и тянется своей рукой к моей руке в едва освещенной комнате. Она переплетает наши пальцы и шепчет:

— С тобой случилось что-то плохое.

Абсолютно точно, Шерлок.

Проходит минута в полной тишине, но ее большой палец гладит меня так нежно, что побуждает заговорить.

— У меня было дерьмовое детство. Дерьмовое детство переросло в дерьмовую юность. Я встретил кое-кого, когда был ребенком и этот кое-кто заставил меня поверить, что все может наладиться. Мысленно я сказал себе, что должен приложить усилия, чтобы все наладить и я сделал, что смог. Я убежал от дерьмового детства и несколько лет жил на улице. В чем-то жизнь стала лучше. А в чем-то намного хуже. Зависал в плохих местах, делал плохие вещи, чтобы заработать на жизнь. И, в конце концов, плохое в моей голове поменялось местами с хорошим. — На ее лице появляется озадаченный взгляд. Я пытаюсь объяснить: — То есть, я имею ввиду, что я больше не замечал плохого в плохих вещах. Это была просто моя жизнь. Так что, думаю, ты могла бы сказать, что я стал нечувствителен к большому количеству дерьма. Большая часть дерьма, которая шокировала бы и показалась отвратительной нормальному человеку, не трогает меня ни капельки. И плохое, не кажется мне больше таким уж плохим. В моем мозгу очень плохие вещи стали хорошими.

Повернувшись, я рассматриваю полуосвещенную фигуру Лекси, которая смотрит на меня широко раскрытыми глазами, явно шокированная тем, что я так много рассказываю о себе. Я тоже шокирован. Есть только два человека, которые знают всю правду обо мне — я имею в виду, о настоящем мне — это Хэппи и Юлий. Мы с Хэппи, Юлием встретились в ужасных местах. Мы понимаем друг друга.

Переводя стрелки на нее, спрашиваю:

— Что сделало тебя такой?

Лекси пожимает плечами.

— Много всего. Точно и не знаю.

— Чушь, — отвечаю я. — Я задал тебе вопрос, девочка, и жду ответа.

Она ложится на бок, кладя подбородок на согнутую руку:

— Хорошо, умник. Ну, думаю, это тоже началось дома. Все было не очень хорошо, мама целыми днями работала. Папа был жалким старым ублюдком. Мама работала в основном по ночам, потому что получала за это больше денег, а недоумок, которого я называла папой, тратил почти все деньги на травку и выпивку, скрываясь от кошмара, которым была его жизнь. Я и мой брат заботились друг о друге, как могли. Но я не могла защищать его так, как он защищал меня. Я была маленькая и слабая. Каждый раз, когда папа выходил из себя, брат отправлял меня в комнату и запирали за мной дверь. Они дрались, но не слишком сильно. В итоге мой брат подсел на наркотики, потому что папа....

Ее взгляд уставился в пустое пространство, и у меня внутри что-то сжалось. Незнакомое чувство. Желание защитить. Я чувствую себя защитником Лекси.

Я не знаю, что с этим делать.

Покачивая головой, ее глаза встречаются с моими, и она натянуто улыбается.

— У всех есть своя история. Все могло бы быть намного хуже. Мои соседи, они... — она нахмурилась. — Они не были хорошими людьми. Я была ребенком, где-то пяти-шести лет и каждый вечер до меня доносились их крики. Они орали и избивали своего сына, — шепчет она, — он был всего лишь мальчишкой. А я сидела в своей комнате и ...и просто плакала. Плакала с ним вместе.

В ее голосе столько боли и мое сердце начинает бешено стучать.

— Я встретила с ним однажды, — тихо добавляет она. — Я видела, как он похромал в мой задний двор. Ему было больно. И когда он упал, хоть я и была всего ребенком, я не могла оставить его там, одинокого и напуганного, — она вновь шепчет: — Он был просто мальчик. Маленький мальчик. И ему было очень больно.

Потянув ее за руку, чтобы прижать к себе, я обнимаю ее одной рукой за талию, а она прячет лицо в изгибе моей шеи. Мне нужно знать.

— Что случилось с этим маленьким мальчиком?

Она глубоко вдыхает и на выдохе отвечает:

— Он пытался огрызаться со мной.

И я улыбаюсь в ее висок. Она, наверно, чувствует это, потому что тихо смеется.

— Ага. Он был упрямым. Не ждал ни от кого помощи, особенно от меня. Очень осторожный и недоверчивый. — Потом она говорит то, из-за чего в моей груди начинает покалывать. — Он немного напоминал тебя, Твитч.

Прижимаясь ко мне, она говорит где-то в области моей шеи:

— Он не хотел говорить мне свое имя. Но я вытянула это из него. Он сказал мне, что я забуду его сразу же, как он уйдет и я пообещала не забывать. Я помню, как сильно я старалась правда не забывать его, — она улыбается около моего горла. — Я даже вырезала его имя на старом дубе на заднем дворе, когда мне было десять, — она хихикает. — Было похоже, будто я хотела доказать ему, что сдержала свое слово, — молчание, а затем она продолжает: — Хотя, это и не важно. На следующий день, после нашей встречи, к их дому приехала скорая помощь и полиция. Я пряталась в своей комнате, закрывая уши пока они не уехали. И я знала...я просто знала, что его больше там нет.

Боль в моей груди успокаивается, когда ощущение теплоты появляется внутри меня.

— Я думаю именно поэтому я делаю то, что делаю. — Лекси зевает. — Понимаешь? Помогаю детям. Это отчасти из-за него. Я никогда не забуду его. Он был бойцом. Я всегда представляю его себе как упрямца, стремящегося выжить любой ценой.

Я не хочу спрашивать. Я не хочу спрашивать. Не спрашивай.

— Ты помнишь его имя, малышка?

— Антонио Фалько, — в полудреме шепчет она.

Мое тело напрягается, становится твердым как камень. Я внимательно слушаю как ее дыхание углубляется, затем выравнивается, а ее тело расслабляется, и она проваливается в глубокий сон.

Черт меня дери. Дерьмо. Я не верю в эту ерунду.

Тяжело дыша, стискиваю челюсть и притягиваю Лекси ближе к себе, наслаждаясь ее теплотой и сладостью. Я слишком упрям, чтобы отпустить ее.

Проклятье! Так не должно было случиться. Это. Чтоб меня... Это меняет все.

Лекси помнит обо мне.

Пронзительный крик в самое ухо заставляет мое тело подпрыгнуть. Крик слышится еще раз. Затем еще.

Дверь моей спальни распаивается и на пороге появляется Хэппи в одних трусах и Линг в слишком откровенной ночнушке, оба выглядят так, будто их только что разбудили. Когда Линг замечает Лекси на моей кровати, она хмурится. Лекси поднимает голову и бормочет:

— Что происходит? Что это за ужасный шум? — моргнув, она смотрит на дверь и орет: — Что она здесь делает?

Один вопрос за раз, маленький кузнечик.

Отвечая на все ее вопросы по порядку, я говорю:

— Это сигнализация, кто-то проник в дом, — бросаю взгляд на Хэппи, который кивает в подтверждение. — А Линг здесь живет, Лекс.

Линг ухмыляется.

Лекси нахмуливает бровки.

— Почему?

Не желая смущать Линг, я притворяюсь, что целую Лекси в висок, и шепчу:

— Ей негде больше жить.

Лекси прижимается своим виском к моим губам, прежде, чем отстраняется с широко раскрытыми глазами и визжит:

— Кто-то вломился в дом?

Хэппи хихикает, а Линг бормочет:

— Новичок.

— Не волнуйся, — я улыбаюсь. — Такое происходит постоянно.

Ее взгляд спускается вниз по моей груди, и она начинает заикаться:

— Пр-про-происходит постоянно?

Выскальзываю из кровати, натягиваю боксеры и говорю:

— Оставайся здесь. Независимо от того, что услышишь, вниз не спускайся. Слышишь меня?

Она натягивает простынь до шеи и шепчет:

— Я не могу тебе это пообещать, но я останусь здесь до тех пор, пока мне не покажется, что тебе угрожает смерть.

Остановившись от ее такого трагичного объяснения, спрашиваю:

— Как скоро ты думаешь это случится?

Закатив глаза в раздумьях, она отвечает:

— Через минут пять.

— По рукам, — указывая в ее сторону пальцем, я приказываю: — Не спускайся вниз. В течение пяти минут.

Когда я выхожу в коридор, Линг идет обратно в свою комнату, закрывает за собой дверь, в то время как Хэппи следует за мной.

— Что там у нас сегодня? — спрашиваю я его.

— Один парень, — хмыкает Хэппи. — Выглядит как будто под кайфом. В столовой, обшаривал все как безумный.

— Они никак не могут усвоить урок, — со вздохом отвечаю я.

Когда мы спускаемся до середины лестницы, натыкаемся на человека, я сказал бы лет тридцати, со светлыми лохматыми дредами и налитыми кровью глазами, одет он в серые бермуды и грязную белую футболку. Я не могу понять, кто подослал его, если его вообще

подослали. На первый взгляд, он мог быть просто наркоман в загуле, который отчаянно искал что бы утащить, чтоб заплатить за еще одну дозу.

Он замирает на мгновение, прежде чем броситься со скоростью ракеты в коридор.

О, Боже. Похоже он выбрал тупик. Какая жалость.

Иду спокойно вниз в столовую для приемов, по пути замечая, как этот парень напрасно пытается вылезти в огромное окно. Качая головой, я дотягиваюсь рукой до его лодыжки и тяну на себя. Применяя силу. Дрожа, он падает к моим ногам, и я его спрашиваю:

— Кто подослал тебя?

— Никто, чувак, — трясая головой, отвечает он. — Никто.

Кладу руку ему на голову, он начинает скулить, когда я глажу его как собаку.

— Я как раз наслаждался вечером с одной из моих девочек, а теперь я должен разбираться с этим дерьмом. Мне правда очень любопытно, кто же прислал тебя.

Он еще раз качает головой и мой гнев разрастается. Я запускаю пальцы в его волосы и поднимаю его за дреды. Он кричит и то, как его голос булькает и задыхается, меня беспокоит, не вырвет ли его. Тащу его к изящному старинному обеденному столу, вытаскиваю тяжелый стул, прежде чем бросить его тело на безупречное красное дерево.

Сжимая его за волосы еще сильнее, спрашиваю:

— Хочешь знать, почему я запираю дверь на ночь?

Тяжело дыша, он кивает.

Наклоняясь ближе к его уху, я говорю ему шепотом:

— Чтобы защитить людей за пределами моего дома от меня.

Потянув его голову вверх за волосы, я стискиваю челюсть и ударяю его головой об обеденный стол.

Несколько раз.

От звука его моментально ломающегося носа, меня бросает в дрожь. Я получаю от этого удовольствие. Это почти заводит.

Почти.

Бросив его на пол, бессознательной кучкой, мои глаза улавливают что-то приближающееся ко мне. Взгляд Лекси блуждает по комнате.

— Ты сказал с одной из твоих девочек, — безжизненным голосом говорит она.

— Что?

Избегая моего взгляда, она произносит немного громче:

— Ты сказал, что наслаждаешься вечером с одной из твоих девочек. Не с твоей девушкой.

Я нахмурился. Я так сказал?

Подхожу к ней, но она отстраняется и фыркает:

— Мне пора идти. Уже поздно.

Чтоб меня черти драли. Она в ярости.

Прежде чем мне удастся остановить ее, она уходит. Хэппи прислоняется к двери, а я неопределенно пожимаю плечами. Он кивает, подтверждая то, что я действительно сказал что-то, что задело Лекси за живое. Досада и разочарование оживают внутри меня.

Смотрю вниз на кучу, в которую превратился незванный гость, поднимаю ногу и пинаю его в бок. Раз, два, три, затем еще четвертый заключительный раз. Он вяло стонет, красная слюна капает из его рта на пол. Указывая на дверь рукой, я с негодованием смотрю в его лицо и говорю:

— Посмотри, что ты наделал!

Хэппи хихикает, и я бросаю на него взгляд, предостерегая не злить меня. Вздыхая, я провожу рукой по волосам.

Проверка меня на прочность в час ночи. Это должно быть весело.

Протягиваю руку к своей рюмке и залпом выпиваю ее содержимое. Я мало пью, но мы с Никки, Дэйв как-то напивались вместе. Я помню, это были веселые времена. И мне внезапно становится интересно, почему сейчас мне не так весело.

«Я тут наслаждаюсь вечером с одной из моих девочек.....»

Не думая, я беру еще одну стопку, и пытаюсь выбросить из головы мужчину, который отравляет мой обычно-ясно-мыслящий разум.

Поймать такси в такой поздний час и отправиться в бар, чтоб напиться до пороссячьего визга мне сперва показалось хорошей идеей.

Но как любила повторять моя мама — ничего хорошего не происходит после 2-х часов ночи.

Используя систему отслеживания GPS, которую я установил в телефон Лекси, я к удивлению, нахожу ее в сомнительном баре, который раньше частенько посещал по ночам. То есть, причина по которой я был там завсегдатаем, была в том, что сюда приходила Лекси со своими друзьями.

Ведь это так легко наблюдать за кем-то, когда этот кто-то находится рядом с тобой большую часть времени. Мне больше нет необходимости наблюдать за Лекси. Кроме того, Лекси вблизи намного лучше, чем Лекси вдалеке в любой день недели.

Сидя в баре, разглядывая пустые стопки, выстроенные перед ней, она прячет свои эмоции и, кажется, чисто на автомате болтает с парнем по соседству. Во мне закипает гнев, когда я вижу, как парень закидывает руку ей на плечо и направляюсь в их сторону пока не оказываюсь прямо позади нее.

— Вставай, Лекси. Мы уходим, — говорю ей, обнимая ее за талию.

Она поднимает глаза, и выражение лица выдает ее боль. Изо всех сил стараюсь вырваться из моих рук, она нечленораздельно произносит:

— Неа. Я не пойду с тобой. Я останусь здесь. Останусь с.... — она отводит взгляд и смотрит на парня умоляющим взглядом. Он ухмыляется:

— Брэд.

— Я останусь тут, — заявляет она, — с Брэдом.

Сжимая сильнее руку вокруг нее, я почти прикасаюсь губами к ее уху:

— Ты не останешься. Ты поедешь домой.

Ты поедешь домой? Я хотел сказать «ко мне». Это... Я даже не хочу анализировать это прямо сейчас. У меня есть дела поважнее.

Высвобождая свое запястье из моей руки, ее взгляд безжизненный, а голос становится ледяным:

— Я не хочу идти с тобой. Ты — яд.

В моей груди появляется резкая острая боль.

Ну, дерьмо. Это чертовски жалит. Сильно. Это не ложь, но все равно больно.

Я никогда не умолял никого раньше. Никогда в жизни. И я абсолютно уверен, что не собираюсь делать этого сейчас. Сохраняя спокойствие, я издаю смешок:

— Малышка, что думаешь, ты делаешь в этом месте? Это место...оно не для таких как ты.

Что я не сказал — это: «Ты слишком хороша, чтобы сидеть здесь. Подобные заведения вытягивают все хорошее, что есть в тебе и притупляют твой блеск. А мне нравится твой блеск».

Уставившись на мою грудь, она делает шаг ко мне и обиженно шепчет:

— Я здесь, чтобы позволить Брэду трахнуть меня.

Моя щека дергается, а в голове взрывается миллион эмоций. Она делает еще один шаг ко мне и добавляет:

— Он будет трахать меня. Трахать меня, пока я не забуду тебя. Пока я не забуду, что когда-то встретила тебя. Он поможет мне стереть тебя из моей памяти, а мне нравится не думать о тебе, — она смотрит мне в глаза, и повторяет шепотом: — Ты — яд.

Мое терпение лопается.

Беру ее за локоть и притягиваю к себе, в это время мудака Брэд встает и говорит:

— Хэй! Отпусти ее! Она не хочет идти с тобой. Ты слышишь....

Завожу руку за спину и вытаскиваю из джинсов свой пистолет и направляю его прямо между его бровей. Он быстро отступает с поднятыми руками, и натывается на стул.

Но я пока не могу отступить. Унизить его, вот что мне нужно. Мне нужно, чтобы он запомнил. Что конкретно? Я не уверен. Но я хочу увидеть его страх.

Лекси тянет меня за локоть и спокойно, побеждено говорит:

— Окей, Твитч. Ты выиграл. Я пойду с тобой. Оставь его в покое, и мы уйдем, малыш. Только ты и я.

Теперь моя очередь высвободить свой локоть из ее, ослабленного алкоголем, захвата. Делая два больших шага, я прижимаю ствол пистолета к его лбу. Я слышу, как он хныкает и это наполняет меня острыми ощущениями. Тепло разливается по всему моему телу. Наклоняюсь ближе к нему, стискиваю зубы и тихо говорю:

— Ты хотел что-то сказать мне, умник? Так говори.

Брэд начинает трястись, и я чувствую на себе взгляды. Скорее всего все посетители бара устали на нас. К счастью, я знаком с барменом. У нас с Джимми были кое-какие делишки вместе. Знаю, он понимает, что я отдаю себе отчет в своих действиях.

Я даю ему целых тридцать секунд на ответ, а потом шепчу:

— Ага, так я и думал.

Отхожу от него, засовываю кольт обратно за пояс, подхожу к Лекси, обнимаю ее за плечи и притягиваю к себе. Ее рука скользит вверх до середины моей груди, и она сжимает мою рубашку в кулаке.

— Пошли, малыш. Пошли, — шепчет она.

Поднимаю палец и указываю на дрожащую развалину, т. е. на Брэда, и громко говорю:

— Никто не смеет играть с моими вещами. Никому не позволено трогать то, что принадлежит мне. Это... — скольжу рукой вниз к ее попе, демонстративно кладу на нее ладонь и с силой сжимаю. — ... мое. Понятно?

Брэд, с все еще поднятыми вверх руками, энергично кивает головой, и я уверен, что расставил все точки над «і». Для Брэда. И для Лекси.

Это эгоистично — удерживать ее рядом с собой, когда ей хотелось бы побыть одной. Я понимаю это. Но я не могу ее отпустить.

Ты нуждаешься в ней.

Мне никто не нужен. Я просто эгоист. По крайней мере это то, в чем я сам себя убеждаю.

— Ты ушла.

Везу Лекси обратно к ней домой, я знаю, что нам нужно поговорить о том, что случилось. Эта вся история с наличием у меня подружки зашла слишком далеко. Я повторяю сам себе: «Ты ушла, после того как сказала, что не оставишь меня».

Глядя в окно, она грустно произносит:

— Да, я подумала, что если ты не смог сдержать свое обещание, то и мне нет необходимости держать свое.

В такие минуты я мечтаю, чтобы мой мозг работал так же, как у всех остальных людей. Глубоко вздохнув, я напрасно пытаюсь уговорить свое стучащее сердце.

— Это не... Это не так... Я не это имел в виду, Ангел. Клянусь. У меня никого больше нет. Только ты.

Я терпеливо жду, но она не отвечает. Почему это я думал, что после этих слов она прыгнет в мои объятия, воркуя: «Я твоя»?

Глупые фильмы и их абсолютно неправильные сцены выяснения отношений.

Тянусь, чтобы взять ее за руку, надеюсь, что она позволит мне. Переплетая наши пальцы, я притягиваю ее руку к моему бедру, и пытаюсь еще раз:

— Я не привык быть всего с одной женщиной, Лекс, — она ухмыляется, а я съеживаюсь, понимая (только сейчас), что это не то, что мне следовало сказать. — Что я хочу сказать так это то, что я никогда не посвящал себя только одной женщине. Я всегда избегал отношений, потому что мне не нравится то, к чему они приводят. И наша сегодняшняя ситуация — это явный тому пример.

— Ты сам говорил это, — бормочет она, — Ты собираешься сделать мне больно.

Приуменьшая значение своих слов, я пожимаю плечами.

— Это должно произойти, малышка. Я уверен, что ты тоже причинишь мне боль. Но это то, что обычно происходит, когда кто-то тебе совсем безразличен. Все в итоге страдают.

Она смотрит своими печальными глазами на меня, и я добавляю:

— Но именно это делает конфетку такой сладкой. Если бы все отношения были бы идеальными, представь, как бы скучно всем было. Не говоря уже о занятиях сексом, которое должно быть фан-чертовски-тастическими.

Ее губы дергаются, и я знаю, что достучался до нее. Она поворачивает свое лицо обратно к окну.

— Ты чокнутый.

Поднимаю наши руки к своему рту, и покусываю ее пальчики.

— Я твой чокнутый.

Повернув обратно голову, она на полном серьезе спрашивает:

— Это правда? — пауза — Ты мой? Только мой?

Никакой лжи.

— Полностью.

Она не выглядит убежденной. Целую тыльную сторону ее руки и говорю то, что не планировал говорить ей:

— Я — принадлежу тебе.

Мы останавливаемся на красный свет, и я поворачиваюсь к ней. Кладу руки на ее щеки и притягиваю к себе. Нос-к-носу, стискиваю зубы и шепчу с ложным спокойствием:

— Но ты не можешь бросить меня. Никогда.

Ее глаза становятся печальными, и я знаю, что она думает, будто у меня проблемы. Она не далека от истины. У меня куча проблем. Она целует кончик моего носа.

— Разве ты не понимаешь?

Мои брови ползут вверх, а она улыбается.

Наши губы соприкасаются. Она шепчет:

— Ты тот, кто заполняет дыру в моем сердце.

Меня окутывает теплом. Мое сердце начинает бешено колотиться. Я испытываю самое лучшее ощущение за всю свою жизнь. Потом она все это портит.

— Ты спас меня. Ты — мой герой.

Убирая руки с ее лица, я отстраняюсь и смотрю ей прямо в глаза.

— Нет, это не так. Ты даже не представляешь себе, как сильно ошибаешься, — глубоко вдыхаю и говорю на выдохе: — Тем, кем ты хочешь, чтобы я был, я не могу быть. Это не мое, — мое выражение лица становится отстраненным: — Я — злодей в этой истории.

Автомобиль за нами сигналит, чтобы мы двинулись, но я не спускаю глаз с Лекси. Она озадаченно оглядывается по сторонам, недоумевая, почему же мы еще стоим на месте. Машина сигналит еще раз, и я стискиваю челюсть. У нас есть причина, по которой мы не едем, мне нужно, чтобы она смотрела на меня.

Чтоб увидела настоящего меня.

Это важно. Важно, потому что она застряла со мной на всю жизнь. Она просто пока еще не знает этого.

— Шевелись, мудак! — доносится сзади приглушенный возглас.

Я медленно поворачиваю голову из стороны в сторону, хрустя шеей. Оставив двигатель работающим, я выхожу из машины. И наблюдаю как прекрасный ротик Лекси открывается от удивления. Я говорю ей ласково:

— Скоро вернусь, Ангел.

Подхожу к раздраженному мужчине, он открывает окно и презрительно говорит:

— Убери свою навороченную тачку с дороги. Здесь не парковка.

Выглядев виноватым, я издаю смешок и наклоняюсь к его окну.

— Я знаю, но моя девушка захотела поговорить и это был очень важный разговор. — Я молниеносно хватаю его рукой за шею. Хватая ртом воздух, он цепляется за мою руку. — Тебе стоит следить, на кого ты открываешь свой рот, папаша, — стиснув зубы, говорю я. — Никогда не знаешь, когда твои слова могут стать последними. Ты понял меня?

Мужчина кивает. Я отпускаю его горло, и смотрю как он задыхается. Показываю пальцем на машину, и говорю:

— Объедь. Это не сложно.

Мужчина так и делает, а я возвращаюсь назад к своей машине. Сажусь, поворачиваюсь к Лекси и говорю ей:

— Вот, почему ты не имеешь право оставить меня.

Ее лицо хмурится в замешательстве, и я добавляю:

— Малышка, все было бы намного хуже, если бы тебя не было здесь. Ты заставляешь меня творить подобные вещи... — я показываю большим пальцем назад, — намного реже. Ты хорошо на меня влияешь. С тобой все намного легче.

Ее глаза расширяются от любопытства.

— Что намного легче? — шепотом спрашивает она.

Я горько усмехаюсь.

— Жизнь.

Кладя свою руку в мою, она решительно заявляет:

— Я не оставляю тебя, Тви... — останавливаясь, она спрашивает теперь уже нерешительно: — Я хотела бы знать... я имею в виду, если конечно ты захочешь сказать мне... как тебя зовут?

Я должен сказать ей. Сейчас. Это сделает все остальное проще.

Но внезапно мне кажется, что это может стать чересчур для нее и она уйдет от меня. Так что, вместо того, чтобы дать ей руку, я подаю палец.

— Тони. Меня зовут Тони.

Слабая улыбка появляется на ее губах. Слабая улыбка становится шире. Потом она ослепляет меня:

— Мне нравится, — говорит она скромно, — это имя подходит тебе.

Я крепко стискиваю руль, когда привожу ее к ней домой, чтобы помешать себе превратиться в пещерного человека и за волосы не утащить ее обратно в свою спальню. Припарковавшись возле ее блока, я лукаво спрашиваю:

— Хочешь, чтобы я поднялся?

— Ээээ, нет, — смеется она. — Я в порядке. Тви... — улыбается, — Тони. Со мной все в порядке, Тони.

Нацепив на себя свое самое лучшее печальное выражение лица, я бормочу:

— А как же на счет обалденного секса, которым по идее мы должны заняться?

Наклонившись через сидение, она целует меня в губы.

— Ожидание сделает его еще обалденнее. — Она целует меня вновь и вновь.

— Ладно, — говорю ей в губы. — Никакого секса, — еще раз целую, — дай мне, хотя бы, поласкать язычком твою киску.

Ее тело сотрясается в беззвучном смехе. Она отстраняется.

— Я выхожу из машины. Не иди за мной. У меня есть сковородка и я знаю, как ею пользоваться.

Глядя свой член, я обиженно говорю:

— Ты такая стерва, Ангел.

Все еще смеясь, она закрывает дверь машины и качает головой. Затем поднимает руку и машет мне. Я посылаю ей маленький воздушный поцелуйчик, и обалдеваю как это я умудрился влипнуть во все это.

Когда я на самом деле влюбился в Лекси?

То, что я раньше к ней испытывал, теперь мне становится понятным, было на самом деле опасной и нездоровой одержимостью. Я хотел причинить ей боль. Но я больше этого не хочу. Я хочу сделать ее счастливой. Потому что она делает счастливым меня.

Я счастлив. Первый раз за всю свою жизнь. Улыбаюсь, наблюдая как она уходит, и размышляю. Моя улыбка меркнет.

Я должен рассказать ей. Обо всем.

Громко смеясь, я говорю с Никки и Дэйвом по телефону, открывая дверь в свою квартиру. Сегодня хороший день. Я потратила часть денег от «Фалькон Пластик». Я отправила пятьдесят тысяч новому женскому приюту, который очень нуждался в финансировании, потом десять тысяч благотворительной организации, которая занимается кормежкой бездомных, и двадцать пять тысяч программе, которая известна своей работой с детьми, подвергшимися жестокому обращению в приемной семье.

Целый день я смеялась и улыбалась как чокнутая. И мне плевать. Я чокнутая, а Твитч мой чокнутый мужлан. Он сам так сказал. Итак, у меня конференция с друзьями, и я рассказываю им все, что произошло между мной и моим мужчиной. Ну, не все конечно, так в общих чертах.

— Ты с ним? — орет Дэйв. — Типа как «дорогой, я дома», так?

— Я думаю, — ухмыляется Никки, — ты точно понял, о чем она, маменькин сынок. —

Потом она кричит: — О, Боже мой! Я так счастлива за тебя, крошка! Я знала, что у вас все получится. Я просто знала это.

Заходя в квартиру, я говорю:

— Ага, это официально. Я с Твитчем. И я была бы сверх счастлива, если бы вы поддержали меня. Я не могу гарантировать, что это будет просто, но... — я удивленно визжу, когда сильные руки внезапно обнимают меня за талию. Мои щеки пылают от того, что меня поймали с поличным за обсуждением его с моими друзьями. Но мне нужно закончить предложение, — но я точно могу гарантировать, что это будет того стоить, — и быстро добавляю для него: — Если мы оба на сто процентов постараемся.

Я вознаграждена стискиванием.

Откидываюсь назад на него, и он целует меня в щеку. Он не убирает своих губ, и я закрываю глаза. Я вдыхаю его.

Я люблю его запах.

Мой напряженный рабочий день забыт, и все благодаря его объятиям и его запаху.

— Я поддерживаю тебя, крошка! — В голосе Дэйва все еще звучит предостережение. — Я не могу вспомнить, когда ты в последний раз ходила на свидание, так что это серьезно. Я знаю, что ты не пошла бы на это не обдумав все как следует, — потом он говорит то, за что я и полюбила этого оболтуса: — Возможно, мне просто нужно узнать его поближе. Мы можем поужинать как-нибудь. Все вместе. Если он важен для тебя, то я постараюсь, дорогая.

— Дэйв... — шепчу я сквозь комок в горле.

Никки говорит дрожащим голосом:

— Вот, Дэйв! Вот поэтому я люблю ненавидеть тебя! Ни один мужчина не должен быть таким милым. Ты разрушаешь нас для других мужчин.

Потом, не изменяя своей натуре, Дэйв портит весь момент:

— Ладушки, прекрасно. Покончим с этими соплями. Но скажи-ка мне кое-что... — он выдерживает эффектную паузу и затем продолжает: — ...Большая ли у него «волшебная палочка»?

— Дэйв! — мы с Никки орем в один голос и затем обе начинаем громко смеяться.

В этот момент Тони выхватывает телефон из моей руки и своим самым сексуальным голосом с хрипотцой отвечает им:

— Он настоящий зверь.

Смеюсь так сильно, что аж слезы брызгают из глаз и слышу, как Никки тоже хохочет. Последнее, что я слышу, прежде чем он кладет трубку это как кричит Дэйв:

— Привет!

— Это было забавно, — вытирая глаза и хихикая, говорю я. — Вот кто знал, что ты можешь быть таким смешным?

Не говоря ни слова, улыбаясь, он снимает мою сумку с плеча и ставит ее на пол около двери. Затем он идет к дивану и садится. Потом раздвинув ноги в стороны, он кидает подушку на пол между ними и приказывает:

— Лекси, садись.

Если бы он не назвал меня по имени, я бы оглянулась вокруг посмотреть с кем он говорит. Это как-то странно. Я не хочу сидеть на полу.

— Хм, я обычно сижу вон там, — говорю ему и указываю на пустое место рядом с ним. Иду к нему, он хлопает себя по коленке:

— Лекси, сядь.

Внезапно я чувствую себя собакой, которой приказывают выполнить команду. Это оскорбительно и абсолютно неприемлемо. Я не хочу начинать наш день с пререканий, так что я подхожу к нему и говорю:

— Я просто сяду на свое обычное место. — И пытаюсь пристроить свою попу на диване.

Когда моя попа опускается, он хватает рукой меня за талию и тянет меня вниз на подушку между его ног.

— Так-то лучше, — бормочет он.

Я стискиваю челюсть.

Это мой дом. И я буду сидеть там, где я, мать твою, захочу! Это абсурд! Почему я позволяю это? Я знаю, он любит все контролировать, но это уже слишком.

Мне неудобно и твердо, я открываю рот, чтобы заговорить, как вдруг он наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Я думал ты поняла, что я обычно получаю то, чего хочу.

Мой мозг в шоке. Чертов нахал!

Вдруг его руки накрывают мои плечи, и он энергично начинает их массировать. Моя напряженность спадает, голова наклоняется вперед, и я издаю низкий стон.

— Ты так много работаешь, — говорит он, — у тебя образовались узлы. Тебе нужен отдых. Пусть маленькие засранцы заботятся сами о себе какое-то время. Возьми отпуск.

— Они не маленькие засранцы, — в ответ бормочу я.

— Ага, еще какие засранцы, малышка. Я знаю это, потому что был одним из них когда-то. Хотя мой социальный работник была гадюкой. Сука вдалбливала мне все время: «пора вырасти и найти работу». Затем, когда я нашел работу, она попросила меня уволиться с нее.

Это не совсем нормально. Я морщу лоб.

— А что была за работа?

— Торговля травкой.

Я не могу сдержать свой смех:

— О, боже мой. Ты был настоящей занозой в заднице. Я рада, что не была твоим соцработником.

— Малышка, если бы ты была моим соцработником, я бы по струнке ходил. И я делал бы это только, чтобы произвести на тебя впечатление. Прямо как Майки делает это.

Я улыбаюсь.

— Как Майки? Он больше не заходил.

Я чувствую себя как в раю, пока сильные руки Тони разминают мои затекшие мышцы.

— Это по моей вине, — отвечает он. — Я нагружаю его работой. Поручаю ему выполнять кучу дерьма. Вещи, которое можно было бы даже и не делать. Я просто не хочу, чтобы он вернулся на улицу за легкими деньгами. Я не хочу, чтобы он стал таким как я. Я хочу лучшей участи для него. Он выучится и станет кем-нибудь. Попомни мои слова. Этот пацан очень умен.

Я знаю, что Майкл умный. В нем заложен большой потенциал. То, что первоначально казалось плохой идеей, на самом деле оказалось очень даже хорошей. Я рада, что он работает на Тони. Он может многому от него научиться.

Они могут многому научить друг друга.

— Тогда скажи ему, чтоб навестил меня. Мама медведица скучает по своему детенышу.

Его руки останавливаются и, используя его колени для опоры, я встаю, разминая шею.

Взяв мою руку, он поворачивает меня к себе, помещает между своими разведенными ногами и притягивает ближе. Смотри на меня снизу-вверх, он тихо произносит:

— В следующий раз будешь слушаться, когда я попрошу тебя сделать что-нибудь?

Благодарная за массаж, я выдыхаю:

— Да.

Его губы расплываются в улыбке:

— Хорошая девочка.

И я начинаю любить этого мужчину еще больше.

— Ангел, что это все такое? — спрашиваю я, запихивая горстку шоколада в рот и разглядывая кучу пакетов из продуктового магазина, которые они с Хэппи заносят через кухонные двери.

Она орет:

— Дерьмо! Я забыла купить молоко!

Я, находясь у подножия лестницы, практически физически ощущаю, как она злится.

Иду на кухню и как только вижу ее недовольное лицо и скрещенные на груди руки, ухмыляюсь:

— В чем дело?

Она расстроено говорит:

— Я пыталась быть тебе хорошей девушкой и приготовить ужин, а теперь все испорчено и все из-за того, что забыла долбаное молоко.

Подхожу к ней, открываю руки, и она падает в мои открытые объятия, бормоча в мою футболку:

— Мне так жаль, малыш. Я хотела сделать что-нибудь приятное.

— Все хорошо. Это все равно считается, ведь так? В любом случае, я могу отвезти тебя в магазин, если ты все еще хочешь приготовить ужин?

Глядя на меня влюбленными глазками, она шепчет:

— Отвезешь?

Я не был в продуктовых магазинах годами.

— Конечно. Поехали.

И я должен был напомнить себе, почему.

Тони находит свободное парковочное место около продуктового магазина, и мы выходим из машины. Он подает мне руку, я нетерпеливо беру ее с улыбкой и практически бегу к входу.

Я не могу вспомнить, когда я последний раз была настолько счастлива. Единственное, что знаю, так это то, что это было очень давно.

А Тони помог мне снова почувствовать себя счастливой.

Рука в руке, мы заходим в магазин, и я кое-что вспоминаю:

— Можешь взять молоко?

Мне просто нужно найти немного корицы, пока мы здесь.

— Конечно, — говорит он, и мы расходимся каждый по своему пути.

Спросив консультанта, где можно найти специи, я быстренько беру то, что мне было

нужно и топаю в молочный отдел.

Мы официально две недели, как вместе. Он старался, чтобы мы виделись каждый день. Он приезжал ко мне, если было слишком поздно или если я приходила домой уставшая. Каждый день мы проводили некоторое время в спальне. И это очень отличалось от нашей первоначальной договоренности. Не поймите меня неправильно, он по-прежнему все держал под своим контролем...в и за пределами спальни, но я открыла в нем много всего такого, чего раньше и не замечала.

Он нежный. И ласковый. И страстный.

Каждый поцелуй, который он оставлял на моем теле был наполнен любовью и хоть он и не говорил, что любит меня, его поцелуи точно передавали все его чувства. И я люблю эти поцелуи, от которых подкашиваются ноги.

Также он баловал меня, каждый день принося мне подарки и абсолютно игнорировал мои просьбы не делать этого. Он сказал, что в этом вопросе мое мнение не учитывается, он сказал это решительно, так что мне не осталось ничего иного как принять это. Пока что. Последний подарок, который он купил мне, это громадная новая стереосистема взамен того старого CD-плеера, который он выкинул в окно. У меня все не было времени купить себе новый. И так как я использовала CD-плеер, чтобы уснуть, конечно же, он притащил мне что-то шикарное и первоклассное. Тот плеер я купила за сорок долларов на распродаже. И он мне нравился. Когда он подал мне пульт, а я стояла и просто смотрела на него, он спросил меня, что не так.

С широко распахнутыми глазами, я ответила:

— Я не хочу сломать эту штуковину.

Его губы изогнулись в усмешке:

— Штуковину?

Пожав плечами, я сказала ему:

— Штуковина — это слово такое.

Наклонив голову, он задумался:

— Штуковина. Мне нравится.

Улыбнувшись воспоминаниям, я ускоряю шаг, чтобы вернуться к нему. Стоя ко мне спиной, я замечаю, как он разговаривает с мужчиной, работником этого магазина. Ну ладно, «мужчина» это я загнула, с мальчишкой. Подростком. И он выглядит растерянным.

С другой стороны, рядом с Твитчем все выглядят растерянными и нервными.

Приблизившись, я слышу, как мальчик объясняет:

— Ну, есть много разных видов молока. Есть одно и двухпроцентное, сливки, с кальцием, обогащенное омега-3, соевое, и миндальное молоко....

Подойдя ближе, я слышу, как Твитч раздраженно говорит мальчику:

— Я хочу просто молоко.

Мальчик указывает пальцем на полку:

— Тут большой выбор. Какое вам нужно?

Твитч шипит:

— Да наплевать какое!

Теряя терпение, он кричит на мальчика:

— Мне просто нужно обычное гребаное молоко. Молоко, которое наливают в хлопья, ты маленький идиот!

Мой желудок ухает куда-то вниз. Потери самообладания на повестке дня не было.

Кладу свою руку на его, и он вздрагивает.

Твитч поворачивает свое раскрасневшееся лицо ко мне и вздыхает с облегчением. Его голос звучит так растерянно, когда он говорит:

— Детка, я пытался...

Заставляя его замолчать, я хватаю ближайшее от себя молоко, беру его за руку и иду на кассу. Мы расплачиваемся за покупки и идем к машине. На полпути к дому я ласково спрашиваю:

— Хочешь поговорить о том, что случилось в магазине?

Он бормочет:

— Не особо.

Глядя его по руке, говорю:

— Ладно. Но если хочешь, то мы можем поговорить.

Мы приезжаем домой и как только я собираюсь открыть дверь, он хватает меня за руку, останавливая:

— Я всегда немного туплю в продуктовых магазинах. Это напоминает мне то время, когда я был ребенком.

Сядь обратно на свое сидение, я делаю жест, показывая, чтобы он продолжал.

— Ты даже не представляешь себе, что такое быть уличным ребенком... — я думаю сейчас идеальное время открыть ему свою собственную тайну:

— Вообще-то, когда мне было шестнадцать, я тоже целый год была уличным ребенком.

Он, кажется, озадачен этим:

— Правда?

Я киваю, а он в замешательстве спрашивает:

— Почему?

Перебирая его пальцы, я опускаю взгляд и объясняю:

— Я рассказывала тебе. Мой отец был мудаком.

— Что твой отец сделал с тобой?

Задавая свой вопрос, он еле сдерживает гнев, так что я рассказываю, подбирая слова:

— Хм, ничего слишком плохого. Ему нравилось ставить меня в неловкое положение и упиваться своей властью надо мной. Он постоянно манипулировал мной. Как, например, однажды, когда я вернулась домой из школы, он встретил меня в дверях, руки в боки. Он сказал: «Если ты не хочешь играть по моим правилам, тогда я должен что-то забрать у тебя».

Я пожала плечами:

— Я ведь была совсем еще ребенком. Я сказала ему, что мне нечего ему отдать. На это он ответил: «Не важно. Я уже взял кое-что». И выйдя на задний двор, я поняла, что исчезла моя собака.

Рука Тони сжимает мою. Я давно не говорила о своем отце. Было очень приятно снять этот груз со своих плеч.

Потерявшись в своих мыслях, я тихо говорю:

— Я помню проплакала всю ночь. Целую гребаную ночь. Я была убита горем. Моя собака была моим лучшим другом, помимо брата. Я была ребенком. Домашнее животное каждого ребенка-его лучший друг, — качая головой, будто очищая ее от плохих воспоминаний, я продолжаю: — На следующий вечер, вернувшись домой со школы меня встретила Мисти виляя своим хвостиком, как будто она никуда и не исчезала. И мое сердце

разбилось вновь при мысли, что меня заставили думать, что она пропала навсегда. Я плакала снова и снова. А отец стоял, жестоко улыбаясь, наслаждался тем, что смог немного сломить мой дух. Когда мой брат подсел на наркотики, чтобы убежать от этой жизни в доме, я знала, что мне нужно уйти. Потом брат однажды ночью исчез, и меня больше ничего не удерживало в том доме. Поэтому, я ушла.

Когда я заканчиваю, то понимаю, что Твитч очень сильно сжал мою руку. Я смотрю вверх и вижу его плотно сжатую челюсть.

Я пытаюсь отшутиться:

— Мама не была такой уж плохой, у нее просто был плохо развит материнский инстинкт, и она много работала, чтобы держаться подальше от отца. — Выражение его лица не меняется, и я добавляю: — Эй, послушай, он никогда и пальцем меня не тронул.

— Жестокое обращение — это жестокое обращение. Обращаться подобным образом со своим собственным ребенком... делает это в десять раз хуже. Он, возможно, и пальцем не тронул тебя, но это не делает ситуацию менее болезненной для ребенка.

И он прав на все сто. Плохое обращение причиняет боль независимо от формы его выражения.

Я дергаю его за пальцы:

— Расскажи мне, что случилось там в продуктовом магазине.

— Только, если ты расскажешь мне о своей жизни на улице.

Я тут же соглашаюсь:

— По рукам.

Он откашливается:

— Ну ладно. Итак, я очень долго был уличным ребенком. До того, пока не попал в тюрьму. Я частенько подворовывал в магазинах, потому что, эй, мне надо было что-то есть, так ведь? Все продуктовые магазины напоминают мне то ощущение быть пойманным и загнанным в ловушку. Я не был там долгое время и даже не помнил, почему. До сегодняшнего вечера.

Мысль о том, что он чувствовал себя как загнанное в ловушку животное, заставляет мой желудок сжаться. Мне жаль, что я не могу стереть эти его воспоминания. Мне жаль, что я ничем не могу ему помочь. Это не оправдывает его отвратительного поведения с продавцом в магазине, но теперь я понимаю его намного лучше.

Переплетая наши пальцы, я говорю ему:

— В следующий раз, я не отойду от тебя. В следующий раз, мы будем делать покупки вместе и каждый раз, когда ты почувствуешь, что что-то накатывает на тебя, просто говори мне, что нам нужно уйти и мы уйдем. Хорошо?

Он не отвечает на мой вопрос, вместо этого, он меняет тему:

— Ты на улице. Рассказывай.

Я пожимаю плечами:

— Ладно. Я ушла из дома с пятьюдесятью долларами в кармане, которые я украли у мамы и с рюкзаком полным одежды. Я бродила по окрестностям, садилась в автобусы, особо не заморачиваясь их направлением и старалась быть незаметной. И вот как-то так, я оказалась в Чикаго. Было не так уж плохо. Я встретила много хороших людей на улице. Девочка, с которой я сблизилась, Френ, стояла на шухере, пока я пробиралась к людям во дворы и крала то, что мы могли бы использовать или продать за деньги, чтобы купить еду. Мы проделывали это месяцами и ни разу не были пойманы и поэтому расслабились. —

многозначительно смотрю на него и говорю. — Слишком расслабились. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Он ухмыляется:

— Вас поймали.

Я улыбаюсь:

— Ага. Меня задержали. Пожилая женщина, владелица того дома вызвала копов, потому что я сильно шумела. Я не замечала их, пока мне не зачитали мои права и не увели к патрульной машине. Они знали, что я была несовершеннолетней. Я не сказала ни слова. Ни единого слова полиции. Я так боялась, что они отправят меня домой. Вернут туда, откуда я так отчаянно пыталась сбежать. Я совсем не ожидала, что меня поместят в социальный приют и предоставят мне место для ночевки, пока они собирали обо мне информацию.

Я смеюсь, хотя мне вовсе не смешно:

— Загвоздка в полицейских состоит в том, что ты не догадываешься, насколько они умны. Они выяснили, кто я такая. Я провела неделю в социальном приюте, благодарная за то, что у меня была кровать и еда, что я даже не обращала внимания, какие решения принимались относительно моей жизни, — мое лицо вытягивается. — Они связались с мамой, — смотрю вверх на Твитча и печально улыбаюсь. — Она не захотела, чтоб я вернулась, — мое горло сжимается, и я откашливаюсь, чтобы скрыть это. — Прошла неделя после визита полиции ко мне в приют. Старший офицер спросил меня хотела бы я там остаться, — мои глаза наполняются слезами, и я ловлю ртом воздух, — или предпочла бы стать вновь чьей-то дочерью.

— Я не могла поверить, что кто-то захотел удочерить меня. Это казалось нереальным, что мои собственные родители, моя кровь, плевали на моего брата и на меня, а кто-то, кого я даже не знала захотел меня. Захотел заботиться обо мне. Это было и ежу понятно — я согласилась на удочерение, — я улыбаюсь жалкой улыбкой, — ты не согласишься, но моей новой приемной матерью оказалась та пожилая женщина, которая вызвала копов, — поворачиваюсь к нему и смеюсь сквозь слезы. — И она была сумасшедшей женщиной в самом лучшем смысле этого слова. Мы ели блинчики на ужин. Или завтракали десертом. Она отправила меня в школу и помогала с домашними заданиями. Мы проводили практически каждый вечер, смотря телик или слушая музыку до раннего утра. Каждый свой день она посвящала заботе обо мне, дарила свое внимание и любовь. Она была моей мамой. До нее у меня была мама, но именно ее я любила и последовала за ней в Австралию, потому что просто не смогла бы жить без нее, — вытирая рукавом нос, качаю головой. — Она умерла несколько лет назад. Рак. И, возможно, я могла бы устроиться на работу где угодно, но мысль о том, чтобы уехать из Сиднея заставляет меня чувствовать, будто я бросаю ее. Я не могу уехать. Я буду жить в Сиднее до самой смерти.

— Похоже у тебя были настоящие приключения.

Я улыбаюсь:

— Ага. Я считаю, что мне крупно повезло. Я получила свое «и жили они долго и счастливо». У многих этого не было. — Он ничего не отвечает, и я решаю покончить с этим разговором и эмоциями, бьющими через край. Поворачиваясь к нему лицом, я спрашиваю: — Голоден?

Он усмехается:

— Умираю с голоду.

И мы возвращаемся к Лекси и Тони. Еще один вечер вместе.

Полный сумасшедших чувств и эмоций.

Кто знал, что Лекси умеет готовить? По содержимому ее холодильника, можно было подумать, что она настолько плохой повар, что запросто подпалила бы и кашу.

После умопомрачительного ужина из лазаньи с соусом бешамель и вручную приготовленной пасты, я сдаюсь. Я так объелся после трех порций, что был бы не удивлен если бы заснул прямо на стуле. Хэппи решил покушать с нами, а Линг отказалась. Умная девочка. Хэппи поет Лекси дифирамбы после каждого чертова укуса:

— Черт, детка. Ты можешь готовить для меня в любое время. Seriously говорю — в любое время.

Лекси мило улыбается ему.

Что за подхалим.

Только я открываю рот, чтобы предложить ему заткнуться, как мой телефон пиликает. Даже не взглянув на экран, я отвечаю:

— Нерабочее время. Если по делу, перезвоните завтра.

Двигаю пальцем к кнопке отбой, как слышу знакомый смех. Мой палец замирает:

— Пошел ты знаешь куда! — на моем лице расплывается улыбка. — Нокс?

Нокс хохочет:

— О нет. Это деловой звонок. Я перезвоню завтра. — Давненько же он мне не звонил.

— Проклятье, чувак. Сколько времени прошло?

Я почти слышу, как в раздумьях его брови ползут вверх, затем он отвечает:

— Хмм. Несколько лет, я думаю. Трудно припомнить.

Лекси выглядит озадаченной, но отвечает мне улыбкой на мое счастливое выражение лица. Хэппи пожимает плечами вопросительно, и я произношу одними губами «Нокс». Хэппи улыбается, поднимает большой палец вверх, засовывая еще кусок еды в рот.

Я вздыхаю:

— Так долго, чувак. Слишком долго. Тебе нужно что-то?

Он увиливает:

— Ничего. Просто проверяю, как ты. Я не слышал о тебе с тех пор, как ты попросил меня разыскать ту девчонку. Просто хотел проверить, встретились ли вы.

Выражение моего лица становится непроницаемым. Встаю, подмигиваю Лекси и произношу губами: «Важно», прежде чем поднимаюсь наверх в свой кабинет. Я закрываю за собой дверь и говорю ему со всей серьезностью:

— Я встретился с ней. Вообще-то теперь она моя девушка.

Молчание, затем сдержанно:

— Рад, что все получилось.

Сажусь на стул и морщу лоб, мне не нравится его тон:

— В чем тут проблема?

Нокс вздыхает:

— Просто... не злись, ладно? Но звонил Юлий... и... — Твою мать! — ...и он упомянул, что это девчонка, возможно, в опасности.

— Из-за меня, правильно?

Пауза:

— Ага, чувак. Так что, можно сказать, я немного беспокоюсь за нее, видя, как ты

заявляешь о своих правах на нее. — Мое давление резко поднимается. Я стискиваю зубы, и считаю до десяти.

Глубоко вздыхая, я привожу ему свои доводы:

— Независимо от того, что думает Юлий, она моя девушка. И я убил бы за нее.

Нокс вздыхает:

— Юлий так не думает.

Я выплевываю:

— Юлий должен заниматься своими гребаными делами! — молчание. — Нокс, не лезь в мои дела. У меня все хорошо. В первый раз за... целую вечность.

Нокс фыркает, не веря:

— Ты придурок взял и влюбился в нее. — Констатация факта.

— Я всегда любил ее, сначала немного в извращенной форме. Знаешь поговорку — от любви до ненависти один шаг? Я ненавидел ее. Но это чувство стало исчезать, когда я встретил ее в реальности, сравнив с тем образом, который запечатлелся в моем мозгу. — Нокс хороший парень, один из тех редких людей с которыми я работаю и которым доверяю. Мне нужно, чтобы он понял: — Слушай, бро. Я буду с тобой откровенным. Я хотел сделать ей больно. Я собирался сделать ей больно, — его вздох сообщает мне, что он зол на меня. Я быстро продолжаю. — Но ты должен понять, что моя одержимость ею появилась давным-давно, когда я был еще ребенком и мой разум исказил кое-какие вещи. Особенно, когда ты под кайфом провел почти весь подростковый возраст, — сказал я тихо. — Она оказалась совсем не такой, какой я себе ее вообразил.

Он осторожно говорит:

— Иногда ты должен оставить в покое людей, которых любишь, ради их благополучия.

— Всю свою жизнь я стремился к лучшему. Никогда у меня не было ничего настолько хорошего. Наконец, я получил то, чем безумно горжусь, и ты хочешь, чтобы я бросил ее? Без вариантов. Ты сможешь вырвать ее только из моих холодных, мертвых пальцев, бро.

— Я беспокоюсь, что ты причинишь ей боль, не желая этого. — У меня начинает дергаться глаз.

Во мне закипает гнев:

— Ты совсем меня не знаешь. Она изменила меня. Она успокаивает меня.

Молчание...

— Твитч, ты мой друг. Я обязан вмешаться во все это. Я говорю тебе то, что тебе необходимо услышать. Не только услышать, но и прислушаться. Слушай внимательно, — закатываю глаза и ворчу, чтобы он продолжал. — Если ты любишь ее, то тебе придется сказать ей правду. Тебе нужно рассказать ей сейчас. Потому что спустя какое-то время эта тайна станет петлей, затягивающейся на твоей шее. Ты будешь сильно любить ее, делать все, чтобы удержать ее, и эта петля затянется так сильно, что тебе станет трудно дышать. И однажды, она обо всем узнает. И тогда ты поймешь, что потерял ее и тебе перекрыли воздух. Та петля вокруг твоей шеи.

Усиленно обдумывая то, что он сказал и тихо говорю:

— Принято к сведению.

Визг пронзает мои барабанные перепонки и Нокс орет:

— Лили! Он убежал! — Что за черт?

Женский голос отвечает:

— Знаешь, он не появился на свет от непорочного зачатия. Он и твой сын тоже! — Нокс

пытается прикрыть динамик в телефоне, но я слышу каждое слово: — Рокко, иди, посмотри, где мама. Мама готовит печеньки. Хочешь печенку? Хорошо. Принеси и папочке тоже печенку.

Женщина отвечает:

— Никаких печенек! Скоро будет готов ужин.

Он говорит ей:

— Я хочу печенку! Я заслужил печенку, черт побери!

Женщина поддразнивает:

— О, да? Что ты сделал, чтобы заслужить печенку? Все, что я помню, так это то как пришла домой к грязному сыну и такому же грязному мужу.

Нокс фыркает:

— Он хотел рисовать! Что я должен был сделать, принцесса? Ты же знаешь, что я не могу сказать ему «нет». — Внезапно, он орет: — Рокко, верни обратно папочкину ногу!

Еще немного фыркающих звуков, затем он возвращается:

— Прошу прощения за все это. У нас становится немного шумно перед ужином и перед сном.

— Что случилось с твоей ногой?

Он хихикает:

— Убежала. — Я улыбаюсь. Идиот. Он торжественно объясняет: — Миссия прошла неудачно.

— Ты заделал мальчишку?

Я слышу, как он улыбается:

— Конечно сделал. Я ушел от дел. И женился.

Я улыбаюсь этому:

— Я слышал. Она, кажется, заставляет тебя работать.

Он начинает хохотать:

— О, да. Лили моя последняя миссия. — Он мог бы и не говорить об этом. Из-за нее он потерял ногу. Он шепчет: — Хотя, она стоила этого.

Я спрашиваю его со всей серьезностью:

— А если кто-нибудь попросит тебя отказаться от нее?

Длинная пауза:

— Это не одно и то же.

Я, еле сдерживая себя, отвечаю:

— Любовь есть любовь. Она не выбирает. И она точно не ждет, когда ты будешь к ней готов.

Он вздыхает:

— Я знаю, чувак. Знаю. — Затем слышно, как что-то гремит и стучит: — Слушай, чувак, мне пора идти. Рокко играет в фрисби тарелками для ужина, — я хихикаю, — просто подумай о том, что я тебе сказал.

Потом мой друг отсоединяется.

Я слышу, как кто-то поднимается вверх по лестнице. Подняв голову, я жду, когда этот кто-то подойдет поближе, но этот человек останавливается на полпути по коридору, у моего кабинета. Моего кабинета, в котором в данный момент находится миниатюрная женщина,

одетая в тренировочные брюки и мою футболку.

Прислушиваясь, я жду своего посетителя и в голове придумываю кучу оправданий. Можете в это поверить? Чертовы оправдания. Как будто я должен оправдываться перед ним. Я медленно качаю головой, злясь на себя из-за своей неуместной паники.

Наконец, он подходит к той комнате где я нахожусь, но к тому времени, как его тень достигает моей двери, я погружаюсь обратно в работу. Если я буду выглядеть чрезвычайно занятым, он, возможно, оставит меня в покое.

Ключевое слово в этом предложении — «возможно».

— Там воробушек сидит за твоим столом.

Не поднимая на него взгляд, я ворчу:

— Она работает.

Не обращай внимание, чувак. Не. Обращай. Внимание.

Когда он входит в комнату, я поднимаю свой взгляд на своего старого друга. На парня, который скорее всего спас мне жизнь, когда взял к себе домой и не спускал с меня глаз, делая все возможное, чтобы я поправлялся от...ну...того, что жизнь сделала со мной. Я не уверен, кто из нас хлебнул больше дерьма в этой жизни, но я точно знаю, что мой мозг работает не так, как у других людей.

Нет.

Я признаю, что у меня есть проблемы. Проблемы, которыми я не горжусь. Проблемы, которые я пытаюсь решить.

Как обычно, Юлий выглядит так, как будто он только что закончил фотосессию для Армани. Он одет в коричневый костюм, который удачно контрастирует с его кожей цвета мокко, а его темные волосы — которые мы ласково называем «пушистики» — аккуратно подстрижены и уложены. Его недоверчивый взгляд сосредотачивается на моем лице. Он — единственный человек, которого я знаю, с темной кожей и голубыми глазами. Эти глаза замечают больше, чем им следует.

Он повторяет на этот раз медленнее:

— Там воробушек...сидит за твоим столом. — Не получив от меня ответа, он говорит немного резче: — Воробушек, Твитч, — я молчу, а он добавляет. — Воробушек за твоим, мать твою, столом. Пользуется твоим гребаным компьютером. Компьютером, в котором хранится вся твоя информация. Компьютером, в котором хранится вся моя долбанная информация, братан.

Он в бешенстве. Кто бы сомневался. Но он не знает Лекси. Так что это оправданно.

Поднимая руку в пренебрежительном жесте, я пытаюсь его успокоить:

— Я сменил пользователя. У нее нет доступа.

— Кто она?

— Она просто она, — отрезаю я.

Подойдя ближе к дивану, он, медленно растягивая слова и отчасти угрожающе, спрашивает:

— Я спросил, кто она? — Нет ответа. Какая разница, если он в любом случае все разузнает.

Как я и предполагал, он, не говоря ни слова, выходит из комнаты и я вздыхаю. Он всегда сует свой нос туда, куда не нужно. Встав с дивана, я закрываю свой ноутбук, кладу его на диван и следую за ним.

Любопытный ублюдок.

Он уже у двери моего кабинета, когда я догоняю его. Маленькая улыбочка появляется на его губах. Я не в силах себя остановить, качаю головой из-за Лекси. У «воробушка» напрочь отсутствует музыкальный слух. Но ей плевать. Она любит петь. Так что пусть поет.

Приближаясь маленькими шагами, он слегка поворачивает голову ко мне, но не отводит от Лекси взгляда:

— Она настоящая?

Мои губы дергаются, но я не отвечаю. Подходя ближе, встаю рядом со своим другом и наблюдаю за Лекси из-за двери. Она выглядит такой маленькой за моим столом, сидя на моем кресле-троне. Я уверен, что ее ноги не достают до пола.

Я пожираю ее глазами.

Даже в этой одежде, что на ней надета в данный момент — которую я вовсе не одобряю, — она выглядит как с обложки журнала.

Она поет (хотя это больше похоже на скрип) «Выходи за меня» — Бруно Марса. Находясь где-то в своем собственном мире, она ерзает на стуле, но печатает без остановки, прежде чем внезапно остановившись, откидывается на спинку и оценивает свою работу. В замешательстве она смотрит в компьютер и чешет голову.

— Эй, Твитч. — кричит она.

— Да? — я отвечаю из-за двери. Она испуганно вскрикивает, ее рука подлетает к груди. — Не делай так! Я ненавижу, когда ты подкрадываешься. Или подползаешь. Или прячешься. — Ее лицо кривится от раздражения, и она говорит. — Больше никаких прятков, черт возьми!

Потом она поднимает голову и видит нас обоих, смотрящих на нее с огромными улыбками на лицах. Ее лицо розовеет и в ней тут же просыпается леди. Она медленно встает, расправляет свои брюки и мою серую футболку, которая выглядит на ней чересчур огромной, затем поправляет свой спутанный пучок волос и ее глаза расширяются, я так предполагаю от стыда, от того, что ее застали в таком невзрачном наряде.

Так ей и надо.

Подойдя к незнакомцу возле меня, она мило улыбается и протягивает ему руку. Прищурившись, он смотрит на нее с еле заметной улыбкой на губах, она тихо объясняет:

— Прощу прощения. Я вас не заметила.

Взяв ее маленькую бледную ручку в свою большую загорелую лапу, он осторожно пожимает ее и улыбается:

— Я не хотел прерывать ваше выступление. — Ее лицо заливает краска, а он хихикает. — Я — Юлий.

«Нервная Лекси» решает дать о себе знать и принимается болтает много и сбивчиво:

— Как доктор Хибберт? Ну знаете, тот странный доктор из Симпсонов? — ее глаза становятся размером с блюда: — Нет, я не хочу сказать, что вы странный! Это он странный! Доктор Хибберт этот. Вы — нет. Я имею в виду, вы может и странный, но я вас не знаю. Доктор Хибберт всегда смеется невпопад, над вещами, которые совсем не забавны и от этого попадает в неловкие ситуации, — Юлий смотрит на нее нахмурившись, пока она выдает весь этот поток информации, как будто он не уверен, настоящая ли она. Лекси тихо добавляет: — Точно так же, как и я сейчас говорю все это невпопад... — она замолкает.

Но Юлий ободряет ее своей ухмылкой:

— Я люблю Симпсонов. Я по сей день смотрю их. — И вот так Лекси находит

родственную душу. Она широко улыбается:

— Я тоже. Это мое тайное увлечение. Я не думаю, что есть такая жизненная ситуация, которая не была бы показана в Симпсонах.

Я не понимаю в чем суть Симпсонов. Я вообще не люблю смотреть телевизор. Но я смотрю Симпсонов с Лекси. Таким образом, я могу видеть, как она смеется. А я люблю смотреть на это.

Я встречаю:

— Я не понимаю это шоу.

Лекси бросает мне раздраженный взгляд и открывает рот, чтобы ответить, но Юлий перебивает ее:

— Там нечего понимать, чувак. Это тупой юмор. Дешевые шуточки. В них не надо искать смысл.

Глаза Лекси завораживает мечтательная дымка, когда она смотрит на Юлия:

— Точно! Именно поэтому оно настолько забавное.

Юлий смеется:

— Черт, женщина. Ты покорила меня. — Лекси заливается румянцем, а он смеется вновь. — Так как тебя зовут, поющая птичка?

Дерьмо.

Опуская глазки в смущении, она тихо отвечает:

— Алекса Баллентайн. Но все зовут меня Лекси. Я хотела бы, чтобы вы тоже звали меня Лекси.

В его глазах вспыхивает понимание. Он ее узнал.

Выпуская ее руку немного поспешнее, чем требовалось, его глаза расширяются на мгновение, прежде чем он смотрит на нее сверху вниз, натянуто улыбаясь, и отстраненно говорит:

— Приятно было познакомиться, Лекси. Надеюсь мы снова увидимся. Я уже уходил, но думаю нам надо перекинуться с Твитчем еще парой слов. — Ее лицо вытягивается из-за его внезапной смены поведения и от его необъяснимой холодности. Юлий замечает это и широко ухмыляется: — Рабочие проблемы, знаешь ли.

Натянуто улыбаясь, она говорит с ложной радостью:

— Ага. Понимаю. Кстати, мне тоже нужно вернуться к работе. Так что, прошу извинить меня.

И вот мы возвращаемся в мою гостиную, и он начинает.

Повернувшись, его глаза смеряют меня презрительным взглядом и пригвождают к месту:

— Ты выжил из своего постоянно-влюбленного ума, брат. — То, как он сказал «брат» прозвучало, будто я кто угодно, только не брат ему. — Пожалуйста скажи мне, что ты не собираешься делать это, чувак. — Я не говорю ни слова. Мне не нужно объясняться перед кем бы то ни было. Я вижу, что страх за Лекси ярко сверкает в его глазах. — Она милая девушка, Твитч. Она не такая, какой ты представлял ее себе в своей долбанутой башке. Она тебе не враг. — Если бы кто-то иной назвал мою голову — долбанутой башкой, я бы ударил его прямо в нос. И я вовсе не шучу. Указывая рукой на дверь, он рывкает: — Посмотри на нее! Она поет, пока печатает! Она говорит о Симпсонах, как будто они ее святыня! Она не заслуживает этого, чувак. Не делай этого.

Выглядев скучающим, я спрашиваю:

— Это все, брат?

Я замечаю вспышку разочарования на его лице, но он быстро стирает ее со своего лица. Он бесстрастно смотрит на меня:

— Да. Это все. Я ухожу.

И он уходит.

Ну нет. Мне это не нравится.

Это первое разногласие между нами за многие годы. От этого мой желудок болезненно сжимается. Мне плевать, если я разочаровываю людей. Но Юлий — он не просто какой-то человек.

Он — семья.

Мне нужно все ему прояснить. Немедленно.

Встаю и мчусь через коридор, вниз по лестнице и выбегаю через входную дверь. Я ловлю его, когда он садится в свой серебристый Мерседес. Я кричу:

— Подожди.

Садясь в машину, он закрывает дверь и опускает стекло:

— Что?

Я не знаю, что сказать. Юлий знает меня лучше всех. У него были деньки похуже, чем у меня по многим параметрам. И несмотря на то, что он мой друг, я всегда завидовал тому, что он справлялся со своими неприятностями лучше, чем я. Я очень долго ненавидел его за это. С тех пор смирился с жизнью.

— Я люблю ее.

Смотря прямо вперед, я вижу, как в его глазах вспыхивает удивление. Он долго смотрит куда-то перед собой, прежде чем спрашивает: — Настоящей любовью? Или мне-нравится-трахать-ее-так-сильно-что-я-думаю-это-и-есть-любовь любовью?

Сжимая переносицу, я вздыхаю:

— Первый вариант.

— Если ты любишь ее, ты не сделаешь ей больно.

Я усмехаюсь:

— Это по любому случится, тебе так не кажется? Она еще ничего не знает, Джей! Она не знает мое настоящее имя. Она не знает, почему я преследовал ее. Она даже не знает, что я нанял... — Дерьмо. Я даже не могу произнести это вслух.

Он заканчивает мое последнее предложение за меня:

— Она не знает, что ты нанял того мужика, чтобы он изнасиловал ее. — С трудом сглотнув, мне вдруг становится плохо.

Приближаясь к окну автомобиля, я опускаюсь на колени и шепчу:

— Мне нужен был шанс. Это был единственный способ....

Юлий прерывает меня:

— Нет, это не так. Ты не имеешь право придумывать оправдания тому дерьму, бро. Он избил твою девчонку. Ты устроил это. Тебе с этим жить. Не мне.

Не в силах справиться со своим гневом, я бью кулаком по машине, движимый страхом и злостью. Злостью на себя самого, что позволил этому произойти и страхом потерять ее. Ненавижу, когда он прав. Я шиплю:

— Он не должен был заходить так далеко! Поэтому он мертв, а с ней все в порядке. Потому что я спас ее!

Юлий смотрит на меня с разочарованием:

— Кого ты пытаешься убедить, чувак? Меня? Или себя?

После этих слов он заводит машину и уезжает. А я, стоя на коленях посреди подъездной дорожки, наблюдал как серебристый Мерседес исчезает вдали.

Мной овладевает тревога, когда я осознаю, что в этой машине, уезжая, покидает меня мой лучший друг. И он, может быть, больше никогда не вернется.

Поднявшись на ноги, я поднимаю руки и сцепляю их за головой, все еще смотря вдаль. Я конкретно облажался.

Проводить время дома у Твитча не было так уж и плохо, как я предполагала ранее.

Мне была выделена комната, где я могла работать, у меня была хорошая компания (когда Линг не было поблизости) и большую часть времени мы с Твитчем прятались в его спальне.

Там, где происходило волшебство. Там, где Твитч оживал. Я люблю заниматься сексом с Твитчем, но...

Вот черт, в этом трудно признаться.

Но я скучаю по ремню.

Он больше не использует его. Секс у нас по-прежнему грубый и он по-прежнему над всем доминирует, но это нельзя даже сравнивать с тем грязным и порочным первым разом. И в ту первую ночь... ну... это установило планку, которой я думала мы будем придерживаться. И какое-то время так и было. Увы, больше это не так.

Моя бедная вагина.

Она скучает по старому Твитчу, точно так же, как любит нового Твитча.

Стук в дверь моего кабинета возвращает меня в реальный мир:

— Войдите.

Мои глаза расширяются, когда дверь открывается и знакомое, но все же неожиданное лицо заглядывает внутрь. Он улыбается:

— Надеюсь, я не помешал.

Я отвечаю ему с легкой улыбочкой:

— Нисколько, Юлий. Чем могу помочь?

Он входит, закрывает за собой дверь и медленно осматривая мой кабинет, говорит:

— Ты сделаешь мне огромное одолжение, поющая птичка, если будешь звать меня просто Джей.

Зачем он сюда пришел?

— Хорошо, Джей

Тишина. Потом он ухмыляется:

— Ну давай. Спроси меня, зачем я здесь. — Мне нравится этот мужчина.

— Но это было бы невежливо.

Он возражает:

— Нет. Невежество — это высокомерие. Невежество — это, когда ты чувствуешь превосходство над другими людьми. Переходить к сути дела — это не невежливо, сахарочек. Ты сладкая как торт. Я понял это, как только увидел тебя прошлой ночью.

Румянец начинает растекаться по моей шее:

— Сп-спасибо, Джей.

Осмотрев мой кабинет и перетрогав находящиеся в нем различные предметы, чтобы

рассмотреть их поближе, он садится на стул и вздыхает:

— Твитч мой лучший друг. Мой лучший друг на всем белом свете. Я знаком с ним всю свою жизнь.

Если он хотел заинтересовать меня, то у него, без сомнения, это получилось. Но я все же была немного сбита с толку.

— Он никогда не упоминал о тебе.

Юлий кивает:

— Я полагаю, он не делал этого. Мы встретились в тюрьме для несовершеннолетних преступников. Это, точно, не самый приятный рассказ. Определенно не тот, который бы ты стал рассказывать, пытаясь произвести впечатление на свою девушку.

Он рассматривает мое лицо. Я вдруг чувствую себя подобно ребенку и шепчу:

— Расскажи мне о нем. Пожалуйста.

— Это как раз одна из причин, по которой я и пришел. Есть кое-что, что тебе следует о нем знать. Кое-что, из-за чего не следует ставить на нем крест. Ты знаешь почему он был в тюрьме? — Я киваю, и он говорит: — Он был в плохом состоянии, когда я познакомился с ним. Он пробыл там примерно три дня, и никто не мог утихомирить этого мальчишку. Он ввязывался в драки со всеми вокруг. В нем было так много злости. Никогда не видел ничего подобного. Как будто он был диким животным, которого пытались удержать в клетке, — он ухмыляется. — Он попался мне на глаза. Я был там уже два года, когда он попал туда, так что я знал, как и что там и я так же знал, что если он продолжит так себя вести, то попадет в руки охранникам. И их наказаниям. Ну, позволь просто сказать, что они проделали бы в нем новую дырку для испражнений. Игра слов.

Я не знаю, хочу ли я слушать все это.

Юлий продолжает:

— Однажды, во дворе, он затеял драку не с тем парнем. С практически еще ребенком. По сравнению с ним, у парнишки казалось не было шансов. Но парнишка был опытен. Я вмешался прежде, чем Твитч начал бить его, и он отплатил мне, подбив глаз. Тем вечером, когда мы вернулись к своим койкам, чтобы лечь спать, я не уснул. Я дождался пока выключили свет, вытащил нож из тайника и пошел искать Твитча. Он спал. Ему снились кошмары. Я подкрался к нему, приставил нож к горлу и разбудил его, хлопая по лицу. Он подпрыгнул на своей кровати, увидел нож и замер, — его взгляд смягчается. И становится подавленным. — Это было самое печальное зрелище, какое я когда-либо видел. Как будто он не боялся умереть. Я сказал ему, что он может драться со мной сколько ему влезет, но он должен выбрать на чьей он будет стороне. Со мной или против меня. Он долго молчал, прежде чем спросить меня, за что меня посадили. Я честно признался ему, что убил своего отца.

Увлеченная этим рассказом, я открываю от удивления рот. Юлий смотрит на меня с печальной улыбкой.

— Он спросил меня, за что я убил своего отца. Я ответил ему, что застал его, когда он насиловал мою сестру.

Мое сердце разбивается на осколки от жалости к этому мужчине. У меня появляется такое знакомое жжение в глазах, и я готова заплакать. Юлий замечает, как я пытаюсь скрыть это от него.

— Видишь? — говорит он, указывая пальцем на мои влажные глаза. — Вот поэтому ты нужна ему.

Откашлявшись, он продолжает свой рассказ:

— Итак, Твитч решил, что будет со мной. Я опустил нож и уже через секунду мы стали друзьями. Между нами появилось доверие. Я не могу доступно объяснить это. Мы оба были детьми, но я был любопытным и чувствовал, что должен спросить его. Я и спросил. Я спросил его, почему он был так зол. Он рассказал мне, что, когда ему было восемь, отчим пытался убить его. Вытряхнуть из него жизнь. Он был мертв в течение четырнадцати минут, прежде чем его вернули обратно к жизни. Он сказал, что у него было легкое повреждение мозга, и кто-то из докторов даже предположил, что именно оттуда и произрастает его злость. Я сказал ему, что он имеет все основания быть злым. Он покачал головой и возразил мне. Он сказал: «Нет. Я такой злой, из-за того, что не умер».

Крутанувшись на стуле, я поворачиваюсь спиной к Юлию.

Это очень личный момент, когда у тебя разбивается сердце. Я не хочу, чтобы он был свидетелем. Внезапно, мне хочется остаться одной.

Дыша через комок образовавшийся в горле, я напрасно пытаюсь сдержать слезы.

Юлий говорит:

— Он ни во что не ставит окружающих его людей. Если ты не бросишь его, то станешь для него кем-то и он будет считаться с тобой.

Прикрыв лицо рукой, я чувствую обжигающие слезы, хлынувшие из моих глаз и увлажняющие мою ладонь, затем слышу, как дверь моего кабинета открывается и потом закрывается. Я думаю о словах, которые не могу заставить себя произнести в этот момент.

Спасибо тебе, Юлий.

Вернувшись домой после девичника с Дэйвом и Никки, я отпираю дверь в квартиру, и как только вхожу внутрь, сразу же скидываю с ног туфли.

Я понятия не имею, почему мы, женщины, носим подобную обувь. Каблуки — настоящее современное устройство для пыток.

Единственная причина, по которой я надела их это потому, что эти роскошные ярко-красные туфли мне купил Твитч. Они идеально подходили к обтягивающему, маленькому, черному платью, которое купил мне тоже он. И красный кожаный клатч, и рубиновый кулон. Все это купил мне Твитч.

Ничего себе.

Я уверена, что мой сегодняшний наряд стоит примерно тысячу долларов. Что, по моему мнению, просто возмутительно.

Мне необходимо было провести вечер с подружками. И я говорю это не для того, чтобы кого-то оскорбить. Дэйв считает себя одной из нас еще со времен университета. Это так мило.

Я голодна. А также пьяна.

Держась за стену в коридоре, для поддержки, я маленькими шажками иду в комнату. Включаю музыку и подпеваю песне Кэрри Андервуд — Blown Away. Грустная песня.

— Печальная песня. Я не хочу печальную. Мне нужно что-то позажигательней. — Говорю я сама себе.

Покачиваясь, я осторожно тыкаю по кнопкам, и просматриваю свой плейлист. Остановившись на «The Fray» — Love Don't Lie, я издаю радостный вопль и начинаю пританцовывать в такт музыке. Взяв с туалетного столика расческу, я провожу ею по

птичьему гнезду, в которое превратились мои волосы и прокручиваю в голове события этого вечера.

Я встретила с Дэйвом и Никки в баре и, обменявшись с ними поцелуями и обнимашками, села на расшатанный барный стул. Мы делились друг с другом тем, как прошла неделя, новостями и о говорили своих отношениях. Что было немного странно, потому как наш разговор происходил примерно так....

Я сказала им:

— У нас с Твитчем пока все хорошо. Он сложный и все такое, но со мной он становится другим. Он хорошо относится ко мне. Ему нравится баловать меня и с каждым днем я люблю его все сильнее. Так что, думаю, у нас все хорошо.

Никки и Дэйв мило улыбались, глядя на меня. Я так рада, что мои друзья поддерживают меня. Это так много для меня значит.

Потом Дэйв взглянул на Никки и выдал:

— Как, думаешь, обстоят дела с Хэппи?

Она пожала плечами:

— Нормально. Мне кажется. Секс обалденный и я уверена, он предпочитает женщин, но... — Она одарила Дэйва хитрой улыбкой: — ... мне нравится наблюдать за ним и Дэйвом. Это так возбуждает.

Дэйв игриво ее толкнул:

— О, спасибо, крошка. Мне тоже нравится смотреть, как вы трахаетесь. Киска меня не привлекает, но наблюдать за всем действием — очень горячо.

У меня отвалилась челюсть из-за странного предмета их разговора.

Никки захихикала:

— О, особенно мне нравится, когда он... — она наклонилась к Дэйву поближе и прошептала что-то ему на ушко. Дэйв закусил губу, прежде чем пробормотать: — Мне тоже это нравится.

Подняв руку, привлекая внимание бармена, я сделала заказ:

— Мне потребуется примерно одиннадцать коктейлей, чтобы стереть последние пять минут идиотизма из моих воспоминаний. Что бы вы посоветовали?

Пока мое лицо пылало от смущения, Никки и Дэйв ухмылялись как пара кошек, которые добрались до сливок.

Мы пили. И болтали. И вновь пили.

Потом разговор пошел в более привычном для меня русле.

Дэйв нечленораздельно произнес:

— Вы знаете какое слово является странным?

Никки и я ждали его ответа, затаив дыхание.

— Брюки. Почему во множественном числе? Да, у каждого есть по две ноги, но это только один предмет одежды. Должно быть «брюк», черт побери!

Шепоток одобрения пробежался по залу. Потом я сказала:

— Мне это тоже не нравится. Это та же самая ерунда, что и Увитбиксы. Почему одна штука называется Увитбиксы9? По идее должен быть Увитбик, если один, правильно же?

Дэвид, кивая, потягивал свой коктейль:

— Вот по этому-то мы и друзья.

Никки взволнованно хлопнула по барной стойке.

— У меня тоже есть слово! Почему ножницы, называются ножницами? — Дэйв и я

окинули ее своими лучшими одобряющими взглядами и согласно закивали.

Я люблю своих друзей.

Тряся головой, вспоминая все те глупости, что мы несли в баре, я пританцовываю в такт музыке, льющейся из моей супернавороченной стереосистемы, кружась по всей комнате.

Повернувшись, я взвизгиваю, наткнувшись на черную тень перед собой. Глубоко вздохнув, я открываю рот, чтобы закричать, как вдруг чьи-то руки обнимают меня, и я чувствую его запах.

Засранец Твитч. Подлый, глупый Твитч с этими его подползаниями, прятаньем, и подкрадыванием.

Млея от его объятий, я выдаю первое, что приходит мне в голову:

— Почему ты больше не используешь на мне ремень?

Ух ты. В моем голосе прозвучало намного больше обиды, чем я планировала.

Отстранившись, он отвечает:

— Потому что я уверен, что ты больше не попытаешься убежать.

Хмम्म. Ну, я думаю в этом есть какой-то смысл. В нетрадиционном смысле слова. Я думаю.

Я все же надуваю губки.

Он удивленно спрашивает:

— Ты напилась?

Я фыркаю:

— Нет. Я выпила всего... — мысленно подсчитываю — ...шесть Лонг-Айлендов, и рюмку текилы. Я в порядке.

Произнеся все это, у меня вдруг подкашиваются коленки, и я висну в объятиях Твитча как тряпичная кукла. Он нежно целует меня где-то в область бровей: — Ты хочешь, чтобы я использовал ремень?

Я хрипло отвечаю:

— Да.

Посадив меня на кровать, я наблюдаю за тем как он отходит от меня к своим штанам, которые валяются на полу, вытаскивает ремень из петель и идет назад ко мне.

Вау. Он необъяснимо завораживающе действует на мое сознание. И так каждый гребаный раз. Обычно, мои мысли роятся в той штуке, которую я называю мозгом. Но в данный момент, все что я слышу — это пронзительный свистящий шум в голове.

Мы официально ненормальные.

В моем раскованном алкоголем состоянии, я говорю ему:

— Я хочу попробовать что-нибудь новое этой ночью.

Он останавливается на полпути ко мне. То, как он оборачивает ремень вокруг своей руки, такой крепкой и привлекательной, это самая возбуждающая вещь, которую я когда-либо видела.

— О, да? И что же, Ангел?

Я маню его пальцем, и он подходит ближе. Затем я встаю на колени на кровати и, наклонившись к его уху, шепчу:

— Ролевую игру.

Он издает смешок:

— Без проблем, я только «за».

Внезапно занервничав, я отстраняюсь и опускаю подбородок:

— Ты скорее всего решишь, что я странная. Или ненормальная.

Он отвечает:

— К черту нормальность. Кто решил, что нормально, а что нет? Ярлыки, малышка. Это все ярлыки. Ну, скажи мне, малышка, что именно ты хочешь? — Но я не могу решиться на это признание. — Давай, Лекс. Я не буду тебя осуждать. — Но я все равно не могу. Потом он осторожно спрашивает: — Ты хочешь попробовать то, что делала Линг?

Мне так стыдно. Я закрываю лицо руками, мое сердце бешено стучит в груди.

Он берет меня пальцами за подбородок и поднимает мое лицо. Я обессилено опускаю руки, смирившись с судьбой. Он смотрит в мои взволнованные глаза, нежно целует и говорит:

— Как только я оберну ремень вокруг твоей шеи — игра начнется.

И как только ему удастся так упрощать все эти сложные для меня вещи? И почему, интересно, я этого так сильно хочу? Обе эти мысли кружат в моей голове. Мое время на раздумья заканчивается, когда он начинает закреплять толстый, черный ремень вокруг моей шеи. Смотрю на него, слегка приоткрыв рот, он осторожно наблюдает за мной. Затягивая ремень на самую последнюю прорезь, он тянет время, давая мне возможность отказаться.

Но я не откажусь.

Я не могу.

Мне нужно это.

Что-то внутри меня жаждет одобрения Твитча, и это длится с того самого первого дня.

Он отпускает меня и пристально вглядывается в мое лицо. Я точно знаю, когда он входит в свою роль. В роль моего насильника. Я знаю это, потому что его полуприкрытые глаза темнеют, а его губы искривляются в жестокой улыбке.

Он туго оборачивает остаток ремня вокруг своей руки и резко дергает. Я взвизгиваю, когда мое тело врезается в его сильный голый торс. Большая рука крепко сжимает мою задницу через ткань черного платья. Это прикосновение совсем не нежное и не ласкающее. Это так необычно, что мне кажется, что этот мужчина даже вовсе не Твитч.

Но не в этом ли вся суть игры? Именно сейчас мы можем стать двумя совершенно другими людьми. Людьми, которыми мы никогда не стали бы.

Это очень возбуждающе. Мое сердце колотится, и я начинаю потеть.

Тяжело дыша, я успокаиваю себя как могу, сползаю с кровати и встаю перед ним. Твитч начинает играть свою роль:

— Только дернись и я убью тебя на хрен, сука. — Затем медленно, но решительно тянет ремень на себя. Это движение заставляет меня сократить то небольшое расстояние, что было между нами.

В эту минуту я верю ему: он может сделать мне больно, несмотря на то, что я знаю, что это всего лишь игра. В данную минуту Твитч — самый притягательный мужчина на земле, но также и самый устрашающий.

Все это происходит так молниеносно.

Его шелковые боксеры на полу. Я трясусь, когда он хватает подол моего платья, зажимая его в своих кулаках. Он смотрит мне в глаза и со всей силы тянет ткань в противоположных направлениях. Звук рвущегося материала наполняет комнату, прежде чем платье падает к моим ногам бесформенной кучей. Я в ступоре смотрю на него.

Мне нравилось это платье.

Теперь на мне только лишь лифчик без лямок и кружевные трусики-танга. Мой мозг

плавает в океане удовольствия, когда он дергает мой лифчик вниз, освобождая мою грудь. Это движение немного приподнимает ее и в лунном свете, что пробивается через не плотно закрытые занавески, я вижу, как его глаза сосредотачиваются на моей обнаженной груди. Он похож на изголодавшегося человека, который созерцает свою первую за несколько месяцев еду. Лишь на мгновение он выходит из своей роли, чтобы провести большим пальцем вниз по выпуклости моей груди и прошептать:

— Идеальная. Такая идеальная.

Тряхнув головой, как будто прогоняя свои мысли, он смотрит на меня сквозь полуприкрытые веки и грубо шепчет:

— Я собираюсь трахнуть тебя без презерватива. — Мое сердце пропускает удар. В хорошем смысле. Он ухмыляется: — Собираюсь кончить прямо в тебя. И ты будешь стонать от восторга.

Я произношу свои первые реплики:

— Нет. Не надо. Пожалуйста, не надо. Я забеременею.

Он выплевывает смешок:

— Отлично, — обрушивая свои губы на мою щеку, он бормочет: — Каждый раз, когда ты будешь смотреть на него, ты будешь видеть меня. — Прикусывая мою щеку совсем не нежно, он шипит: — Если не прекратишь трястись, то я заставлю тебя поперхнуться моим членом.

Это немного пугает, что он играет свою роль так хорошо. Немного.

Понижая свой голос до шепота, я умоляю:

— Пожалуйста,пусти меня. Я никогда никому не скажу. Простопусти меня.

Он трется своим внушительным членом о мой живот, затем опускает руку вниз, чтобы нащупать мой холмик через кружево. Он грубо говорит:

— Суки как ты не носишь подобное дерьмо, если не хотят быть оттраханными мужчиной. Я мужчина, детка. И я собираюсь трахнуть тебя. Независимо от того, хочешь ты этого или нет.

Страх в моем голосе внезапно становится настоящим:

— Если ты попытаешься, я закричу.

В его голосе слышится насмешка:

— Кричи сколько влезет, — его губы касаются моей ушной раковины. — Соппротивление еще больше заводит меня.

Оттянув трусики в сторону, его палец касается влажного тепла моего чрезмерного возбуждения, и он шепчет:

— Видишь? Ты тоже хочешь этого. Твое тело не лжет. Не сопротивляйся.

Мы оба прекрасно знаем, что на самом деле он имеет в виду: «Сопротивляйся, детка. Мне это ужасно нравится.»

Так я и делаю. Отстраняясь от него, я поднимаю ногу к его животу и пытаюсь завоевать немного пространства между нами, отпихивая его в сторону. Он тянет за ремень, на мгновение лишая меня воздуха. Я задыхаюсь, тяжело пыхтя, пока мое сердце колотится как сумасшедшее, а в висках стучит кровь. Я упираюсь ему в плечи. Он одной рукой обнимает меня за талию и притягивает к себе, надежно стискивая меня в своих руках. Я хныкаю. Он рычит и кусает меня за плечо. Я визжу и кричу от удовольствия и боли сразу. Мое самое интимное место пульсирует. Я уже близка к оргазму.

Я кричу:

— Пожалуйста, не делай мне больно.

Он замирает на секунду, перед тем как спокойно произнести:

— У меня нет выбора.

Опустив голову, он берет в рот мой сосок, сильно его сосет, затем прикусывает нежную плоть. Я издаю стон, а мои руки впиваются в его затылок. Пробегая пальцами по его волосам, я осознаю, что теряю контроль над собой. Я резко хватаю его за волосы и дергаю в сторону. Он рычит:

— Ты пожалеешь об этом.

Я не знаю, что на меня нашло, но делаю кое-что действительно чертовски глупое.

Подняв колено, я застаю его врасплох, когда оно встречается с его пахом. Его дыхание становится неровным, а руки падают по швам. Вот он. Момент глупости.

Это та часть, где я поворачиваюсь. И бегу.

Мне удастся преодолеть половину коридора, когда до меня доносится стук его шагов позади. Мое сердце также стучит. Я, правда, в ужасе. Слезы застилают мне глаза и, когда его рука оборачивается вокруг моих ребер, я вскрикиваю. Мое отчаянье в этот момент очень реально, хотя мысленно наслаждаюсь всем происходящим. Слезы скатываются из уголков моих глаз, а губы дрожат. Его другая рука находит мою грудь, и он прикусывает мое ухо:

— От меня так просто не убежишь.

Затем мы боремся.

Мои руки сжимаются в кулаки, и я принимаюсь колотить его по мускулистым рукам в очередной попытке убежать. Мое тело лихорадочно извивается, прижатое к его телу. Моя борьба настоящая. С безумно стучащим сердцем, я изворачиваюсь и трачу все свои силы в борьбе с ним, чтобы убежать. Поворачиваясь, я оказываюсь с ним лицом к лицу. Его рука хватает конец ремня, и он резко дергает меня к себе, привлекая мое внимание. Но я не сдаюсь. Вместо этого я наклоняю голову к его ключице и кусаю.

Сильно. Я так сильно стискиваю зубы на его плоти, что слышу его тихое рычание через стиснутые зубы. Он грубо толкает меня к стене в прихожей. Мой затылок ударяется о стену с глухим стуком.

Тусклый свет, льющийся из кухни, позволяет мне различать в темноте его очертания.

Задышавшись, он дотрагивается до своей ключицы, в которую я впивалась зубами. Он подносит палец к своему рту. Облизывая свои губы, я чувствую металлический привкус крови. Я сильно его укусила, аж до крови. Мой желудок ухает куда-то вниз. Подходя ближе, он угрожающе выдыхает:

— О, детка. У тебя большие неприятности.

Он безжалостно надвигается на меня, пока мы не оказываемся нос к носу. Я вздергиваю подбородок и плюю ему в лицо.

Я наблюдаю словно в замедленной съемке, как он вздрагивает, явно не ожидая подобного. Тяжело дыша, я хриплю:

— Пошел на хрен, ублюдок.

В ту самую секунду, когда он снова дотрагивается до меня, я осознаю, что наша ролевая игра граничит с реальной жизнью. Твитч кипит от злости. Я чувствую, как гнев выходит из него электрическими искрами. Грубо схватив, он швыряет меня на пол. Мои ладони упираются в пол, а колени начинает саднить. Внезапно, его тело накрывает мое, прижимая меня к полу. Я пытаюсь высвободиться и не переставая шепчу:

— Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо. — Но Твитч больше не играет свою роль.

Игра закончилась.

Его рука оборачивается вокруг моей талии, и он поднимает меня вверх, пока я не оказываюсь на четвереньках, как собака. Его рука тянется вниз, чтобы отыскать мою намокшую киску. Он стонет, отодвигая кружево моих трусиков в сторону. Я ощущаю, как головка его члена находит мой вход. Но я изо всех сил сопротивляюсь.

Борясь, мне удастся немного от него отодвинуться. Стоя на коленях позади меня, он подползает ближе, но я вновь увертываюсь. Он стремительно протягивает руку, и зажимает пальцы на моем горле. Меня покидают последние силы, когда я понимаю, что мне этого все равно не избежать. Я в безысходном положении.

Стискивая зубы, моя грудь тяжело вздымается, а глаза наполняются слезами. Его головка снова касается моего входа. Я чувствую шарики его пирсинга, пока он водит своей головкой вверх-вниз по моей промежности. Он проталкивается внутрь. Только самый кончик. Губы нежно целуют мою лопатку:

— Я победил.

Мое возбуждение помогает ему легко проникнуть внутрь, полностью. Мы одновременно вскрикиваем от удовольствия.

Поставленная в положение, которое требует подчинения, я знаю, что должна сопротивляться до последнего, но этого не происходит. Мои веки трепещут, когда он ослабляет захват на моем горле. Я тону в море наслаждения, пока он вдальбливается в меня своим членом, оставив свою руку на моем горле. Глубоко насаженная на его стержень, я тихо вздыхаю. Мне так хорошо. Он находится так глубоко во мне, что возникает чувство, будто он проникает до самого моего желудка.

Никто не проиграл. Мы оба победили.

И все же, я продолжаю сопротивляться. Слабо брыкаюсь, а он начинает двигаться во мне и под таким углом проникновения, мое возбуждение достигает небывалых высот. Шарики его пирсинга трутся о нужное местечко и в такие моменты я задыхаюсь:

— Нет, нет, нет.

Я скоро кончу.

Мои мышцы вокруг него начинают сокращаться, перед глазами пляшут яркие вспышки и все мое тело дрожит от непередаваемого удовольствия. Откидывая голову назад, мой рот приоткрывается в беззвучном стоне, и я слышу, как Твитч тяжело дышит:

— Вот и все, Ангел. Не сдерживай себя. Кончи на мой член.

Плотину прорывает. Мое лицо искажается от боли и наслаждения. Я содрогаюсь в конвульсиях вокруг его члена. Стону, моя голова мечется из стороны в сторону в самом интенсивном оргазме, который я когда-либо испытывала за всю свою жизнь. С каждой волной оргазма, накатывающей на меня, мое тело погружается все глубже и глубже в пучину абсолютного блаженства.

Меня покидают последние силы.

Все еще крепко, и в то же самое время осторожно, держа меня за горло, он продолжает двигаться в моем уже обмякшем теле. Я не могу двигаться ему в такт даже если захочу. Я истощена эмоционально и физически. Поддерживая меня за талию своей рукой, он направляет мое тело навстречу каждому своему толчку. Целую минуту он вдальбливается в меня как сумасшедший. Затем он издает протяжный стон и вонзившись глубоко в меня, останавливается на какой-то момент, прежде чем продолжить свои движения. Что-то теплое и влажное сползает вниз по внутренней стороне моего бедра. Его толчки замедляются. Так

же, как и его дыхание. Наконец, он замирает внутри меня.

Поднявшись, он помогает мне встать на ноги и прижимает к себе. Я чувствую себя грязной, использованной и оскорбленной.

И я никогда еще не чувствовала себя лучше.

Так много мыслей появляются в моей голове

Что я наделала?

Обнимаю его руками за шею, он приподнимает меня. Мои ноги оборачиваются вокруг его талии, и он медленно несет меня к кровати. Он кладет меня и ложится рядом. Мы даже не решаемся помыться. Нужно что-то сказать.

Через минуту неловкой тишины, мы лежим бок о бок, и я тихо спрашиваю:

— Что, только что произошло?

Он поворачивается ко мне, и я слышу ироничные нотки в его голосе:

— Тебя только что оттрахали. Как следует оттрахали.

Истерический смех вырывается из моего рта. Я не могу успокоиться. Я хохочу. Я чувствую, как дрожит кровать, так как он смеется вместе со мной. Мое горло сжимается, а в глазах появляется жжение. Мое тело сотрясается теперь по другой причине — я начинаю рыдать.

В данный момент, я не нравлюсь сама себе.

Твитч притягивает меня к себе и начинает гладить по голове, целовать мои глаза и щеки. Он не произносит ни слова. Он знает меня достаточно, чтобы понимать, что сейчас мне необходимы только лишь его надежные и крепкие объятия.

Мой мозг витает в облаках.

Скорее всего, сейчас не самый удачный момент, чтобы упомянуть, что я целых две недели не принимаю таблетки.

Подходя к своей квартире, я широко улыбаюсь, когда вспоминаю о своей небольшой хитрости, к которой мне пришлось прибегнуть на приеме у психолога этим утром.

Договорившись о встрече с офисным психологом, Эмилиной, я приготовилась услышать от нее, что я ненормальная. Я думала об этом всю ночь, так что это не было бы для меня неожиданностью. Я не могла уснуть. Эта мысль разъедала мне мозги. Так что, когда я вошла в ее кабинет и села напротив нее, я приготовилась к допросу с пристрастием. Но вскоре поняла, что ошибалась.

Жутко ошибалась.

Эмми приготовила для нас капучино на своей шикарной кофеварке, и мы обе уселись на диван в ее кабинете. Встреча, которой я немного боялась, превратилась в дружеские посиделки с кофе.

Она спросила:

— Должна признаться, что я немного удивлена увидеть тебя здесь, Лекси. Все в порядке?

Ну, я уговорила своего парня, торговца наркотиками, изнасиловать меня прошлой ночью. О, и мне это понравилось. Так что, нет. Не в порядке.

Сцепив руки вместе, я посмотрела на свои ноги и начала:

— Ну, я пришла не из-за своих проблем. А из-за подруги. Я переживаю за нее и хотела бы услышать мнение профессионала, прежде чем попытаться самой помочь в ситуации,

которая абсолютно чужда мне.

Ложь. Все ложь

Кивая головой, она выглядела сочувствующей, пока объясняла:

— Конечно, я понимаю, это тяжело наблюдать как твои друзья переживают трудные моменты в жизни. Людям не нравится чувствовать себя беспомощными. Это замечательно, что ты хочешь помочь.

Моргая, я с трудом сглотнула и пустилась в объяснения:

— Она моя близкая подруга. Я хорошо ее знаю, и она прошла через многое в своей жизни. Совсем недавно ее даже чуть не изнасиловали. Ее спасли, прежде чем насильник успел надругаться над ней. — Качая головой, я вздыхаю: — Извини. Я говорю не то, — откашлявшись, я пытаюсь снова: — Несколько дней назад, она позвонила мне, пребывая не в себе. Она и ее парень занимались сексом и все это вышло немного из-под контроля.

Брови Эмми сошлись на переносице, но она кивнула головой, чтобы я продолжала свой рассказ про подругу. Я и продолжила:

— И... и... и ей понравилось. Занятие сексом становилось все грубее и грубее, и прежде чем она это осознала, они уже разыгрывали сцену изнасилования. И ей дико понравилось. Непередаваемо. — дав Эмми мгновение, чтобы впитать информацию, я перешла к сути дела. — Теперь она думает, что что-то с ней не так, и я понятия не имею, что ей на это сказать. — Я посмотрела на психолога, которая взглянула на меня обеспокоенными глазами. Я посмотрела на нее в ответ умоляющим взглядом.

Мне нужна была помощь. Эмми, будучи профессионалом, откинулась на спинку дивана и вздохнула:

— Ну, ты можешь сказать своей подруге, что с ней все в порядке. Абсолютно. Вообще, подобное поведение не такая уж и редкость среди людей, которые подверглись сексуальному нападению. Дело в том, что такие люди впадают либо в одну крайность, либо в другую. С одной стороны, бывают люди, которые не могут с этим справиться, и одна мысль о том, что другой человек собирается прикоснуться к ним, для них невыносима; а с другой стороны, есть люди, как твоя подруга, жаждущие взять под свой контроль ситуацию, из-за того, что изначально у них не было над ней контроля.

Что-что???

Не скрывая свое замешательство, я пододвинулась поближе:

— Значит ты хочешь сказать, что...?

Отпивая свое кофе, она объясняет:

— С твоей подругой все в порядке. Ничего плохого нет в ролевых играх в спальне. В этом нет никакого отклонения, пока все происходящее законно и оба согласны на это, я не вижу в этом проблемы. Твою подругу едва не изнасиловали, ты говорила. Возможно, это пробудило что-то в ней, что-то примитивное и жестокое. Мысль о том, чтобы быть изнасилованной ужасает. Однако, основной инстинкт твоей подруги вырвался наружу и ее мозг, который пытается осмыслить все произошедшее, решил исправить воспоминания чего-то ужасного и пугающего на что-то... — она задумалась, пытаясь подобрать подходящее слово. — ...скажем так, на что-то положительное. Приятное. Твоя подруга сильнее, чем она думает. — Она закончила предложение с печальной улыбкой, и я знала, совершенно точно знала, что она все поняла.

Она подтвердила мои мысли, когда произнесла:

— Ты знаешь, твоя подруга может поговорить со мной в любое время. В любое время.

Потянувшись, я пожала ей руку и прошептала:

— Спасибо. Она будет очень рада это услышать. Для нее очень много значат эти слова.

И вот так, я уехала, переваривая всю эту информацию, и с того момента солнце стало светить ярче. И вот я здесь. Иду по коридору, кидаю взгляд направо и вижу высокую фигуру, которая стоит в дверях холодильника. Высокая фигура, облаченная всего лишь в черные треники и больше ничего.

Мммм. Твитч без рубашки. Ням-ням.

Пожирая глазами его худое, мускулистое, украшенное татуировками тело, мои глаза скользят вниз, туда, где на бедрах низко сидят треники, из которых выглядывают самые кончики татуировки «V». Я едва сдерживаюсь чтобы не упасть на колени и прижаться к этой тату губами.

Я спрашиваю:

— Голоден?

Все еще изучая содержимое холодильника с разочарованием в глазах, он рассеянно чешет свой загорелый живот и отвечает:

— Ага, но тут мне, видимо, ничего не обломится. Ты вообще когда-нибудь ходишь за продуктами?

Хихикая, я говорю ему:

— По правде говоря, нет. Я тот тип девушки, которая покупает продукты только тогда, когда есть необходимость.

Его лицо омрачается разочарованием:

— Это хреново. Я хочу есть.

Я не в силах сдержать улыбку. Он замечает ее и практически ухмыляется, прежде чем одергивает себя и снова принимает разочарованное выражение лица. Тыча пальцем на мои губы, он говорит:

— Объясни-ка мне, по поводу чего улыбаемся? Ты ревела вчера ночью, а теперь сияешь и улыбаешься, и мне интересно с чего бы это?

Опираюсь бедром о столешницу и говорю:

— Все в порядке. Все просто замечательно. Я не знаю даже, зачем мне понадобилось так переживать. Я ходила на прием к психологу сегодня утром, к Эмми, и рассказала ей все, что произошло... — его полуприкрытые карие глаза щурятся и я быстро добавляю, — ...но я сказала, что это случилось с моей подругой, — я подмигиваю ему. — И она сказала, что это совершенно нормально, играть в ролевые игры. И что тот, кто пережил ситуацию подобную моей, когда меня чуть не изнасиловали, будто берет контроль над ситуацией, над которой у этого человека раньше не было контроля. Здорово, ведь правда? Я нормальная! Дай пять!

Подпрыгивая на месте, я поднимаю вверх руку, ожидая его ответной реакции, и улыбаюсь так широко, как только могу. Один беглый взгляд на лицо Твитча резко убавляет мою радость. Он морщит лоб и упирает руки в бока, шепотом повторяя:

— Она нормальная. Нормальная, на хрен.

Не понимая в чем проблема, я тихо спрашиваю:

— Почему ты рассердился?

Моргая, он протягивает ко мне руку и выплевывает:

— Снова ярлыки! Всегда эти чертовы ярлыки! Разве это так важно, Лекс? Вести себя так, как другие считают нормальным?

Я хочу сказать нет, хочу защитить свою точку зрения. Я хочу пойти спать, притвориться,

что никогда не говорила этого и проснуться, когда эта перепалка закончится.

Не зная, как именно ему следует ответить, я отмалчиваюсь, но бросив один единственный взгляд на мое лицо, Твитч мрачно ухмыляется:

— Конечно, надо именно так себя вести. — Двигаясь в мою сторону, он по пути спрашивает: — Позволь мне спросить тебя? Какой ярлык ты повесила на меня? — Мое сердце начинает учащенно биться, и я с трудом сглатываю. Его глаза вспыхивают. — Психопат? Хммм? Не знаю, может сумасшедший? Безумный? Давай, скажи мне, Лекс. Какой ярлык ты повесила, черт побери, на меня?

Ужасающий. Неуравновешенный. И пугающий.

Стиснув зубы, он хватается меня рукой за подбородок:

— Вешай на себя какие угодно ярлыки, Алекса, — убирая свою руку, он смотрит на меня какое-то мгновение, и то, что отражается на его лице, вызывает во мне тошноту.

Разочарование. Он разочаровался во мне.

Развернувшись, он хватается свою футболку с дивана и открывает входную дверь.

Немного задержавшись в дверях и стоя ко мне спиной, он произносит со злостью:

— Не смей вешать на меня гребанные ярлыки. — Его руки сжаты в кулаки по обеим сторонам его тела. Он, растягивая, говорит свои прощальные слова. — Подумай над этим, девочка. — Он поворачивается, его глаза — полные ярости — встречаются с моими: — Кем ты была, прежде чем люди начали говорить тебе, кем ты должна быть?

И потом он уходит.

Дверь моего кабинета открывается и входит Майкл.

Устраиваясь поудобнее в кресле для посетителей, он кладет свои ноги на стол. Я предупреждающе щелкаю пальцами. Ноги опускаются вниз.

Так-то лучше.

Он вздыхает:

— Дайте мне какое-нибудь поручение, босс. Мне скучно.

Я фыркаю:

— Скучно? Здесь? Иди к Хэппи, пусть он найдет для тебя занятие. Или к Ли.... — Я отсекаюсь на полуслове. — Никакой Линг.

Майкл проработал на меня около месяца, и он почти перестал меня бояться.

Почти.

Я думаю, он видит во мне старшего брата. Я это одобряю. Я всегда хотел иметь брата. И если бы в этой жизни у меня был бы брат, я бы хотел, чтобы он был похож на Майкла. Уже очень давно я понял, что Майкл намного умнее, чем мне казалось.

Как-то однажды утром он пришел в мой кабинет и прямо спросил:

— Вы торгуете наркотиками?

Я смерил его тяжелым взглядом. К моему удивлению, он не отступил. Ни на дюйм. Я был впечатлен и ответил:

— Меньше будешь знать, лучше будешь спать.

Он усмехнулся:

— Это такой оригинальный способ сказать «да». — Я ничего не ответил, и он продолжил: — Я мог бы торговать, знаете ли... я делал это, когда работал на Хамида. Я знаю всю подноготную, так что я не провалюсь. Я не разочарую вас.

— Ты никогда не разочаруешь меня, Майки, но нет. Этому не бывать. Мне больше не нужны торговцы. Ты здесь, чтобы работать законно.

Он пробормотал:

— Кто бы говорил.

Я ухмыляюсь. Без сомнения, он окончательно потерял страх передо мной. Поворачиваясь к мальчишке, спрашиваю:

— Что случилось?

Он мямлит:

— Ничего. — Если бы мальчишка хотел что-то сказать мне, то сказал бы. Так что я не продолжаю его допрашивать. Как только я снова принимаюсь печатать, он выпаливает: — Это из-за одной девушки.

Ну, естественно. Все проблемы всегда из-за девушек.

— Ты встречаешься с этим воробушком?

Качая головой, он заявляет:

— Нет. Я не хочу приглашать ее на свидание, пока не буду в состоянии ее впечатлить.

— С моей точки зрения ты вполне в состоянии ее впечатлить, молодой человек. У тебя есть работа, ты ходишь в школу, есть кое-какие деньги, и при всем при этом ты еще ищешь квартиру, в которой поселишься, когда тебе исполнится восемнадцать, — я вскидываю одну бровь. — Я бы сказал, что тебе пора бы уже пригласить ее на свидание.

Он смущенно улыбается:

— Ага, — затем более решительно: — Да. Мне тоже кажется, что пора. — Я внимательно смотрю на него. Я вижу, как храбрость вспыхивает в его глазах и прилагаю все усилия, чтобы сдержать свою улыбку. — Я решил. Приглашу ее на свидание.

Мои губы искривляются в подобии улыбки, и я одобрительно киваю.

Вдруг он поворачивается ко мне. — А как надо приглашать девушку на свидание? — Я мысленно хохочу.

Парнишка влип по-крупному.

Дверь моего кабинета распахивается:

— Я собираюсь пригласить ее на свидание.

Подняв свой взгляд, я вижу Майкла, который выглядит просто отлично в своих черных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами и черными подтяжками. Он выглядит как Твитч и это пугает.

Только татуировок не хватает.

Сощурившись, я указываю пальцем на выбранную им одежду. Он смотрит на себя и бормочет:

— Мистер «Т» требует, чтобы я выглядел прилично.

И почему это не удивляет меня?

Я бормочу себе под нос:

— Ну, конечно, он требует подобное.

Быстро допечатав абзац, я смотрю на него и расплываюсь в улыбке:

— Ты выглядишь великолепно. Как мини-Твитч, — он закатывает глаза, и я борюсь с желанием расхохотаться. — Кого ты собираешься пригласить на свидание, милый?

— Талию.

О, вау!

Мое сердце переполняют эмоции.

Я безумно радуюсь, представив Талию и Майкла вместе. Они оба из неблагополучных семей. Они однозначно поймут друг друга. И я точно знаю, что Талия влюблена в Майкла. Когда я в последний раз звонила ей, она спрашивала о нем раза три.

С широко распахнутыми глазами, я немного наклоняюсь над столом и шепотом с иронией говорю:

— Ну, ничего себе! Это так круто! Как ты собираешься ее пригласить?

Его улыбка меркнет:

— Я-я просто спрошу. Мистер «Т» посоветовал быть прямолинейным, но не простоватым. Спросить ее так, чтобы у нее не было возможности ответить «нет».

Меня так и подмывает расхохотаться. Он обращается к Твитчу за советами насчет свиданий? О Боже мой, мне нужно срочно во все это вмешаться. Как можно скорее.

Подавляя безумное желание хихикнуть, я говорю:

— Нет, милый мой. Если ты не спросишь ее правильно, то это может все испортить. — Его глаза испуганно округляются, и я вздыхаю: — Куда ты планируешь сводить ее?

Он пожимает плечами:

— Не знаю. В кино или еще куда-нибудь.

Я издаю стон, а потом принимаюсь читать Майклу нотации:

— Майкл! Тебе следовало бы распланировать все свидание заранее, чтобы ты мог посвятить Талию во все детали, когда она согласится.

Он вскидывает брови:

— Она согласится?

Я киваю и с теплотой улыбаюсь:

— Она согласится.

Вдруг он становится серьезным, садится на край моего стола и говорит:

— Хорошо. Отлично. Я хочу сводить ее в какое-нибудь мило местечко. Мистер «Т» сказал, что я могу воспользоваться услугами водителя фирмы. Я хочу сводить ее в какое-нибудь шикарное место.

Ох. Нет

— Майки, Талия не из того типа девушек, которые хотят, чтобы их водили по шикарным местам. Шикарное заведение заставит ее почувствовать себя не в своей тарелке, и это будет выглядеть так, как будто ты из кожи вон лезешь, чтобы ее впечатлить. Талии понравится что-то уютное и домашнее. — Я пожимаю плечами. — Скажем, итальянский ресторанчик. — У меня в голове что-то щелкает и мои глаза начинают блестеть от пришедшей мне в голову идеи: — Я знаю идеальное место! Подожди-ка.

Схватив телефон, я быстро печатаю сообщение.

Я: Мне нужен адрес итальянского ресторанчика, в который ты меня недавно водил.

Ответ приходит практически мгновенно. Я удивляюсь отсутствию какой-либо враждебности, принимая во внимание то, как мы вчера не по-дружески расстались.

Твитч: Уже забронировал столик для мальчишки и его девчонки. Я дам ему адрес, когда он придет. Передай ему, чтоб шевелил задницей. Он уже опаздывает на работу.

Улыбаясь как идиотка, печатаю ответ.

Я: Сегодня ночью тебя ждет потрясающий секс. Люблю тебя х

Твитч: у меня каждую ночь потрясающий секс, Ангел х.

Он не лжет. Мы занимаемся сексом каждую ночь.

Я практически живу с Твитчем, вот уже несколько недель. Я бываю дома только для того, чтобы взять одежду и проверить почту. И каждый раз, когда я приношу одежду из дома, он испепеляет меня взглядом за то, что не пользуюсь гардеробной, которую он для меня сделал. Я упрямо настаиваю, что эта гардеробная — жуткая.

— Все уже забронировали, солнышко. Твитч даст тебе адрес. Ты узнаешь все детали на работе, на которую, ты, кстати, уже опаздываешь, — говорю я, смотря на свои часы.

Свераясь со своими часами, он выплевывает:

— Дерьмо! — и пулей выскакивает за дверь. Не проходит и секунды, как он забегает обратно и задыхаясь спрашивает: — Так как мне пригласить ее?

Я говорю ему то, что сама хотела бы услышать:

— Скажи ей, что ты выбирал удачное время, чтобы пригласить ее, что ты долго этого ждал, но не знал, как спросить. Подари ей цветы. Маргаритки, я думаю. И она скажет «да».

— Я не знаю, чтобы я без вас делал, мисс Балентайн.

Я пожимаю плечами:

— Ты один из моих подопечных. Очень скоро я тебя потеряю. Я хочу помочь, там, где могу. — Какое-то время он смотрит на меня, моргая, а затем опускает вниз подбородок. — Я всегда буду вашим подопечным.

Потом он уходит.

Оставив прослезившуюся меня в кабинете.

Ты никто, пока кто-нибудь не полюбит тебя.

По крайней мере, так я теперь думаю, когда у меня есть Лекси. Я всегда подозревал, что она мне нужна, потому что именно это твердил мне мой мозг.

Мои мозги повреждены более чем в одном месте и, таким образом, мой интерес к ней превратился в одержимость. Добавьте к этому зависимость от тяжелых наркотиков, и проблем будет не избежать. К тому времени, мой мозг стал посылать мне сигналы, что Лекси не просто нужна была мне, а что я должен был заставить ее страдать, за то, что она заставила меня поверить, что моя жизнь когда-нибудь наладится и придет в норму... если только я буду обладать ею.

Когда мне было восемь она была со мной. Всего на одну ночь. Судьба — жестокая сука, и та ночь изменила для меня все.

Я мог бы придумать кучу оправданий.

Я мог бы, например, сказать, что я был просто испорченным ребенком, который вырос в испорченного мужчину.

Я мог бы. Но не буду.

Я не люблю ярлыки. Мне не подходят такие слова как ненормальный, неуравновешенный или сломленный. Во мне есть нечто более важное, чего не передать никакими словами. Я состою из слоев, как и любой другой человек. И если начать снимать с меня слой за слоем, то обнаружится почерневшая корка там, где должно быть мое сердце. Но с тех пор, как Лекси вошла в мою жизнь, сквозь эту корку стал пробиваться тоненький зеленый росток, что вселило в меня надежду, что когда-нибудь даже я смогу стать человеком, который делает чью-то жизнь лучше.

Росток крепнет с каждым днем. И будь я проклят, если кто-нибудь попытается отобрать у меня Лекси. Я убью любого, кто попытается.

Пробегая рукой по волосам, я с трудом сглатываю и мой желудок ухает куда-то вниз.

Надо принять решение. Никто не посмеет отобрать ее у меня. Так почему же я рискую потерять ее, рассказав правду?

Я знаю, что то, что сделал — простить невозможно. Я мог бы рассказать ей. Хотя я знаю, каков будет результат. Моя девочка бросит меня в ту же секунду.

Дурное предчувствие растет.

Мне так много нужно ей рассказать. И Нокс был прав...петля вокруг моей шеи затягивается. Я едва могу дышать.

— Все в порядке, босс? — доносится обеспокоенный голос из дверного проема, привлекая мое внимание.

Мальчишка.

— Все хорошо, — ухмыляясь, я спрашиваю: — А у тебя? Ты пригласил девчонку или как? — Он бросает на меня беглый взгляд:

— Я бы пригласил, если бы не опаздывал на работу.

Существует лишь несколько вещей, которые не могут подождать. Теперь я знаю это.

Беру телефон, печатаю сообщение, нажимаю кнопку «отправить» и жду. Майкл с каждой секундой выглядит все более нервным, а я улыбаюсь. Мне нравится думать, что он все еще побаивается меня, хотя ему не за чем меня больше бояться. Это забавно.

Хэппи появляется в дверях позади Майкла.

— Что случилось?

Скрестив руки за головой, я откидываюсь на спинку своего трона и говорю им обоим:

— Ты возьмешь мальчишку с собой сегодня. Хотя сперва ему надо будет сделать небольшую остановку. Потом вы оба займетесь делами как обычно.

Хэппи шурится:

— Не могу. Мне надо... — его глаза впиваются в мои, — ...уладить кое-какие дела.

Черт побери. Я и забыл. Он сопровождает нескольких торговцев сегодня на одну большую сделку, которую нужно обезопасить. Мое лицо принимает озабоченное выражение. У меня нет времени отвезти его лично. Через час у меня встреча.

Я вздыхаю:

— Забудь об этом.

Но потом, я смотрю на Майки. Его лицо становится угрюмым. Дерьмо. Хэппи скидывает бровь. Я знаю, он взял бы его с собой, ему нужно только мое согласие. Лекси будет в бешенстве.

Так и будет, если она узнает. Если. Если — это хорошо.

Мои губы растягиваются в ухмылке.

— Вперед. Майки, пригласи свою девчонку, потом ты проведешь с Хэппи остаток дня.

Всего за несколько секунд на лице мальчишки друг друга сменяют несколько чувств от удивления и неверия до шока.

— Серьезно?

Не желая видеть бесконечную признательность в его взгляде граничащую с поклонением, я поворачиваюсь к ноутбуку, отпуская их:

— Идите. Вперед.

Печатая дальше, я притворяюсь, что не замечаю Майкла, который по-прежнему стоит в дверном проеме:

— Спасибо, — он говорит это так тихо, что я едва разбираю. — За все.

Грудь, внезапно, сдавливает.

Я отвечаю также тихо:

— Всегда пожалуйста, — он аккуратно закрывает за собой дверь. А я шепчу в пустую комнату: — Всегда пожалуйста, брат.

.

Лыбясь как идиот, я наблюдаю как Майкл бежит вниз по ступенькам жилого дома. Его глаза широко раскрыты, он выглядит так, будто сейчас упадет в обморок.

Мое сердце пропускает удар, и улыбка сползает с лица.

Он переходит с бега на шаг и идет к машине практически в замедленном темпе. Черт. Похоже парнишке разбили сердце.

Проклятье.

Когда он наконец подходит к машине, он открывает дверь и садится, уставившись в приборную панель пустыми глазами.

Протянув руку, я легонько сжимаю его за плечо и спрашиваю:

— Что случилось, приятель?

Он открывает рот, но из него не выходит ни звука. Он пожимает плечами. Спустя мгновение он шепчет:

— Она сказала «да».

Я улыбаюсь:

— Что, правда?

Все еще не веря своему счастью, он кивает.

Толкая его в плечо, смеюсь:

— Разве ты не этого хотел?

— Ага. Ну, то есть, конечно. — Он молчит. — Я просто не понимаю, почему она согласилась.

О, блин. Подобные разговоры — это не по моей части.

Я привожу ему лучший пример, который могу придумать:

— Ты видел Лекси?

Его лоб морщится, и он кивает.

— Ты видел Твитча?

Брови все еще нахмурены, он кивает. Потом кивает еще раз. Маленькая улыбочка играет на его губах, и я знаю, что он понял меня. Я говорю ему:

— Противоположности, приятель. Противоположности притягиваются.

Завожу машину, вытаскиваю телефон из кармана и отправляю Твитчу смс-ку.

Я: Мальчишка заполучил девчонку.

Не проходит и десяти секунд как мой телефон пиликает.

Твитч: Хорошо. Теперь возвращайтесь к работе.

Поворачиваясь к Майклу, я спрашиваю:

— Ты готов познакомиться с настоящей деятельностью «Фалькон Пластик», парень?

Его глаза округляются, и он шепчет:

— Черт, да!

Я хихикаю.

С мальчишкой всё в порядке.

Распределение оставшегося бюджета «Фалькон Пластик» вымотало меня. Кто я такая чтобы решать, что одни благотворительные организации нуждаются в этих деньгах больше, чем другие?

Полчаса назад заходил Чарли и нашел меня, нервно обмахивающуюся журналом. Он спросил в чем проблема. Я не стала сдерживать свою «плаксивую, жалующуюся Алексу» и дала ей волю:

— Там не так много денег осталось, Чарли, и я думала, что это будет намного легче, знаешь ли. Раздаю деньги нуждающимся, как Робин Гуд. А ты один из моих славных товарищей. И это прекрасно, потому что ты похож на огромного белого плюшевого медведя. Люди боятся тебя и даже не представляют себе, что ты — милашка, но как своего славного товарища, я должна попросить тебя, чтобы ты облегчил мне это бремя. Потому что это слишком тяжело. А я всего лишь человек, Чарли. — Я смотрю на него с мольбой. — Мне не нравится быть Робин Гудом. Пожалуйста, не заставляй меня надевать кальсоны. — И в воздухе повисла тишина.

Чарли улыбнулся и подошел ко мне поближе. Как только он дошел до края моего стола, он сказал:

— Ты знаешь, что мне нравится в тебе, Лекс? — Я покачала головой, все еще паникуя. Он продолжил: — У тебя есть сердце. И я знал, что ты столкнешься с этой проблемой. Я удивлен, что этого не произошло раньше. Именно поэтому я выбрал тебя, я знал, что ты справишься, идеально распределив бюджет. — Я ничего не поняла. И судя по ухмылке Чарли, он это заметил. — Я знаю, что кто бы не попал в твой список претендентов на долю из пожертвованных денег — заслуживает этих денег. Я также знаю, что это пожертвование все до последнего цента будет справедливо разделено между различными организациями. Деньги будут распределены одинаково и без предвзятости. — Мое сердце наполнилось теплотой, и он улыбнулся: — Вот почему я выбрал тебя.

Сказав все это, он ушел.

Сидя за столом по-прежнему переживая, но все же чувствуя себя немного лучше, я слышу, как пищит мой телефон. Вытащив его из сумки, я вижу три сообщения.

Хэппи: Девчонка сказала «да».

Твитч: Парнишка заполучил девчонку.

Майки: Вы были правы, Талия согласилась!

Улыбаясь как ненормальная, я уставилась на экран, когда пришла еще одна смска.

Майки: Я думаю меня сейчас стошнит.

Смеясь себе под нос, я вдруг осознаю, что больше не переживаю. В этом нет никакой надобности.

Жизнь прекрасна.

День прошел как в тумане.

После двойной и тройной проверки распределенных сумм, я вручаю бюджетную смету Чарли. Слегка расслабившись, я не спеша иду обратно в свой кабинет. На полпути по коридору я слышу, как звонит мой телефон, и как только я подхожу к двери, он замолкает.

Естественно.

Вздыхая, захожу в кабинет и проверяю дисплей. Десять пропущенных звонков от Твитча.

Я нахмуриваюсь.

Мой сотовый телефон оживает в моей руке, играет рингтон входящего звонка. Снова Твитч. Я игриво отвечаю на звонок:

— Эй, ты что, преследуешь меня?

Его ответ убивает мое хорошее настроение.

— Малышка, тебе нужно приехать в больницу. Ту, что на Маккауэр-стрит. Ты должна приехать сейчас же.

Мое сердце постепенно ускоряет свой ритм.

Я чувствую, как дрожит мой голос, когда я спрашиваю:

— Ты в порядке?

Я слышу, как он с трудом сглатывает. Затем тихо:

— Я в порядке. Это не из-за меня, Лекс. Это из-за мальчишки. — Он говорит два слова, из-за которых кровь застывает в моих жилах.

— Майкла ранили.

Сердце выпрыгивает у меня из груди, пока я бегу по заполненной людьми городской улице.

Я бегу настолько быстро, что через какое-то время перестаю чувствовать свои ноги. Я проталкиваюсь и протискиваюсь через море людей, даже не утруждая себя извинениями. Я кричу прохожим, чтобы они убирались с моей дороги.

Я в панике. Я взвинчена.

Разве эти люди не понимают, что у меня чрезвычайная ситуация? Как они смеют спокойно радоваться жизни, когда моя собственная жизнь рушится?

Я взволнована. Я боюсь.

И эти чувства усиливаются, когда я, наконец, достигаю входа в больницу. Остановившись в регистратуре, я поспешно спрашиваю, где находится приемная экстренной помощи. Как только мне отвечают, я несусь туда. Пока бегу по коридору стерильной больницы, миллион различных мыслей мельтешат у меня в голове.

Что, если Майки серьезно ранен? Что, если после всего этого ему нужен будет специальный уход? Что если он...

Прогоняя безумные мысли из своей головы, я решаю подождать деталей, чтобы точно знать, к чему мне быть готовой.

Может быть я рано распереживалась.

Я добегаю до конца коридора и вижу Твитча. Тяжело дыша и вспотев после бега, я подхожу к нему. Он стоит спиной ко мне, и я тихо спрашиваю:

— Что случилось?

Твитч поворачивается ко мне. На лице ни единой эмоции.

Разглядывая мое лицо какое-то мгновение, он объясняет:

— Мальчишка хотел пригласить свою девчонку. Он сказал мне, что сделал бы это, если бы не опаздывал на работу, так что я попросил Хэппи отвезти его, а потом они должны были провести с Хэппи весь оставшийся рабочий день. — Опуская глаза, он переступает с ноги на ногу, наклоняется ближе и шепчет: — Хэппи должен был сделать несколько остановок. Поприсутствовать при кое-каких сделках. Проверить безопасность некоторых отправок.

Кровь отхлынула от моего лица.

— Хэппи отвез мальчишку к девчонке, затем они приступили к работе. Они побывали в трех местах без каких-либо происшествий, — делая ко мне шаг, он осторожно сжимает меня за плечи: — Хэппи понял, что что-то было не так, как только они вошли в то здание. Внутри было слишком много людей. Вооруженных людей. Они пытались получить товар не оплатив его. Хэппи действовал осмотрительно, поместил мальчишку себе за спину, прежде чем достал свое оружие.

Он поднял руку, взял меня пальцами за подбородок и приподнял его так, чтобы мы смотрели друг другу прямо в глаза.

— В моего торговца стреляли. Он скончался на месте. Хэппи попали в плечо, — несколько секунду он пристально всматривался мне в глаза. — Майклу попали в спину.

Всхлип вырывается из моего горла, и меня начинает трясти. Я отхожу от него и срывающимся голосом спрашиваю:

— Где он?

С трудом сглатывая, он подходит ко мне.

— Хэппи вывел их оттуда под градом пуль. Он быстро доставил его сюда. Он потерял много крови...

Я делаю шаг назад. Еще более неуверенным голосом:

— Где он?

—...много крови. Они начали вливать ему кровь, как только он поступил. Хэппи заранее позвонил им, чтобы они были готовы. Они ждали у дверей в экстренное отделение....

Севшим голосом я говорю:

— Я хочу увидеть его, Твитч.

—...потеря крови очень ослабила его и у него произошла остановка сердца. Они откачивали его несколько раз, и он боролся, детка, он так боролся, но....

Я слабо шепчу:

— Я хочу увидеть моего мальчика.

Его взгляд наполняется болью:

— ...но он умер, Ангел. Его больше нет.

Мое сердце перестает биться. Задыхаясь, я отхожу от Твитча, вытянув руки вперед, как бы предупреждая его, чтобы не подходил ближе. Несмотря на то, что я продолжаю дышать, у меня все равно остается такое чувство, будто из меня выкачали весь воздух. Голова кружится.

Он не сказал этого. Он не мог сказать то, что сказал.

Это шутка. Глупый розыгрыш. Надо мной просто подшучивают.

Не плачь. Ты участвуешь в «Подставе».

Грудь тяжело вздымается, и я поднимаю свой взгляд к его холодным карим глазам. Только сейчас они не такие холодные. Они теплые, извиняющиеся и умоляющие.

Вот тогда-то до меня доходит. Он умер.

Майкл правда умер.

— Нет, — шепчу я, поднимая дрожащую руку, чтобы закрыть ею рот, в то время как другой рукой я обнимаю себя. Успокаиваю себя. Зажмуриваюсь и тихий протяжный вой вырывается из моего горла.

Мое горе улетучивается, уступая место гневу, забурлившему в моих жилах как жидкая лава.

Это все его вина.

Тяжело дышу, открываю глаза, стискиваю зубы и шиплю:

— Ты во всем виноват. Это все твоя вина! — Твитч делает маленький шаг назад, как будто мои слова физически ранят его. — Он был всего лишь мальчишкой. А теперь он мертв. Моя работа заключается в том, чтобы помогать им, но теперь я буду жить, зная, что ответственна за все, что случилось... за его смерть... потому что... — мой голос ломается. — ...он никогда бы не повстречал тебя, если бы я не трахалась с тобой!

Уронив подбородок вниз, мои плечи начинают содрогаться от тихих рыданий. Почувствовав пальцы на своей руке, я вздрагиваю.

Медленно подняв голову, я смотрю на него с отвращением:

— Нет. Не смей трогать меня! — отхожу и делаю контрольный выстрел: — Все, к чему ты прикасаешься становится дерьмом.

Развернувшись я ухожу прочь. Безостановочно рыдая, я задаюсь вопросом, как же я скажу Талии, что ее свидание отменяется.

Жизнь иногда приносит столько горя и печали, что невозможно подобрать слова, чтобы выразить всю печаль, горечь и скорбь, которую чувствует человек.

Я думаю, именно поэтому Бог предоставил людям возможность плакать.

Когда люди плачут, они чувствуют, что печаль медленно оставляет их. Они, будто отдают дань уважения человеку, который умер, посредством слез. Они позволяют горю захлестнуть их, и через слезы избавляются от небольшой части своей невидимой боли.

Звонок Талии, был самой сложной задачей, какую мне когда-либо приходилось выполнять.

Сдерживая слезы, я пыталась быть сильной ради нее. Я старалась изо всех сил. Она подумала, что я звоню поздравить ее и дать пару советов перед свиданием. Она радостно смеялась в трубку и кричала: «Я не могу поверить, что он, наконец-то, пригласил меня!». В этот момент я сломалась.

Я объяснила ей, что свидание не состоится и она замолчала. Очень трудно понять, разговаривая по телефону, что чувствует человек, когда этот человек молчит. Ты не знаешь, что происходит или как он отреагировал на твои слова. Хлюпая носом, я рассказала ей о несчастном случае и что Майкла доставили в больницу. В ту же секунду Талия в панике спросила, в какую больницу. Она сказала, что хотела бы навестить его. Я очень старалась подготовить ее к плохой новости. Но вскоре я поняла, что нет ни одного легкого способа рассказать человеку, что тот, кто им был дорог — умер.

Талия продолжала молчать, пока я объясняла, что Майкла смертельно ранили. Она

терпеливо слушала, не показывая своих эмоций. Она закончила наш разговор разъяренным:

— Это все, мисс Балентайн? Мне, правда, пора идти.

Ее внезапное изменение поведения должно было вызвать тревогу, но я знала, что она просто защищает себя. Я собралась с силами, чтобы сказать ей, что всегда свободна если ей захочется поговорить и, чтобы она по возможности сообщила мне, если ей что-то понадобится. Она что-то промямлила мне в ухо и сказала, что в этом нет необходимости. Мы сдержанно попрощались друг с другом, и Талия уронила телефон, вероятно думая, что завершила звонок. Но она не нажала «отбой».

Я слушала как она плакала, примерно, целый час.

Я не могла заставить себя повесить трубку. Я чувствовала, что если так сделаю то, будто брошу ее. Я не могла так поступить. Ни с одним из моих подопечных. Так что я редела вместе с ней.

Чарли дал мне отпуск на оставшуюся часть недели. Я пыталась скрывать то, насколько сильно меня это затронуло, но он видел меня насквозь. Чего он не знал так это то, что эта неделя станет для меня настоящей пыткой. Мой мозг будет возвращаться к тем событиям, к которым не должен.

Всю неделю я проведу, виня себя в случившемся. Всю неделю я буду ненавидеть Твитча. И скучать по Майклу.

Я уснула под утро, выплавав море слез. Мое сердце было разбито на мелкие осколки.

Чувство вины съедало меня изнутри.

Почему он должен был умереть, в то время как мне позволено жить?

Ему было семнадцать лет.

В полудреме я чувствую, как кто-то опускается на кровать рядом со мной. Я сразу же узнаю его запах. Не до конца проснувшись, мой рот приоткрывается, и я всхлипываю, угадывая причину того, почему он так тихо прокрадывается ко мне. Он обнимает меня руками. Он прижимает меня к своей груди, убаюкивая меня и шепча что-то в мои волосы. Иногда, я различаю, что именно он шепчет. Его горячие слезы скатываются по моему виску.

Он говорит мне, что все будет хорошо. Он говорит, что он все наладится. Он говорит, что ему жаль. И повторяет это снова и снова.

Наши тела и конечности сплетаются воедино. И последнее, о чем я думаю, прежде чем уснуть — это о том, что сейчас не самое подходящее время, чтобы сообщить ему, что я беременна.

Проснувшись в темноте, я понимаю, что одна и на мгновение паникую. Подняв голову с подушки, улавливаю какое-то движение на кухне, и моя голова с глухим ударом падает обратно.

Мне снился Твитч, пока я спала.

Он был прекрасен, сидел верхом на белом жеребце, облаченный в сияющие, серебряные доспехи. Его татуированная рука опустилась вниз ко мне. Я долго смотрела на ту руку, прежде чем отошла от него и наблюдала, как он растворяется перед моим мысленным взором.

Возможно, я так нафантазировала его себе, что теперь не вижу его таким, какой он есть на самом деле.

Мне не нужен рыцарь в сияющих доспехах.

Я хочу рыцаря в потертых доспехах.

Я хочу, чтобы на его шлеме были вмятины. Я хочу, чтобы мой рыцарь был настоящим, мрачным и неукротимым. Я хочу, чтобы мой рыцарь умел выживать. Чтобы он был кем-то, кто проверен временем и прошел через испытания. А не какая-то размазня в блестящих доспехах.

Мне не нужен блестящий металл. Мне даже не нужен гребаный рыцарь. Мне нужен бесстрашный воин.

Мне нужен Твитч.

Подойдя к кухне, я останавливаюсь в конце коридора и заглядываю внутрь. Мое сердце обливается кровью при виде него.

Он сидит ко мне спиной, плечи опущены, а подбородок покоится на груди. Не желая тревожить его, я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Мне нужна помощь, — шепчет он.

Не поворачиваясь к нему, я крепче хватаюсь за дверную раму и отвечаю так же тихо, через плотный комок, застрявший в горле:

— Я знаю, малыш.

Проходит какое-то время, прежде чем он тихо спрашивает:

— Как бы мне, я-я имею в виду, как я.... — мне отчетливо слышна растерянность в его голосе: — Как?

Наконец повернувшись, я окидываю взглядом его поникшую фигуру.

— Я помогу тебе.

— Нет. Кто угодно, кроме тебя.

Я повторяю, на этот раз тверже:

— Я помогу тебе, Твитч.

Я изо всех сил напрягаю свой слух, чтобы разобрать то, что он шепчет:

— Я не заслуживаю твоей помощи.

Он прав. Он не заслуживает. Но это не значит, что я проигнорирую мольбу в его голосе. Я не могу так поступить. Пересекая комнату, я кладу руку на его голое татуированное плечо. Он вздрагивает.

Тут же придя в себя, он кладет свою руку поверх моей и легонько сжимает ее:

— Мне нужна помощь.

Я сжимаю его за плечо, таким образом выражая свою безмолвную поддержку. У меня покалывает переносицу. Глаза наполняются слезами. Я отчаянно пытаюсь сдержать их. Все напрасно.

Мое тело сотрясается в тихих рыданиях. Это приносит мне облегчение.

Я не могу верить в это. Я ошеломлена. Я никогда не думала, что наступит этот день. Он готов.

Он хочет, чтобы ему помогли.

Этот несчастный случай передается по всем новостям.

Как мальчик, семнадцати лет, распространяющий наркотики, попал в перестрелку и был убит наркодилерами в подозрительной части города. Как по счастливой случайности, оказавшийся в том же месте уважаемый бизнесмен выжил после того, как попытался помочь мальчику. Но каждый, кто слушает эту историю качает головой, будто хочет сказать: «этого

и следовало ожидать». Потому что Майкл был очередным никому не нужным подростком. Очередным мятежным мальчишкой, который делал все возможное чтобы шокировать других людей и был источником неприятностей. Он был просто куском грязи, который заслужил такой конец.

Мое сердце разрывалось на части от обиды за него, разбивалось с каждым ложным пересказом этой истории. И каждый гребанный раз события того злополучного происшествия портятся и искажаются все больше.

Никто из этих людей не был знаком с ним лично. У него было светлое будущее. Он хотел жить. Правильной жизнью. Он много работал, чтобы достичь своей цели.

Но судьба распорядилась иначе.

Твитч ушел утром, до того, как я проснулась. Я планировала рассказать ему о нашем скором прибавлении. Увы, сегодня не вышло. Я не представляю, как он отнесется к этой новости. Я ведь сделала это не специально. Проводя все те ночи в его доме, я действительно забывала принимать эти проклятые, противные таблетки. Они лежат на моей тумбочке, чтобы я не забывала принимать их перед сном. К сожалению, проведя в его доме целую неделю, я забегала домой только чтобы проверить почту, напрочь забыв про таблетки. И теперь, я нахожусь на раннем сроке беременности. На настолько раннем, что мне нужно поговорить с ним, чтобы я могла планировать как мне дальше быть.

Оптимистичная часть меня мечтает, чтобы, как только он услышит эту новость, он поклянется исправиться и станет лучшим человеком начиная с той же самой минуты. Реалистичная часть меня — усмехается.

Вряд ли.

Хотя, я готова взвалить это на себя в одиночку.

Не буду лгать. Иметь частичку Твитча внутри себя...это обалденно.

Сжимая пульт от телевизора мертвой хваткой, я не могу заставить себя отвернуться, когда они приписывают Майклу все то, чего он не делал. Я хочу вскочить и крикнуть: «Вы его совсем не знали!»

Кровь закипает в моих жилах.

Я выключаю телевизор и кидаю пульт.

Если эта ситуация чему и научила меня, так это тому, что жизнь коротка и если ты хочешь что-то, то тебе нужно протянуть руки и схватившись за это обеими руками, крепко держать и никогда не выпускать.

Я улыбаюсь сама себе.

В хорошем он настроении или плохом, но сегодня Твитч узнает, что я беременна. Я надеюсь на лучшее, ожидая худшего.

Никки и Дэйв сидят передо мной с открытыми ртами в полной тишине. Потягивая зеленый чай, я терпеливо жду их реакцию.

Дэйв первым приходит в себя:

— Беременна — это, типа, у тебя будет ребенок? Или беременна — это, когда тебя так переполняют эмоции, что ты, как бы беременна ими и готова взорваться в любой момент, забрасывая жителей Сиднея смесью счастья и печали?

Мы с Никки обе поворачиваемся и смотрим на него с озадаченными лицами. Его плечи резко опускаются:

— О, мой бог. Ты забеременела от семени того сексуального дьявола.

Я печально улыбаюсь:

— О, не будь таким грубым. Он не настолько ужасен. Он... — я мысленно возвращаюсь в прошлую ночь. — Он знает, что ему нужна помощь. Он просил помочь ему.

Никки протягивает руку через столик и кладет свою теплую ладонь поверх моей:

— Я знаю, что ты будешь самой лучшей мамой на свете. Я просто знаю это. И если Твитч готов ко всему этому, тогда я поддержу вас на сто процентов. Я знаю, что ты никогда не сделаешь ничего, что навредило бы твоему ребенку.

Она права. Я не сделаю.

Дэйв говорит с неодобрением:

— Крошка, я просто не понимаю, как ты позволила этому случиться. Это было чертовски неосмотрительно с твоей стороны. Ты ведь едва знаешь этого парня.

Никки шлепает его, и я благодарна ей за это. Мне не хочется слышать подобное в данную минуту. Дэйв пожимает плечами и одними губами спрашивает:

— Что?

Видя мое побежденное выражение лица, он закатывает глаза:

— Я не имел ввиду, что это плохо. Но могло бы быть лучше, так ведь? И я знаю, из-за потери Майкла, ты эмоционально вымотана сейчас. Я просто не хочу, чтобы ты принимала какие-то решения в таком нестабильном состоянии, — пододвигая свой стул ко мне поближе, он обнимает меня. Наклонившись, я лгну к его плечу: — Я люблю тебя. И какое бы решение ты не приняла, я всегда буду на твоей стороне. Как ты была на моей. И боролась за меня.

И я снова люблю его. Бесстыжего засранца.

Играя со своей чайной чашкой, я избегаю их взглядов:

— Я хотела, чтобы вы первые узнали об этом. Я не знаю, что будет дальше, но мне не хочется терять веру. Он все еще не признался мне в любви... — я поднимаю на них глаза, мой взгляд полон решительности. Я шепчу: — ...но я чувствую это. Я знаю, что он любит меня. Но, как бы боится признаться мне в этом. Как будто боится показать свою слабость или что-то в этом роде.

Никки кивает:

— Любовь и есть слабость, Лекси. Ты отдаешь свое сердце на блюдечке с голубой каемочкой кому-то, чтобы он распоряжался им, как пожелает. Ты должна безгранично доверять тому человеку, чтобы решиться на такое, — она вздыхает. — Ты ничего не сказала нам об обвинениях в торговле наркотиками, о которых все вокруг только и говорят, и ты никак не опровергла этого. Так что вместо того, чтобы читать тебе нотации, я скажу вот что. Для такого человека как Твитч объясниться кому-то в любви — это и есть настоящая слабость.

Мое сердце пропускает удар. Они знают.

Никки продолжает:

— Ты просто сама подумай. Кто-то, кто имеет что-то против Твитча, будет иметь что-то и против тебя. Это даже не личное. — Мои глаза округляются. Она права. Она наклоняется вперед и шепчет: — Кто-то, кто имеет что-то против Твитча... — она делает паузу, — ...тот будет иметь что-то против твоего ребенка.

Нет. Я не подумала об этом. Мое сердце начинает бешено колотиться.

Дэйв продолжает сидеть, поджав губы, но я вижу, что он хочет что-то сказать. Я

спрашиваю:

— Ты хочешь что-то добавить?

Он присвистывает:

— Ох, спасибо! — откашлявшись, он говорит: — Если ты серьезно относишься к этому парню, ты должна быть готова ко всему, что идет вкупе с ним и его образом жизни. — он высказывает все то, на что я упорно пыталась закрывать глаза. — Наркотики, проблемы, зависимость, женщины. — Он смотрит на меня с сожалением. — Такой мужчина как Твитч не свяжет себя с одной единственной женщиной, крошка. Извини, но это так.

Водя по краю чашки ногтем, я благодарна внезапно наступившей тишине. Мне нужно о многом подумать.

Я всматриваюсь в фотографию в своей трясущейся руке. Где-то глубоко внутри меня закипает гнев.

Обмякшее тело Майкла в руках Хэппи, пытающегося выбраться из кровавой бойни, которая была подстроена. Переворачиваю фото и читаю.

Все, кого ты любишь — умрут.

Голову сдавливают словно тисками, когда я читаю следующее предложение.

Она следующая.

Кровь шумит у меня в висках.

Как только я увидел почерк, я понял, от кого это послание. Одноглазый иранец только что подписал себе смертный приговор. У меня нет выбора.

Пришло время причинить Лекси боль.

Стоя перед великолепными дверями из красного дерева, которые являются дверями кабинета Твитча, я не решаюсь постучать. С трудом сглатывая, я поворачиваю голову налево и вижу Линг, которая прожигает взглядом дыру в моей голове.

Господь Бог не дал ей способность улыбаться. Я думаю, ее лицо потрескалось бы от усилия.

Повернув голову вправо, я вижу Хэппи, сидящего на краю стола и дающего инструкции сотруднику, пальцы его рук сцеплены вместе. Он замечает меня, и мое сердце замирает. Его взгляд встречается с моим, и я вижу вспышку боли, отразившуюся на его лице. Я знаю, он чувствует себя ответственным за то, что случилось с Майклом.

Я не дура. В этом нет его вины. Но это не значит, что мне не больно видеть его перед собой. Живым и здоровым.

Я морщу лоб.

Чего я жду? Мне надо действовать.

Кладу руку на дверную ручку и вхожу без стука. Я призываю все свои силы перед этой схваткой, мысленно подбадриваю себя. Твитч любит меня, независимо от того признавался он мне в этом или нет. Я знаю, что любит.

Он — всё для меня.

Я никогда не буду любить так, как я люблю его. Моя любовь к нему практически безгранична. Подходя к его столу, я улыбаюсь:

— Привет, малыш, можем поговорить?

Даже не взглянув на меня, он со вздохом отвечает:

— Серьезно, Лекси, я не могу каждый раз бросать все свои дела, когда тебе хочется поболтать. Поговорим позже. Кстати, сегодня ты ночуешь у меня.

Я морщу нос.

Что случилось с «Я все исправлю» и «Прости меня»? Это не тот мужчина, который покинул мою постель сегодня утром. Что-то тут не так.

Переступая с ноги на ногу, я спрашиваю:

— Л-ладно, ты уверен, что у тебя нет минутки перекинуться парочкой слов?

Он резко вздыхает и встает. Глядя на меня ледяным взглядом, он выплевывает:

— Чертовски уверен, Алекса. У меня нет времени выслушивать твоё дерьмо.

И эти слова обрушиваются на меня как пощечина.

Я ненавижу себя, когда чувствую, как начинает покалывать переносицу. Я не слабый человек. Я выясню, что тут происходит.

— Что случилось, малыш?

Обойдя стол, он раздраженно произносит:

— Ничего. Абсолютно ничего. Если я говорю, что у меня нет времени, значит так и есть. А ты пытаешься создать проблему там, где ее нет.

— Что-то не так. Я слышу это по твоему голосу. Что-то произошло, — отвечаю я. Набравшись храбрости, я спрашиваю: — Ты расстаешься со мной?

На его губах появляется жестокая улыбка:

— Для того чтобы расставаться, нам необходимо быть парой.

Маленький кусочек моего сердца откалывается и падает на пол, разлетаясь на мелкие осколки. Слезы жгут глаза.

— Я не понимаю, я думала мы... — делая шаг назад, я пожимаю плечами.

Остановившись передо мной, он выплевывает:

— Все мои проблемы в жизни, всё из-за тебя.

Все мое тело дрожит от страха. Мое сердце бьется как сумасшедшее. Я действительно очень напугана в эту секунду.

— Что ты хочешь услышать, Лекси? — с издевкой произносит он. — Что я бл*дь люблю тебя? Что ты значишь... — стиснув зубы, он бьет себя кулаком в грудь, — ...все для меня?

Моя голова гудит. Дрожащими губами я шепчу:

— Я просто хочу понять тебя.

Он натянуто смеется:

— Удачи тебе в этом. Я даже сам не могу понять себя.

Он начинает расхаживать туда-сюда. Его челюсть напрягается.

— Знаешь, что я могу рассказать тебе о себе? Честно?

Смотрю на него сквозь слезы, застилающие глаза, и киваю.

Я бы пошла на преступление, чтобы хоть что-нибудь о нем узнать.

Угрюмо глядя в мою сторону, он шипит:

— Я — плохой человек. В этом можешь не сомневаться.

Мое сердце ухает вниз.

— Хочешь узнать причину? — добавляет он.

Сдерживая рыдания, я киваю, и одинокая слеза скатывается по моей щеке.

Он смотрит внимательно на мою слезу и бормочет:

— Выбрав меня, ты прольешь намного больше слез. Я это тебе гарантирую.

Подняв руку и обведя ею весь кабинет, он вкрадчиво произносит:

— Все это я сделал для тебя. Когда ты еще даже не была знакома со мной.

Где-то глубоко внутри меня затеплилась надежда. Твитч замечает это и качает головой:

— То, что я расскажу тебе — не повод для радости, Лекси. Так что слушай внимательно. Мне нужно, чтобы ты поняла насколько я конченный подонок. Пришло время тебе узнать меня.

Подойдя обратно к своему столу, он со вздохом присаживается на его краешек.

— Я всегда знал, что мне надо к чему-то стремиться в этой жизни, но в школе, к сожалению, я учился очень плохо, так что мне надо было найти другой выход, чтобы реализовать себя, — он опускает голову на грудь. — В это время в мою жизнь вошли наркотики. Я решил усиленно работать, чтобы заработать кучу денег и потом вернуться за тобой.

Я не могу унять сердце, рвущееся из груди. То, что он говорит далее, заставляет кровь застыть в моих жилах.

— Я хотел заманить тебя в ловушку, — шепчет он.

Шагнув назад, я делаю слабый вдох.

Он смотрит на мои ноги, когда я отхожу и говорит:

— Умница. Наконец-то ты начинаешь кое-что понимать.

Он отталкивает меня. Я не знаю почему, но собираюсь это выяснить.

Я, заикаясь, спрашиваю:

— 3-за что? И как?

Его руки хватаются за край стола. Он глубоко вдыхает и на выдохе отвечает:

— Ты должна была жить в дерьмовом доме с дерьмовой семьей и дерьмовой жизнью. Я рассчитывал на это.

Так что, когда я заработал свой первый миллион и вернулся за тобой... — Я открываю рот от удивления и кладу руку на грудь. Его глаза вспыхивают, и он безжалостно ухмыляется: — Ну да. Я вернулся за тобой. Только тебя там не оказалось. Но твоя семья по-прежнему там жила. Итак, когда я постучал в дверь и спросил дома ли Алекса, твой отец рассмеялся мне в лицо.

Он стискивает челюсть:

— Он смеялся надо мной. Я стоял, весь из себя гребаный миллионер, а этот мудака с искусственными зубами смеется надо мной? Неа. Не в этой жизни.

— Что ты сделал с моим отцом?

Он наклоняется вперед и кривит губы:

— Ничего, чего бы этот ублюдок не заслужил. Мне следовало бы заставить его умолять. А ты вообще в курсе, что твой брат умер? Твой папаша хотя бы попытался разыскать тебя, чтобы сообщить эту новость?

Пятясь назад, я спотыкаюсь и падаю на задницу.

Нет. Нет!

А Твитч просто стоит и смотрит. Смотрит вниз на меня. Как будто я кусок грязи.

— Кто ты?

Он смеется:

— Теперь ты спрашиваешь? Ты трахалась со мной несколько месяцев и даже не знала моего имени. Кто так делает?

То, что он говорит далее, заставляет меня осознать, что я пыталась понять человека, которого вообще не знала. Он смотрит мне в глаза и спокойно объявляет:

— Меня зовут Тони Фалько. Я все ночи напролет мечтал о девочке по имени Алекса, которая помогла мне, когда мне было восемь. Она сказала, что не забудет мое имя, — его лицо становится суровым, — и я пообещал себе, что так оно и будет.

Мои глаза округляются от потрясения, и кровь леденеет в жилах. Кровь в ушах стучит все сильнее.

Нет!

Это плохой сон. Чертов ночной кошмар. Этого на самом деле со мной не происходит.

Из глаз текут слезы. Я бормочу между тяжелыми вздохами:

— Антонио? Антонио Фалько?

Медленно кивая, он долго всматривается в мое лицо, прежде чем перекрещивает свои ноги и устраивается поудобнее.

— Ты мне представлялась маленькой гребаной сучкой. Тупой идиоткой, которая совала нос не в свои дела. И я пообещал себе, что найду тебя и превращу в свою собственность. И все из-за того, что ты помогла мне. Ты дала мне надежду в этом несправедливом долбаном мире. И когда эта надежда истощилась и умерла, я был озлоблен. Я и сейчас очень зол. Это все твоя вина, что у меня появились гребаные мечты. Мечты, которых у меня никогда не должно было быть, Лекси, — закрыв глаза, он произносит более мягким голосом: — Я не мог найти тебя. Тебя нигде не было. У меня была куча денег, куча возможностей, чтобы разыскать тебя, но я никак не мог найти тебя.

Он открывает глаза и пристально смотрит на меня:

— Как будто ты пряталась от меня. Издевалась надо мной, как бы говоря, что я никогда тебя не получу. Но никто не может сказать мне «нет», Лекси. Если кто-нибудь скажет, то он достаточно быстро поменяет свое мнение или сдохнет. Все просто.

Почему ты не уходишь?

Потому что это ранит меня так сильно, что мне необходимо дослушать до конца. Твитч в конце концов получит желаемое.

Слегка выпрямляясь, он вытаскивает запонки и кладет их перед собой на стол.

— Итак, я нанял того, кто однозначно смог бы тебя найти. И это стоило мне мой первый миллион, Лекси. Нокс лучший в своем деле, но даже он не мог напасть на твой след... целый долбаный год. Это разозлило меня еще больше, — его глаза вспыхивают. — Так что, когда наконец-то мне позвонили, я был взбешен. Он сказал мне, что ты живешь в Австралии вот уже несколько месяцев, и что твоя приемная мать должна была вот-вот умереть. Видишь, все это должно было смягчить меня, но нет, потому что, если бы ты осталась одна, мне было бы легче тобой манипулировать. Я полагал, что, возможно, хватит пары ужинов, и немного обходительного обращения, чтобы ты влюбилась. Черт, как же я ошибался!

Мой мозг отказался работать.

— Что-что случилось потом?

Скрестив руки на груди, он глубоко вздыхает и на выдохе отвечает:

— Ты была независимая. Очень милая. И чертовски привлекательная. Ты своими силами получила высшее образование. Даже мои деньги тебе не были нужны. По крайней мере я не думал, что они бы осчастливили тебя. И какое-то непонятное чувство зашевелилось во мне в самую первую секунду, как я притормозил и начал наблюдать за

тобой из-под капюшона.

Во мне тоже.

Он опустил подбородок.

— И в тебе тоже. Я знаю это, — поднимая свое лицо с явными признаками усталости, он вкрадчиво говорит: — Я не должен был быть очарован тобой. Ты должна была стать просто игрушкой для меня. Ни больше, ни меньше. Я намеревался унижать тебя при каждом удобном случае, просто потому, что это было бы в моей власти. Заставил бы тебя осознать, что надежда — это дерьмо. Я собирался заставить тебя делать ужасные вещи в свое собственное удовольствие.

Не хочу больше слушать. Пора уходить.

Поднявшись на трясущиеся ноги, я поворачиваюсь и иду к двери. Именно тогда он произносит те самые слова.

— Ты лучшее, что когда-либо происходило со мной. Если бы не ты, я бы гнил в тюрьме. Или был бы трупом. Я не знаю, что хуже. Но ты спасла меня, — он кажется разочарованным в самом себе, когда шепчет: — Я не должен был быть очарованным тобой.

По щекам струятся слезы, мое дыхание сбивается, и я поворачиваю ручку.

Позади меня раздаётся его жестокий и ядовитый голос:

— Скатертью дорога. Я знал, что ты создашь мне кучу проблем в ту самую секунду, когда нанял ту уличную крысу, чтобы он изнасиловал тебя.

Уходя, я мысленно слышу, как хрустит стекло у меня под ногами, потому что я наступаю на осколки моего разбитого сердца.

Его слова должны были остановить меня. Они должны были рассердить меня. Заставить меня бороться. Но у меня не осталось сил на борьбу.

С меня хватит.

Хватит подобных отношений. Хватит сходить с ума из-за того, кто ни во что меня не ставит и не любит меня. Хватит лжи и тайн.

Хватит.

Мое сердце не разобьётся. Там больше нечему разбиваться. Во мне пустота.

Я прокручиваю в голове слова Твитча.

...Я знал, что ты создашь мне кучу проблем в ту самую секунду, когда нанял ту уличную крысу, чтобы он изнасиловал тебя...

Рыдания вырываются из меня, когда я пытаюсь сбежать из «Фалькон Пластик». Достаточно забавно, Линг застает меня врасплох, когда я жду лифт. Ее лицо выражает смесь беспокойства и печали:

— Он порвал с тобой?

Я выплевываю:

— Отвали, ты, тупая шлюха.

Она вздыхает и прислоняется к двери лифта.

— Если он порвал с тобой... — она выпрямляется и начинает уходить. — ...на то была серьезная причина.

Пропуская ее загадочное сообщение, лифт открывается, и я чувствую его за спиной. Его голос звучит отчаянно.

— Ты поедешь на следующем. Нам нужно поговорить.

Его рука пытается схватить мою, но я отстраняюсь.

— Не о чем говорить

Он заходит в пустой лифт, следом за мной, двери закрываются, и он шепчет:

— Думаю, мне есть что сказать. Думаю, я мог бы отпустить тебя. Но... но я не могу.

Меня пронзает гнев.

— Как только я увидел, как ты уходишь, что-то щелкнуло внутри меня. Я-я не хотел этого. Я запаниковал. Пожалуйста, поговори со мной.

Не поворачиваясь к нему, я спрашиваю:

— Ты, правда, нанял того мужчину?

Он быстро отвечает:

— Да, — мой желудок ухает вниз, и он тут же добавляет: — Но он не должен был заходить так далеко. И он уже мертв. Так что это не важно. Я спас тебя.

Я усмехаюсь, и он говорит:

— Мне нужен был шанс познакомиться с тобой. Мне нужно было что-то сделать для тебя. Что-то, чтобы ты была у меня в долгу. Я-я люблю тебя, Лекси.

— Ты выбрал странный способ продемонстрировать это, — поворачиваясь к нему, я насмешливо произношу: — Антонио.

Встав передо мной и блокируя мне выход, он хватая мою руку и кладет ее на свою маленькую татуировку 13 на скуле. Его безумные глаза встречаются с моими.

— Чувствуешь этот шрам? Знаешь, как он появился? — его губа дрожит. — Ты должна знать. Ты была там.

Взяв в ладонки его щеки, я опускаю подбородок и тихо плачу.

— Я по-прежнему люблю тебя. Поэтому мне нужно уйти от тебя. Тебе нужна помощь.

Он игнорирует меня:

— Этот ангел появился передо мной. Я думал, что мне его послал Бог. Что мне суждено умереть, и она должна проводить меня на небеса.

Мои плечи содрогаются с каждым вздохом, я заикаюсь:

— П-пожалуйста, остановись.

Взяв мое лицо в свои руки, он продолжает:

— Она была властной как черт. И я чувствовал, что влюбился в нее. Но я думал, что она никогда не захочет такого как я. Моя жизнь была сложной, а мой мозг перестал работать как у других людей. Где-то между тогда и теперь, она тоже влюбилась в меня.

Целуя меня в губы, он говорит:

— Хотя, она в опасности. И мне нужно спасти ее. Потому что я люблю ее, — еще поцелуй. — Я убью любого, кто попытается сделать ей больно.

— Ты сделал мне больно. Ты делал это с первого дня. И мое сердце больше не вытерпит. Все кончено.

Двери лифта открываются, и он отступает.

— Ты сказала, что никогда не покинешь меня. И я помню это. Потому что, когда ты вновь будешь в безопасности, я вернусь за тобой, Ангел.

Оставляя его в лифте, я поворачиваюсь и начинаю отступать назад. Смотрю, как он наблюдает за мной, и говорю ему:

— Я беременна.

Его лицо искажается от боли. Слеза катится по 13 на его щеке. Фыркая, он поворачивает голову, чтобы вытереть слезу. Он кажется таким уверенным, когда говорит:

— Тогда, я вернусь за вами обоими.

Понимаю, что нет смысла спорить с Твитчем, я поворачиваюсь и иду разбитая к главному выходу. Мужчина придерживает для меня дверь. Он мягко улыбается, и я отвечаю улыбкой. Нет смысла злиться на мужчину, которого я даже не знаю. Особенно на того, кто ходит с повязкой на одном глазу.

Я прохожу совсем немного, прежде чем слышу крик Твитча:

— Лекси! Беги!

Но я не делаю этого, я оборачиваюсь на звук его голоса.

Мужчина с повязкой наставляет на меня оружие. Испуганный крик вырывается из меня, и люди разбегаются как муравьи.

Я не виню их. Если бы я не была так ошеломлена, я бы тоже побежала.

Мужчина ухмыляется и кричит Твитчу:

— Ты должен был лучше понимать, старый друг, — удерживая мой взгляд, он заявляет: — Никто не побеждает во время войны.

Сильно зажмурившись, я руками накрываю живот и жду неизбежного. Сейчас я умру.

Раздается выстрел, и я поражена тем, что практически ничего не чувствую.

Еще через три выстрела я открываю глаза. Твитча стоит за спиной у мужчины, приставив к его лбу пистолет. Мужчина смеется:

— О, ну. Стоило попытаться.

И это последние слова, которые произносит мужчина.

Тело мужчины неудержимо дергается, когда Твитч отпускает спуск и выпускает пулю в его мозг.

Твитч падает на колени перед телом мужчины, задыхаясь. Дотянувшись рукой, он ладонью прикрывает шею, и с этого места я не могу сказать, сильно ли ему досталось. Мой мозг, наконец, говорит моим ногам двигаться, и я бегу к нему. Мой рот не работает. Мои глаза рассматривают его шею, куда он прижимает ладошку. Кровь сочится между его пальцев, и я задыхаюсь:

— Тебя ранили.

Он хихикает:

— Просто царапина, малышка. Серьезно, ничего страшного.

Я вижу, как струйка превращается в поток. Его веки трепещут, и он слабо говорит:

— Найди Хэппи. Прямо сейчас.

Быстро встав, я бегу в здание и ору:

— Хэппи! Мне нужна помощь!

Не проходит и секунды, прежде чем я вижу Хэппи, выходящего из двери с правой стороны и бегущего ко мне. Не позволяя себе остановиться, я бегу и Хэппи следует за мной. Он кричит:

— Что случилось?

Я кричу в ответ:

— Его ранили. В шею.

Когда мы добегает до него, мое быстро колотящееся сердце замирает. Он не двигается. Хэппи подбегает к нему и поднимает его. Я вижу пулевое отверстие в его шее. С каждым ударом его сердца, кровь вытекает из его тела на тротуар.

Хэппи говорит:

— Давай, чувак. Держись! Просто держись! Очнись! — Хэппи трясет его, и он шевелится.

Вытащив его телефон, Хэппи набирает номер и говорит:

— Огнестрельное ранение в шею. Потерял много крови. Он едва в сознание, — он называет адрес, пока мы с Твитчем смотрим друг другу в глаза.

Он бормочет:

— Я слишком упрямый, чтобы умереть, малышка. Ты знаешь это.

Я знаю это. По крайней мере я выбираю верить в это прямо сейчас. С затуманенными глазами, я неубедительно шепчу:

— Хорошо.

Он выжимает из себя улыбку и слабо произносит:

— У меня были ранения хуже этого, — его веки трепещут. — Скажи мне, как мы назовем нашего малыша.

Я знаю, что он делает. Он пытается отвлечь меня.

Из пулевого отверстия сочится густая кровь, и я стою, ошеломленная, не способная отвести взгляд. Он шепчет:

— Малышка, посмотри на меня. Мне в глаза. Знаешь, я люблю, когда ты видишь меня.

Моргая сквозь слезы, я говорю ему:

— Я не думала об имени. Слишком рано.

Он слегка улыбается:

— Может быть, выберем вместе, когда мне станет лучше, да?

Я тут же отвечаю:

— Ага. Хорошо, дорогой.

Звуки сирен ревут вместе с красно-белыми сигнальными огнями, прерывая мои счастливые мысли. Чьи-то руки опускаются на мои плечи, и, когда я смотрю на санитаря, я вижу, как его рот открывается, но ни одно слова не доходит до меня. Кровь ревет в ушах, и я временно глохну. Страх парализует меня. Потом Твитча помещают в машину скорой помощи, он слабо улыбается мне. Хэппи запрыгивает с ним, и кричит мне:

— Встретимся в больнице, Лекси.

Кивая сквозь поток слез, я слабо командую:

— Не умирай, ладно?

Он отвечает настолько решительно, насколько может:

— Все будет хорошо.

И он так неистово произносит это, что я верю ему.

Я верю ему.

Пять лет спустя...

Просыпаясь утром из-за кого-то, ерзающего в изножье кровати, я сонно улыбаюсь:

— Кто же, спрашивается, это? В моей постели монстр? — я стараюсь изо всех сил казаться напуганной. Хотя истеричное хихиканье меня выдает.

Одним быстрым движением я сдергиваю одеяло и рычу как лев. ЭйДжей визжит, прежде чем запрыгнуть в мои объятия.

Я его крепко обнимаю и раскачиваю, целуя в лоб.

Заметив что-то у него на руках, я всматриваюсь и начинаю хохотать, затем спрашиваю:

— Дорогой, что случилось с твоими руками?

Поднимая взгляд вверх, он улыбается, и я стараюсь не рассмеяться во второй раз, из-за промежутка от двух недостающих верхних зубов.

Я знаю, он мой ребенок, но, боже, он великолепен.

Он показывает на тыльную сторону ладоней и объясняет:

— Я похож на папочку.

Всматриваясь снова в его руки, я внимательно разглядываю рисунки маркером по всей длине рук. Никто никогда не обвинит его, что он не любит папу.

Кстати говоря, нам пора собираться.

Мы живем вдвоем в доме с тремя спальнями в окрестностях Сиднея. Проживание с Твитчем не вариант.

Я уволилась с работы соцработника, и теперь гордо ношу звание мама-домохозяйка своего черноволосого и кареглазого мальчика четырех с половиной лет.

И он так похож на Твитча, что это пугает. Тот же внешний вид. Те же манеры. То же самое все.

Иногда я задаюсь вопросом, есть ли в этом ребенке хоть что-нибудь от меня.

Зная Твитча, его сперма, вероятно, добралась до моей матки и решила, что сделает все, что там надо для зачатия, самостоятельно. Упорство должно быть передается по наследству, потому что ЭйДжей такой же.

Быть матерью одиночкой не всегда легко, но, когда я смотрю на сыночка, я не могу себе представить мою жизнь без него. Он абсолютно точно стоит того. И он значит для меня все.

Еще раз целуя его в макушку, я говорю ему:

— Поживее, дорогой. Пора одеваться. Сегодня мы увидимся с папой.

Он подпрыгивает и орет:

— УУУрааа!

Потом он мчится как ракета в ванную. Я слышу, как включается вода, и знаю, что он чистит то, что осталось после его потерянных зубов.

Хихикнув сама с собой, я встаю с постели и начинаю собираться.

ЭйДжей бежит по коридору в майке и нижнем белье, с паникой во взгляде, он спрашивает:

— Что мне одеть?

Опустив подбородок, я сдерживаю смех.

Твитч.

Абсолютный Твитч-изм. В тот день, когда он начнет говорить: «Оденься прилично», у

меня случится сердечный приступ.

Зная, что он хочет одеться прилично на встречу с папой, я говорю ему:

— Как насчет черных джинсов и твоей толстовки с Человеком-пауком?

Мой сын смотрит на меня широко раскрытыми глазами, как будто я гений, и не говоря ни слова, бежит обратно в комнату. Я слышу, как вещи летают по комнате, и не могу остановиться.

Я тихо смеюсь, качая головой.

Он возвращается, одетый, и я говорю ему:

— Вот! Ты выглядишь отлично, дорогой. — И так и есть.

Потом я замечаю, что его руки все еще испачканы маркером, и предлагаю:

— Может быть, нам стоит вымыть руки?

ЭйДжей драматично вздыхает:

— Мам, я хочу показать папе, — и вопрос решен. Как я могу с этим поспорить?

Я быстро одеваюсь, и кричу:

— Давай, ЭйДжей. Поехали.

Он выходит следом за мной из дверей, и мы уезжаем.

ЭйДжей сказал мне подождать на моем привычном месте, пока он громко и оживленно поговорит с Твитчем.

Притворившись читающей, я сижу на скамейке и наблюдаю, как ЭйДжей показывает свои «татушки» и несколько новых игрушек. Его новая любимая игрушка — Баз Лайтер, которую он получил на прошлой неделе.

ЭйДжей какое-то время играет с космонавтом, затем садится перед папой и долго болтает.

Когда проходит полчаса, моя грудь сжимается.

Неохотно, я подхожу к ним и говорю ЭйДжей:

— Эй, дружок, ты не против, если я поговорю немного с твоим папой наедине?

ЭйДжей не выглядит радостным, но бормочет:

— Ладно.

— Оставайся в поле мой видимости, малыш.

Он идет и садится на скамейку, где я обычно жду, а я поворачиваюсь к Твитчу.

— Он прекрасен, не так ли? — спрашиваю я.

Но, как обычно, блестящее белое надгробие не отвечает. И мое сердце болит.

В тот день, когда я попыталась уйти и когда ранили Твитча, он провел неделю в искусственной коме, прежде чем умереть.

И это было тяжело.

Это всегда тяжело терять кого-то, кого ты любишь. Но это было еще тяжелее. Это было тяжелее, потому что мы поссорились.

Это было тяжелее, потому что я сказала ему, что смерть Майкла его ошибка.

Это было тяжелее, потому что я только что узнала, что была беременна.

Это было тяжелее, потому что было две смерти, которые я оплакивала.

Майкл и Твитч.

Я взяла бессрочный отпуск на работе, но, в конце концов, решила, что я слишком сломлена, чтобы помогать другим сломленным людям. Это было эгоистично, но я сделала то, что было лучше для меня.

Хэппи, Никки и Дэйв по-прежнему занимают громадную часть нашей жизни. Я не

оставила им выбора.

Они крестные Эйджея.

Мы собираемся вместе так часто, как только можем, а это обычно раз в неделю. Эйджей упивается историями, которые дядя Хэппи рассказывает ему о его папе.

Спустя месяц после его смерти на моем пороге появилась Линг. Мы очень долго пристально смотрели друг на друга. Она опустила взгляд вниз на мой слегка округлившийся животик, затем сломалась. Я держала ее, и мы оплакивали его вместе, объединенные нашей любовью к Твитчу. Перед тем как уйти, она вручила мне конверт, и еще не открыв его, я знала, что внутри.

Подумать только, чек с семизначным числом внутри. Я обналичила его и, когда родился Эйджей, положила большую часть денег в трастовый фонд для него, которым он сможет распоряжаться, когда ему исполнится двадцать один год. Я купила дом и положила часть денег на счет, нам на проживание. Не то чтобы это необходимо. Каждый месяц, более чем достаточная сумма денег приходит мне на счет. Деньги, которых нам с Эйджеем хватает для вполне комфортной жизни. Я просила, чтобы Хэппи прекратил это. Он поклялся, что это не он, и после детективного расследования источник денег так и не был найден.

Эйджей носит имя Твитча.

Полное имя моего малыша Антонио Фалько младший.

Чек не удивил меня. Я всегда знала, что Твитч будет заботиться обо мне. Но не всегда тем способом, которым я бы хотела.

Он всегда делал хорошие вещи неправильным способом. Но он любил меня. По-своему. Я знала, что он любил меня. И дело в том, что я по-прежнему люблю его.

Смотрю вниз на мраморное надгробие, в переносице начинает покалывать.

Губы дрожат, и я задыхаюсь:

- Это не становится легче, малыш. Однажды я хочу прийти сюда и уйти без слез, — слезы текут ручьем, — но я не могу. Это слишком тяжело, — я хлюпаю носом. — Я все еще чувствую тебя. Я знаю это ненормально, но я чувствую, как ты наблюдаешь за мной. Это утешает. Даже если это только в моей голове. Иногда я не могу удержаться и начинаю искать тебя взглядом. Я бы отдала все что угодно, чтобы увидеть тот капюшон.

Вытирая щеки, я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Я люблю тебя. Твой сын любит тебя, — мой голос дрожит. — Я надеюсь, ты чувствуешь нашу любовь там. Потому что мы все еще чувствуем тебя здесь. Эйджей гордится, что ты его папочка, — отступая назад, шепчу я. — Ты навсегда мой герой. С днем рождения, Твитч.

Я подхожу к сыну, беру его за руку, и мы вместе идем к нашей машине. Эйджей высвобождает руку и бежит обратно к Твитчу. Покопавшись в кармане, он вытаскивает маленький кулачок из штанов и кладет M&M's на сверкающее надгробие, затем, улыбаясь, возвращается ко мне. Тяжело дыша, он добегают до меня. Я наклоняюсь и целую его в душистую головку. Он снова берет меня за руку, и меня охватывает знакомое чувство.

Мое сердце обливается кровью, когда я ухожу от единственного мужчины, которого я когда-либо любила.

Я наблюдаю со своего обычного места, с помощью бинокля мне все четко видно. Из-за рук Эйджея, разрисованных маркером, я плачу как гребаный младенец.

Видеть растерянную Лекси тоже не капельки не помогает.

Эта женщина должна была стать моей женой.

Я завидую Хэппи. Завидую, что он может проводить время с моей семьей, когда я только лишь тень.

Но мой сын заслуживает лучшей жизни, и, если это подразумевает, что я не буду частью его жизни, тогда так тому и быть. Так что я буду наблюдать, как он растет, издалека.

Это чертовски отстойно, но я люблю его достаточно, чтобы понимать, что ему лучше без меня. Поворачиваюсь и ухожу, зная, что, став для них мертвым, я поступил неэгоистично. Впервые в жизни.

Я приду за ними.

Искупление близко. И я зову его ЭйДжй.

Больше книг на сайте — Knigolub.net